

Труды
Научного центра
славяно-германских
исследований

1

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр славяно-германских исследований

А.А. Гугнин

Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней

Handrij Zejler

Jan Arnošt Smoler

Jakub Bart-Ćišinski

Москва, 1997

**Труды научного центра
славяно-германских исследований. 1.**

А. А. ГУТНИН

**ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ
Москва, 1997. — 224 с.**

Издание посвящено
150-летию
Матицы серболужицкой

ISBN 5-7576-0063-2

© Гутнин А. А., 1997

**© Научный центр славяно-германских исследований
ИСВ РАН, 1997**

Труды

Научного центра
славяно-германских
исследований

1

Название предлагаемого труда точно отражает замысел и – до некоторой степени – возможности его автора. История национальной литературы, исследуемая на протяжении длительного периода ее существования и развития, требует комплексного взаимодействия различных гуманитарных наук, которые в XIX–XX вв. стремительно обособлялись, обретая собственную методологию и методику, собственное *видение* предмета своего изучения. На это не приходится сетовать. Возможно ли сегодня представить очевидные успехи в изучении этногенеза индоевропейских народов без участия лингвистики и археологии с их разветвленными и многообразными приемами и методами? Не менее важное значение имеют мифология и фольклористика, которые, тесно соприкасаясь друг с другом (поскольку зачастую “обрабатывают” одни и те же тексты и исторические памятники), представляют совершенно самостоятельные науки, использующие принципиально различный инструментарий и решающие свои собственные задачи. В то же время история литературы, разворачивающаяся в рамках общей истории культуры и немыслимая вне ее, начинается по существу задолго до появления первых памятников письменности, которые лишь фиксируют уже давно функционирующий *язык* (и его неизбежную историческую эволюцию), запечатлевают с его помощью разнообразные *факты* мифического, обрядового, ежедневно-бытового и случайного свойства, неизбежно пропуская их через уже существующую, неразрывно связанную с языком, объективно-субъективно выраженную и этнически (национально) окрашенную *психологию*, в результате чего историк литературы и культуры уже на достаточно ранних этапах развития национального этноса может зафиксировать наличие *национального образа мира*, несущего в себе как общие, так и *особенные* черты при сравнении с соседствующими национальными моделями мира. Вся последующая история национальной литературы с постоянной неизбежностью возвращается к своим первоисточкам, по-новому вглядываясь в них на каждом новом этапе своей исторической эволюции, все более разнообразя и усложняя их трактовку, все время актуализируя ее по мере своей сиюминутной или перспективной исторической надобности, то “приближаясь” к (изначально?) заданной сути *национального характера*, то “удаляясь” от него, то обогащая и просветляя его, то затемняя и урезая заложенные в нем возможности. И в этом смысле историк литературы тоже никак не может “выпасть” из своей эпохи, он всегда связан с ней имеющимися в его

распоряжении источниками, общим уровнем знаний, мнений и научных концепций, даже субъективность и волюнтаризм его (если он имеет к ним особую склонность) - будут так или иначе "подпитываться" идеологическими или духовными веяниями эпохи. Уже поэтому, например, несмотря на наличие многих сотен *"Историй немецкой литературы"* (о немецкой литературе я упомянул как германист, уже 35 лет занимающийся ее изучением) создадутся и всегда будут создаваться все новые и новые попытки описать и проанализировать ее. Здесь наблюдается почти та же картина, что и с постоянным освоением в культуре так называемых "вечных" тем и "вечных" сюжетов.

Исследователю истории серболужицкой литературы хотя бы в этом пункте относительно "повезло". Академической истории серболужицкой литературы пока не существует ни на одном языке мира. Хотя при этом вовсе нельзя утверждать, что серболужицкая литература вообще не изучалась. Но при малочисленности этноса, составляющего в наши дни не более 60.000 человек и на протяжении последних 1000 лет не только не имевшего государственности или даже национальной автономии, но и подвергавшегося постоянной национальной дискриминации, все силы национальной интеллигенции (в своем подавляющем большинстве состоявшей из протестантских и католических священников, к которым в XIX в. постепенно стали присоединяться немногочисленные учителя) уходили на дела гораздо более важные и насущные. Первый *"Исторический очерк сербо-лужицкой литературы"* был опубликован И. И. Срезневским в 1844 г. и до сих пор остается блестящим примером комплексного и синтетического подхода, ибо, создавая этот первый в мировой славистике "очерк", русский ученый должен был "попутно" обращаться к проблемам лингвистики и этнографии, мифологии и религии, истории и словесности, фольклористики и литературы, историографии и периодизации историко-культурного процесса. Точность многих оценок (Г. Любенский, Г. Зейлер, Я. А. Смолер и др.), достигнутый масштаб историко-культурной панорамы – все это поражает еще и сегодня, равно как яркая образность изложения и откровенно выдающаяся личность самого исследователя. И все же по сегодняшним меркам это – не столько история литературы, сколько художественное и ангажированное эссе об исторической судьбе самого малочисленного славянского народа, нашедшего в себе силы для национального пробуждения и возрождения. По законам художественного эссе, требующего в первую очередь интенсивности изложения, а не полноты доказательств, в *"Историческом очерке"* немало крупных пробелов, история богославской литературы изложена гораздо полнее и

подробнее, чем история светской письменности — очевидно и потому, что богословские тексты в Сербской Лужице больше издавались, лучше сохранялись и были доступнее. Но здесь не место подробно разбирать недостатки этого великолепного и к тому же первопроходческого исследования.

Следующим крупным этапом в освоении истории и проблематики серболужицкой литературы стала глава А. Н. Пыпина в "Обзоре истории славянских литератур" (1865) А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, значительно расширенная затем для второго тома "Истории славянских литератур" (1881) тех же авторов¹. Здесь уже совершенно отчетливо просматривается позитивистская основа культурно-исторической школы, стремление все упомянуть и перечислить, не оставляя без внимания даже третьестепенные явления. Несмотря на то, что А. Н. Пыпин — в отличие от И. И. Срезневского — никогда не бывал в Сербской Лужице, он проявил потрясающие знания опубликованных источников, включая газетную и журнальную прессу. Правда, и источниковая база А. Н. Пыпина была уже несравненно обширнее и разработаннее: с 1842 г. непрерывно развивалась и разветвлялась серболужицкая газетная и журнальная пресса, с 1848 г. регулярно выходил научный "Часопис Матицы серболужицкой"; на высшем подъеме национального возрождения интенсивно развивалась литература и журналистика, в рамках научных секций Матицы серболужицкой упрочались традиции национальной гуманитарной науки: лингвистики и этнографии, истории и биобиблиографии, статистики и религиоведения, фольклористики и литературоведения. Да и открытие славистических кафедр в 1830–1840-х гг. в целом ряде университетов (в том числе и российских) тоже начинало давать уже вполне ощутимые результаты. Не вдаваясь в излишние здесь детали, можно лишь отметить, что работы И. И. Срезневского и А. Н. Пыпина, заложившие фундамент отечественной сорабистики и ее специальной, хотя в дальнейшем уже почти не развивавшейся отрасли, литературоведения, в целом и корректируют и дополняют друг друга. Очерк И. И. Срезневского исполнен национально-романтического, всеславянского пафоса, он удивительно хорошо вписывается в контекст национального возрождения в славянских странах, отражает его идеологию, его веру, его своеобразие и неповторимость. И как истинно романтическое творение этот очерк имеет не только историческую, но и непреходящую ценность — Срезневский трепетнее и глубже почувствовал биение живого пульса разбуженного национального этноса и сумел найти яркие слова и образы для его описания, еще и сегодня поражающие своей крупномасштабной точностью. Этой крупномасштабной яркости, точности и образной наглядности изо-

бражения явно недостает у Пыпина, изложение которого скорее напоминает полный инвентарный список серболужицкого культурного "имущества", когда профессиональный и осознающий свой высокий долг "регистратор" озабочен по сути лишь одним: ничего не забыть, записать каждую "вещь" под своим номером, дать ей точное описание и проставить ее товарную стоимость. И если Срезневский порой щедро завышает оценки и характеристики, то Пыпин отмеривает их гораздо скуpee и в полемике с "панславистскими романтиками 1830–40-х годов" приходит вдруг к совершенно ошибочному выводу: "Эта литература осуждена оставаться элементарной, ограничиваться книжками первоначального обучения и для простонародного чтения"². И все же – несмотря на сделанные выше оговорки – необходимо подчеркнуть, что очерк И. И. Срезневского и глава А. Н. Пыпина и до сих пор составляют фундамент отечественной сорабистики применительно к изучению истории серболужицкой словесности и литературы и их нельзя назвать устаревшими хотя бы потому, что ничего лучшего по истории серболужицкой литературы в отечественном литературоведении в дальнейшем уже так и не было создано. Но основной парадокс, кажется, еще недостаточно осознанный современным литературоведением, состоит в том, что не только памятники литературы и искусства не устаревают во времени (никогда невозможно будет ни "догнать", ни "перегнать" Гомера, Шекспира, Сервантеса, Гёте или Пушкина), но и исторические достижения науки тоже не устаревают или – точнее говоря – устаревая во многих общих и частных положениях, удивительным образом продолжают сохранять свою актуальность в целом³. Поэтому и очерк Срезневского и глава Пыпина в интересах самой же науки нуждаются в современном хорошо прокомментированном переиздании, где – сквозь все необходимые конкретные поправки и уточнения – выявлялись бы актуальные и не устаревшие для современной науки стороны этих работ.

Интенсивное развитие и дифференциация гуманитарных наук привели к существенным уточнениям многих общих положений, выдвигавшихся романтиками и позитивистами. Успехи археологии и лингвистики позволили в XX в. заметно уточнить и конкретизировать сложнейшие вопросы этногенеза серболужичан и воссоздать не менее сложную картину происхождения, исторического развития и современного состояния серболужицких языков и диалектов. Некоторые успехи были достигнуты в изучении серболужицкой мифологии и фольклора, хотя именно здесь перед исследователями лежит еще огромное и почти не вспаханное поле – прежде всего в плане сопоставительного изучения в общеславянском и

общевропейском контексте. Но постепенно выявились и другие проблемы в изучении серболужицкой словесности и литературы, которые, не будучи актуальными для славистов XIX в., очень медленно осваиваются и в литературоведении XX в. Первой из них стала проблема включения в историю серболужицкой словесности и литературы памятников на латинском языке, созданных серболужичанами в XV–XVIII вв. То, что само собой разумеется для поляков и чехов, не говоря уже об итальянцах, немцах и французах, долго казалось почему-то сомнительным для лужичан. Но эта проблема в конце концов благополучно разрешилась. Гораздо более сложной и дискутируемой по сегодняшний день остается проблема признания и включения на *равноправных основаниях* в историю серболужицкой словесности и литературы произведений, создававшихся и создаваемых серболужичанами на немецком языке. А между тем без ясного понимания и правильного истолкования этой проблемы остается непонятой одна из важнейших *специфических черт* именно серболужицкой литературы, являющей собой маленький славянский островок в огромном немецком море. Обращения серболужицких писателей к немецкому языку имеет свои особенности на каждом из исторических этапов развития⁴, но конкретно-исторический подход к каждому из этих этапов с неизбежностью приводит к одному и тому же выводу: произведения серболужицких писателей, опубликованные на немецком языке, должны *равноправной составной частью* входить в историю серболужицкой литературы – создавались ли они по причине невозможности опубликовать их на родном языке (Хандрош Тара) или в силу четко осознанной эстетической позиции в наши дни (Юрий Брезан, Кито Лоренц, Юрий Кох, Ангела Стахова, Бенедикт Дырлих, Рожа Домашчына и др.), обусловленной, в первую очередь, фактом признания *реального двуязычия* серболужицкого народа в XX в. и стремлением обратить это двуязычие в *очевидное преимущество* национальной культуры⁵.

Именно поэтому история серболужицкой литературы сегодня может быть написана только литературоведом, который является славистом и германистом одновременно. И дело не только в том, что немало прекрасных произведений серболужицких писателей были написаны и изданы по-немецки, но не в меньшей степени в том, что для самой истории серболужицкой литературы в целом *почти в равной степени* важен был как германский, так и славянский контекст. Возможности плодотворного обогащения представляли серболужичанам как славянские, так и немецкая литературы. В разные века эти возможности были разными, но использование серболужичанами немецкого языка в интересах развития

национальной серболужицкой литературы в определенные периоды нельзя трактовать иначе как акт, направленный на **самосохранение** этой литературы, — в конце XX в. это, кажется, совершенно очевидно⁶.

Я обозначил здесь всего лишь *некоторые* проблемы, стоящие перед современным историком серболужицкой литературы. Но этих проблем, разумеется, гораздо больше. В последние десятилетия, например, совершенно отчетливо выявились попытки выделить изучение истории и культуры так называемых малых народов Европы в особое направление исследований⁷, что сразу же позволило обнаружить целый ряд специфических черт и особенностей, которые практически невозможно было в полной мере осознать, когда в качестве "эталонных" моделей развития безоговорочно принимались крупные государства и их модели культуры. От ориентации на "большие модели" науке, видимо, рано или поздно придется отказываться — подобная ориентация лишь затемняет, но отнюдь не проясняет реальную картину.

Многие из очевидных для меня сегодня проблем выявились лишь в процессе работы над этой книгой, которая растянулась на целых 11 лет. Еще годы могут понадобиться, чтобы изложить историю серболужицкой литературы на том уровне, какой мне сейчас представляется не только необходимым, но и достижимым. Но и промежуточные итоги тоже имеют право быть зафиксированными — поскольку я не дублирую ни отечественные, ни зарубежные истории серболужицкой литературы⁸. К тому же собранный мной здесь с изрядными усилиями материал может оказаться полезным для славистов и не славистов — хотя бы как справочник и как отправной пункт для движения дальше. Вспоминаю, насколько важными для меня самого были поездки на Международные семинары сорабистов во Львов, организованные энтузиастом советской сорабистики К. К. Трофимовичем (1923–1993).

В заключение остается выразить глубокую благодарность серболужицким ученым и писателям, без помощи которых я никогда не смог бы овладеть предметом своего исследования даже так, как я им владею сегодня. Из писателей это прежде всего Кито Лоренц, Юрий Кох, Юрий Брезан, Ангела Стахова — если ограничиться только самыми важными для меня встречами и беседами. Особая благодарность — Мерчину Фёлькелю, постоянно поддерживавшему все мои начинания и опекавшему меня во время моих поездок в Будишин в 1986 и в 1996 гг., и Ворше Дамсовой-Мешканкец, сумевшей показать мне Сербскую Лужицу в самых ее затаенных глубинах. Большое спасибо Люции Хайнец, у которой я получил первые консультации еще в Лейпциге, директору Серболужицкого

института в Будишине Дитриху Шольце, благодаря содействию которого я смог целый месяц работать в библиотеке института, научному сотруднику этого института Францу Шену, давшему мне несколько важных консультаций, а также всем, кто читал мои прежние работы и присутствовал на моих докладах. Не могу не упомянуть Зимона Брезана и берлинского слависта Вильгельма Цайля, чьи книги, статьи и личное внимание к моим занятиям оказались для меня немалым подспорьем. Моя личная и сейчас уже немалая – серболужицкая библиотека была скомплектована при активном участии директора книжного магазина в Будишине Рут Ти-Мацовой, и я использую возможность от всей души поблагодарить ее. Понадобилось бы еще много места, чтобы упомянуть всех немецких славистов и германистов, так или иначе оказывавших мне содействие, равно как и сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН и филологического факультета МГУ, принимавших участие в обсуждении моих рукописей и докладов – я всех помню и от всей души благодарю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Еще более расширено и дополнено отдельное немецкое издание этой главы, опубликованное в 1884 г. в известном издательстве Brockhaus в Лейпциге. Перевод (с дополнениями переводчика, доводящими изложение материала до 1884 г.) был выполнен известным литератором, переводчиком и общественным деятелем Яном Богувером Пьехом (Jan Bohuwer Pjech, 1838–1913): *Das serbisch-wendische Schriftthum in der Ober- und Niederlausitz von A. N. Pypin. Aus dem Russischen übertragen sowie mit Berichtigungen und Ergänzungen versehen von Traugott Pech. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1884. – 64 S.*

2. Пыпин А. Н., Снасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 1091.

3. Эта идея, на мой взгляд, лежит в основе замечательного монографического исследования: Михайлов А. В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: (Очерки из истории филологической науки). М.: Наука, 1989. – 232 с. Наиболее отчетливо она сформулирована в "Предисловии" (с. 3–5) и в "Заключении" (с. 227–231), написанных на завершающем этапе работы над книгой.

4. Ситуация после 1945 г. проясняется в статьях: Piniekowa Ch. Literarische Zweigsprachlichkeit bei den Sorben. 1949–1989 // *Lětopis. Zeitschrift für Sorabistik. Casopis za sorabistiku. Jahrgang 1* (1992). *Lětnik 1* (1992). Bautzen/Budyšin, 1992. S. 91–96; Hauschke J. Anmerkungen zur deutschsprachig verlegten sorbischen Literatur zwischen 1945 und Anfang der 60-er Jahre in der DDR // *Ibid.*, S. 97–102.

5. Наиболее убедительно в теоретическом и творческом плане эту позицию отстаивает К. Лоренц, а из литературоведов-славистов – Вальтер Кошмал: *Perspektiven sorbischer Literatur. Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar; Wien, 1993; Koschmal W. Grundzüge sorbischer Kultur. Eine typologische Betrachtung. Bautzen, 1995.*

6. В самом общем плане я по крайней мере дважды пытался сформулировать и обосновать эту свою позицию: Гугнин А. А. Становление серболужицкой литературы в славяно-германском контексте // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 56–66; Gugin A. A. Die nationale Bewegung der Sorben im slawisch-deutschen Kontext // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Berlin, Akademie-Verlag, 1996, № 1 (Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht). S. 267–272.

7. Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse der gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968; Marti R. Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bündnerromanisch. München, 1990.

8. См.: Моторный В. А., Трофимович К. К. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987; Jenč R. Stawisny serbskeho pismownstwa. Bd. 1–2. Budyšin, 1954–1960.

8–12 мая 1997 г., Полоцк – Москва

ОТ ИСТОКОВ И ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА

В настоящее время численность серболужичан составляет примерно 60.000 человек. Их письменность и литература развивается на трех литературных языках: верхнелужицком, нижнелужицком и немецком. Разговорные серболужицкие языки (отвлекаясь от того, что все серболужичане могут объясняться по-немецки) до сих пор имеет диалектные различия: лингвисты выделяют верхнелужицкие, нижнелужицкие и переходные диалекты. Историческим культурным центром Верхней Лужицы является Будишин (Баутцен)*, расположенный на юго-востоке федеральной земли Саксонии (ФРГ). Центром Нижней Лужицы является Хочебуз (Котбус), расположенный примерно на 50 км севернее, но уже на федеральной земле Бранденбург; через оба города протекает река Спрева (Шпрее). В городах подавляющее большинство населения уже давно составляют немцы; в настоящее время сохраняется лишь несколько деревенских "островков", где компактно проживает серболужицкое население, являющее собой остатки древних славянских племен со сложнейшим этногенезом, прослеживаемым археологами и лингвистами по крайней мере со времен так называемой лужицкой культуры (ок. XIII–IX вв. до н. э.)¹.

В VI в. н. э. славяне культурно-племенной группировки, относящейся к пражско-корчакской культуре, "осваивают Среднее Подунавье, верхнее и среднее течение Эльбы, заселяют верхнее течение Одера... В конце VI в. племена пражско-корчакской культуры осваивают междуречье Эльбы и Заале и достигают Хавеля, а в начале VII в. продвигаются и севернее вдоль Эльбы"². При этом в этногенезе собственно серболужичан решающее значение имели две последующие миграционные волны (с конца VI в.), реальность которых подтверждается археологическими, историческими и лингвистическими методами. В. В. Седов связывает появление сербов (сорбов) в междуречье Лабы (Эльбы) и Салы (Заале) с "антским миграционным потоком", приведшим на эти земли "рюссенскую группировку славян" из Дунайских земель³. Он присоединяется к выводам О. Н. Трубачева, "который рассматривает имя сербы как индоарийский компонент в составе ранней славянской этнонимии, а само племя локализуется в Побужье (геродотова Старая Скифия), то есть опять-таки в антском регионе"⁴. Вопрос о едином источнике происхождения этнонима "серб" на Балканах

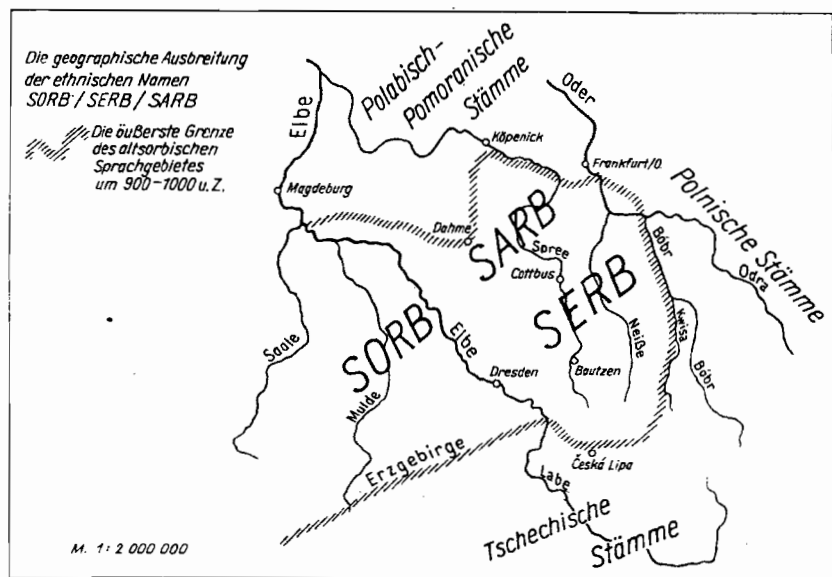
* В скобках (за исключением цитируемых текстов) приводятся немецкие названия (города, реки, имена и т. д.).

и в Сербской Лужице в настоящее время, видимо, можно считать окончательно разрешенным, потому что при современном рассмотрении его не вступают в противоречия ни археологические, ни исторические, ни лингвистические данные⁵. Серболужицкий лингвист Хайнц Шустер-Шевц, всю жизнь посвятивший изучению происхождения серболужицких языков и диалектов, постепенно воссоздал сложную и диалектичную картину предыстории и ранней истории серболужицких племен и их говоров⁶. В самом схематичном виде эта картина выглядит следующим образом: с конца VI в. миграционный поток древнесерболужицких племен (сорбы/сербы) устремился из территорий к востоку от Карпат через Моравские ворота и Чешскую котловину вдоль реки Лабы (Эльбы). Племена, уходившие далее на северо-восток к рекам Нисе (Нейсе) и Одре (Одеру), сталкивались там с проникавшими с востока и северо-востока племенами, носителями лехитских диалектов⁷. Таким образом, "формирование нижнелужицкого языка как самостоятельного западнославянского диалектного ареала с базирующимся на нем современным нижнелужицким письменным языком представляло собой очень длительный процесс, в результате которого нижнелужицкий язык не только сохранил некоторые черты собственно древнесерболужицкого языка, но и впитал в себя многочисленные особенности польского и полабско-поморанского (Polabisch-Pomoranischen) языков"⁸. В XII–XIII вв. социолингвистические условия (активная немецкая колонизация, территориальная разобщенность и др.) сложились так, что дезинтеграционные процессы усилились и диалектная раздробленность еще больше закрепилась, отдаляя нижнелужицкие диалекты от верхнелужицких и приведя впоследствии (после XIV–XV вв.) к образованию зоны смешения тех и других (верхнелужицко-нижнелужицкие переходные диалекты)⁹.

Самое раннее достоверное свидетельство о серболужичанах обнаруживается во франкской латинской хронике Фредегара (Псевдо-Фредегара) в 631–632 гг.: "Дерван, вождь сорбских племен, которые происходят из рода славян и издавна стояли под властью франков, перешел под власть Само"¹⁰. Известно, что славяне, носители пражско-корчакской культуры, при своем расселении на запад достигли бассейна реки Майн, правого притока Рейна. Возможно, "именно в этом регионе образовалось первое славянское государство под руководством Само"¹¹. А если так, то и серболужицкие племена между Лабой и Салой легко могли вступить в союзнический контакт с Само. Любопытный материал предоставляет также анализ жития святой Людмилы, написанного в Чехии в X в. на славянском и латинском языках. Святая Людмила,

согласно чешской легенде, была дочерью сорбского князя Славибора, возглавлявшего племя пшован, происходившее, по всей видимости, от сорбов (сербов), но отставшее от них и задержавшееся в Северной Богемии (крепость Пшов)¹². Эта легенда лишней раз подтверждает достоверность обозначенного выше (см. примеч. 7) пути переселения южных сербов (сорбов) через Чехию.

Проведенный Х. Шустером-Шевцем анализ весьма обширного количества источников приводит к выводу, что этноним *Surb/Sorb* был повсеместно распространен с VII в. для обозначения славян, проживавших к западу от Лабы, а обнаруживаемый позднее этноним *Serb/Sarb* употреблялся для обозначения славян, проживавших к востоку от Лабы. Для наглядности приведем здесь карту, составленную Шустером-Шевцем в 1983 и позволяющую к тому же увидеть границы расселения серболужичан около 900–1000 годов.:

Но еще важнее, что ученый подметил ту же дихотомию этнонима серб/сорб в ранних памятниках, упоминающих балканских сербов¹³ и попытался вычленил северозападный и югозападный

миграционные потоки, увязав северозападный поток с носителями обоих этнонимов, а происхождение носителей этнонима Sorben/Surben привязал к северо-западной Далмации. При том, что последняя гипотеза и этимология этнонима могут в дальнейшем уточняться, сам факт неразрывных генетических связей серболужичан с балканскими сербами, сейчас уже вряд ли можно подвергнуть серьезным сомнениям. Особого и пристального внимания заслуживает история длительного сосуществования и соперничества (с переменным успехом) этнонимов сорб/серб а также детальное уяснение причин и путей распространения этих этнонимов на многочисленные славянские племена, этнически не восходящие к сербам. Это — далеминцы, лужичане, мильчане и многие другие. По данным современной археологии обширные пространства Северной Германии (восточнее Эльбы) и Северной Польши в V–VII вв. были заняты славянскими племенами суковско-дзедзицкой культуры, по-видимому, берущей "свое начало от какой-то локальной группы пшеворской культуры"¹⁴. Из суковско-дзедзицкой славянской племенной группировки вышли ободриты (бодричи), а восточнее Одера расположились поморяне — предки современных кашубов. В VII–XII вв. между Варнавой и нижним Одером существовало велетское племенное объединение, состоявшее из велетов (вильцев, лютичей) и целого ряда более мелких племен, относимых к фельдбергской культурной группировке. В VII в. в бассейне реки Шпрее пришли так называемые торновские славяне (от городища Торнов, где производились археологические раскопки), чья культура распространялась до среднего течения Варты. Они ассимилировали или вытесняли других славян, представителей суковско-дзедзицкой культуры. В. В. Седов (вслед за Й. Германном) считает, что предшественники торновской группировки славян до своего расселения жили в Силезии и еще в начале нашей эры "входил в ареал пшеворской культуры"¹⁵.

В торновскую племенную группу входили лужичане, населявшие земли между Черным Эльстером (Шварце Эльстер) и низовьями Бобр (Одера). Юго-западную окраину торновских славян занимали мильчане, в бассейне Бобры жили дедошане. Важно, что историки (В. И. Седов) и лингвисты (Х. Шустер-Шевц) сходятся в том, что потомки мильчан стали носителями верхнелужицких, а потомки лужичан — нижнелужицких диалектов. Такова — в самом кратком изложении — ранняя история серболужицкого славянского этноса. Его протяженность во времени, ее многосоставность, столкновение нескольких миграционных потоков, представляющих разные племенные группировки и культуры, сосуществование на одной и той же территории многих племен, представлявших раз-

личные миграционные потоки – все это помогает уяснить, почему диалектальные различия могли возникать в Сербской Лужице уже достаточно рано и почему в конечном итоге здесь сформировались два самостоятельных литературных языка с сопутствующими им диалектами¹⁶. Важно отметить также, что современные отечественные историки и лингвисты, занимавшиеся проблемами этнического самосознания, тоже не подвергают сомнению тот факт, что языки, на которых говорили племена будущих серболужичан (сербы, гломачи, колодицы, сиуслы, низане, мильчане, лужичане и др.), относились к особой языковой группе, отличной от полабских и других лехитских диалектов, и "лишь постепенно" втянулись "в западнославянскую языковую область" и усвоили "черты, объединяющие их с лехитскими языками"¹⁷.

На западных направлениях своего расселения серболужицкие племена наталкивались на германцев, вступая с ними в мирные или враждебные отношения, поскольку различные германские племена активно боролись за власть и приоритет (как, например, франки и саксы) и привлечение славян в качестве союзников нередко оказывалось решающим фактором в междоусобной борьбе. Постепенно у германцев возобладали тенденции к покорению и ассимиляции славянских племен – не только серболужичан, но и ободритов, и вильцев, и поморских славян и т. д. И все же важно помнить, что германская колонизация занятых славянами территорий растянулась на много столетий и несла с собой не только конфронтацию, но и многочисленные взаимодействия в сфере языка, литературы и культуры в целом.

Начиная с VII в. в различных хрониках фиксируются факты участия серболужицких племен в военных акциях, в том числе и на стороне франков или саксов. Это был период относительно спокойного развития, когда поражения чередовались с победами. Так продолжалось до Карла Великого, покорившего к 804 г. земли саксов и предпринявшего решительное наступление на славян, используя при этом не только силу оружия, но и хитрую политику разжигания вражды между отдельными славянскими племенами. В одной из латинских хроник сообщается о большой битве войска Карла Великого с восставшими славянами, в которой в 806 г. "был убит гордый король Мелито" (Милитух, Милидух)¹⁸. Начинается столетие активного военного противоборства. После смерти Карла Великого ободриты, мильчане и сербы освободились от франко-саксонского владычества и сами неоднократно переходили в наступление. В хрониках упоминается удачный поход саксонцев против сербов в 839 г., когда была захвачена крепость Кизигесбург (между реками Заале и Мульце) и убит король Цимускло. Весь

IX век пестрит сообщениями о восстаниях сербских и лужицких племен, боровшихся по отдельности и в племенных союзах. В 883–895 гг. большинство славянских племен к востоку от Заале входили в состав Великоморавского княжества, затем снова отделились; с 1086 г. под власть Чехии попала Верхняя Лужица.

Сербские и лужицкие племена потеряли независимость к концу X века. Последнюю серьезную попытку освободиться от германского владычества сделали мильчане в 1003 г., но были жестоко подавлены королем Генрихом II. В то же время жившие севернее племена ободритов и вильцев в результате мощного восстания в 983 г. освободились от германского владычества и сумели еще на полтора столетия отсрочить свое окончательное поражение. Сербские и лужицкие земли в XI–XIV вв. становятся предметом дележа и раздоров между немцами, поляками и чехами. Так, польский князь Болеслав Храбрый успешно воевал с Генрихом II, и тот был вынужден уступить ему лужицкие земли вплоть до реки Шварце Эльстер, что было подтверждено договором 1018 г., заключенным двумя монархами в Будишине (Баутцене). После смерти Болеслава I в 1025 г. польское влияние на лужицкие земли ослабло.

С XII в. начинается новая фаза германской колонизации покоренных серболужицких земель. Если до этого лужицкие деревни и угодья постоянно делились и переделывались между отдельными феодалами, рыцарями, епископами и монастырями, то с середины XII в. и до конца XIII в. сюда переселились около 200.000 немцев, которым, как правило, предоставлялись заметные преимущества перед коренным славянским населением¹⁹. Рост населения способствовал укреплению старых и возникновению новых монастырей, а также превращению более крупных поселений в настоящие средневековые города с соответствующими правами и учреждениями. Так, в числе прочих были утверждены в статусе городов Дрежджаны (Дрезден) (1216), Камен. (1225), Губин (Губен) (1235), Будишин (Баутцен) (1240). Причем в городах, где требовалось особое разрешение на проживание, немецкое население довольно быстро стало преобладающим. В городе Лукау, например, в XV в. немцы составляли половину населения, а в Будишине — уже две трети. Но разрастались и пригороды, где в основном жили серболужичане.

В политической и культурной истории лужицких и сербских племен IX–XV вв. есть специфически важные моменты. Один из них связан с принятием христианства, которое не насаждалось здесь огнем и мечом, как, например, у славян прибалтийских. Некоторые историки считают, что отдельные сербские и лужицкие князья принимали христианство добровольно из чисто тактических сообра-

жений, чтобы укрепить внутреннее единство и лишить немецких рыцарей и миссионеров их важнейшего аргумента – необходимости (пускай и насильственным путем) христианизации язычников²⁰. И. Срезневский предполагал, что христианство пришло к серболужичанам не от немцев, а от славян, прежде всего от чехов²¹. Христианская религия, по-видимому, дошла до сербов и лужичан еще в период Великоморавского княжества (818–906). Зафиксированы предания, свидетельствовавшие о посещении Константином (Кириллом) ряда лужицких местностей, в частности Сгорельца (Гёрлица). Тот же И. Срезневский считал, что первоначально христианство проповедовалось у лужичан не на родном языке, а на близких к нему старом чешском и старославянском церковном. "Наречие чешское господствовало, вероятно, довольно долго, и это, может быть, было главной причиной невнимания сербов-лужичан к своему родному наречию"²². Очень важным подтверждением именно такого положения являются засвидетельствованные И. Срезневским многочисленные рукописи и старопечатные чешские книги, сохранявшиеся в семьях и передававшиеся из рода в род как драгоценное наследие предков. При переходе чехов к католичеству у сербов и лужичан могло дольше сохраняться богослужение славянское, чему существует немало подтверждений. С другой стороны, тесными и постоянными связями с Чехией, но также и с Польшей объясняются прочные позиции католической церкви у лужицких сербов, хотя и здесь есть своя особенность: католическая церковь в условиях Лужицкой Сербии для ослабления очень сильного влияния протестантизма допускала исполнение церковных обрядов на родном языке; в том числе и поэтому из среды лужицких католических священников вышло немало серболужицких писателей и деятелей культуры.

И все же основная причина того, что эпоха крестовых походов (1096–1270) напрямую не затронута Сербскую Лужицу, очевидно, кроется в следующем: ко времени первого крестового похода сербские и лужицкие племена уже целое столетие жили под властью германцев, тогда как полабские и поморские славяне еще успешно сохраняли свою самостоятельность – на них-то и обрушились мощные удары крестоносцев. На покоренных лужицких территориях насилие и жестокость нередко прикрывались параграфами законов и установлений, в разнообразных формах ущемлявших права коренного населения. Одним из путей онемечивания был запрет на родной язык. Так, в "Саксонском зеркале", собрании правовых документов XIII в., указано, что "венды", которые хотя бы однажды отвечали на суде по-немецки, в дальнейшем уже лишаются права отвечать перед судом по-лужицки. В источниках

зафиксированы и даты окончательного запрета на использование лужицкого языка в судопроизводстве в ряде городов, где еще был значительный процент славянского населения: в 1327 г. – в Альтенбурге, Цвикау и Липске (Лейпциге), в 1424 г. – в Мишно (Майсене). Эти даты означают начало перехода населения названных городов и местностей к двуязычию – процесс, который, как видно, начался в Сербской Лужице довольно рано, но завершился лишь в XX веке, когда все коренное славянское население обеих Лужич стало двуязычным. Важным средством онемечивания серболужичан стали и немецкие колонисты, особенно те из них, которые селились на восточных окраинах и должны были затруднять непосредственные контакты серболужичан с приграничными поляками и чехами. Немецкие переселенцы расселялись таким образом, что уже в XV–XVI вв. серболужичане лишились непосредственных приграничных контактов с Чехией и с Польшей.

Одна из самых сложных и специфических страниц в серболужицкой истории – постоянно менявшаяся от древнейших времен и до современности территориальная принадлежность отдельных частей Сербской Лужицы, периодические разделы и переделы уже устоявшихся территорий. Лужицкие территории захватывались, отдавались на откуп победителям, дарились, передавались в ленное пользование, выступали как объекты сложной системы наследования, принятой в рамках Священной Римской империи германской нации и в сопредельных с ней государствах. В разные периоды с различной интенсивностью в разделах и переделах Лужицы участвовали Саксония и Бавария, Бранденбург и Пруссия, Польша и Чехия, Австрия и Венгрия. Так, сами понятия "Верхняя Лужица" и "Нижняя Лужица" были сформулированы в канцелярии венгерского короля Матяша Корвина, чтобы отграничить часть Лужицы, захваченной венграми (1469–1490), – *Lusatia superior*, "Верхняя Лужица", от другой части Лужицы, оставшейся за пределами венгерских владений – *Lusatia inferior*, "Нижняя Лужица"²³. В этом промежуточном и часто менявшемся положении Сербской Лужицы были, естественно, большие минусы, но порой возникали и неожиданные плюсы: постоянно спорившие между собой более сильные соседи нередко хотели привлечь на свою сторону симпатии и ресурсы маленького народа, ибо не всегда вопросы до конца решались одной только грубой силой. Нельзя сказать, что лужичане вели себя в подобных ситуациях совершенно пассивно, скорее даже напротив: они активно следили за меняющейся конъюнктурой и в определенные исторические периоды достаточно активно проявляли свою волю: так случилось, например, в 1319 г., когда умер бранденбургский маркграф Вальдемар, заметно усиливший реп-

рессивные меры к славянскому населению. Жители Верхней Лужицы (Будишин и окрестности), зная, что Вальдемар умер бездетным, принесли присягу на верность чешскому королю Яну Люксембургу и находились, хотя и с некоторыми перерывами, под властью чешской короны с 1319 г. до 1635 г., когда Верхняя Лужица надолго перешла к Саксонии. Включенность Верхней Лужицы на протяжении нескольких столетий в контекст чешской истории сказалась во многих сферах, в том числе и в восприимчивости к идеям Яна Гуса (1371–1415), активным распространителем которых явился Миклавш из Дрездена (ок. 1370 – ок. 1417, известен также по прозвищу "Косолапый"). Получив прекрасное богословское образование в Майсене и Праге, Миклавш из Дрездена был одним из идеологов левого крыла гуситского движения, основал несколько гуситских школ среди немецкоязычного населения Дрездена и Праги, где выступал со своими радикальными проповедями. Ян Желивский, возглавлявший в 1419–1422 гг. восстание пражской городской бедноты, называл Яна Гуса и Миклавша из Дрездена своими учителями, он же оставил свидетельство о сожжении Миклавша из Дрездена как еретика по приказу майсенского епископа. Сохранились и опубликованы латинские тексты Миклавша из Дрездена²⁴.

Как известно, реформаторские идеи Яна Гуса внимательно изучал Мартин Лютер (1483–1546), который, хотя и отказался от социального радикализма, сумел достаточно последовательно провести церковную реформу, навсегда расколов немецкую церковь на протестантскую и католическую половины. Не удивительно, что серболужичане оказались весьма чувствительны к лютеранству, ведь и Виттенберг, где Лютер окончательно обосновался в 1511 г., был, по его собственному свидетельству, "славянской землей"²⁵. Идеология лютеранства привлекала лужичан помимо всего и тем, что объективно открывала возможности для богослужения на родном языке. Это должно было помочь снять запреты на серболужицкий язык и в других сферах. Длительная борьба, затрагивавшая интересы религии, идеологии и политики, привела к тому, что свыше 85 процентов серболужичан приняли протестантство и лишь 10–15 процентов остались католиками*. Через протестантство усиливались связи с Германией, католики тянулись к Чехии и Польше. Немецкие университеты стали готовить лютеранских священников в Виттенберге (с 1538 г.), Франкфурте-на-Одере

* Статистика XX века (А. Мука, Л. Элле) свидетельствует об изменении процентного соотношения: в настоящее время 15.000 человек из 60.000 человек, говорящих на верхнелужицком и нижнелужицком языках, являются католиками.

(с 1539 г.), в Лейпциге и в Галле; будущие католические священники обучались в Праге (с 1627 г.), Кракове и Вроцлаве (Бреславле). Важнейшую роль в становлении нижнелужицкой и верхнелужицкой письменности в XVI–XVIII вв. играли переводы Библии и других богослужебных текстов. Причем следует отметить, что первые рукописные и печатные книги были созданы протестантами на нижнелужицких диалектах: в 1548 г. **Миклавш Якубица** завершил перевод Нового Завета; в 1574 г. **Альбин Моллер** (1541–1618) опубликовал “Малый Катехизис”, содержащий подборку псалмов и церковный календарь. На верхнелужицком языке “Малый катехизис” Лютера был опубликован в 1595 г. в переводе **Вьяцлава Варихия** (1564–1618). Особенностью этого первого печатного издания на верхнелужицком языке было то, что оно являлось двуязычным: текст лютеровского катехизиса давался по-немецки и по-верхнелужицки и был, следовательно, обращен к двуязычному читателю. Но все же первый полный перевод Библии был сделан в 1688–1707 гг. католическим священником **Юрием Гавштыном Светликом**²⁶.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода в серболужицкой истории, хотя и с различной интенсивностью, постоянно действовали центростремительные и центробежные факторы, способствовавшие или препятствовавшие формированию национального самосознания и национальной культуры, которая может плодотворно развиваться лишь на базе национального самосознания. Основные центробежные факторы сводятся к следующему: языковая и диалектная разобщенность в соединении с постоянной территориальной раздробленностью чрезвычайно затрудняли выработку единого национального языка. Ранние памятники серболужицкой письменности и литературы XV–XVII вв. создавались на местных диалектах и с трудом находили выход за пределы своих местностей даже в печатном виде, не говоря уже о рукописях. Во внешних взаимодействиях нижнелужицкие диалекты больше соприкасались с польским языком, верхнелужицкие – с чешским, но и те и другие не могли не испытывать постоянного воздействия немецкого языка, которое сказалось как в многочисленных заимствованиях, так и в активных попытках устранить эти заимствования²⁷. Даже после Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., когда Верхняя и Нижняя Лужицы оказались в Германии, территориальная раздробленность отнюдь не устранилась, и около 1700 г. серболужичане жили на семи различных политико-административных территориях²⁸. Но и это разделение было далеко не окончательным – изменения продолжались и в период наполеоновских войн и после них. К центробежным факто-

рам исторического и культурного развития следует отнести и конфессиональные различия, не только расколовшие серболужицан на католиков и протестантов, но и существенно повлиявшие на развитие национального языка: многолетними усилиями верхнелужицких католиков (выше был упомянут Ю. Г. Светлик) был создан верхнелужицкий католический литературный язык, по ряду признаков отличавшийся от верхнелужицкого протестантского литературного языка, тоже созданного многолетними усилиями священников, ученых и писателей на основе будишинского диалекта. Таким образом, говоря о становлении и развитии серболужицкой словесности и литературы, необходимо иметь в виду названные центробежные факторы, активно действовавшие в рассматриваемый период: целый ряд памятников был создан на диалектах, которые затем вымерли; уже в XVI–XVII вв. возникли нижнелужицкий и верхнелужицкий письменные языки, на основе которых развились затем соответствующие литературные языки; верхнелужицкий язык "разошелся" на протестантский и католический варианты, создававшиеся на основе разных диалектов и ориентированные на заметно различающиеся графику и орфографию.

Но не менее важны и центростремительные факторы, которые, как сегодня представляется, усиливались по мере сужения территории Сербской Лужицы и уменьшения численности населения в ходе ассимиляционных процессов, многократно умножая силу духовного сопротивления против онемечивания, заставляя из чувства национального самосохранения преодолевать языковые и конфессиональные барьеры и объединяться на почве защиты национального этноса и традиционной народной культуры от разрушения. На этапах до Реформации и общеевропейского движения гуманизма национальная культура бытовала в формах, наследуемых через систему традиционного уклада жизни, народных обрядов и обычаев, через бытовую разговорную речь и фольклор, который — вне всякого сомнения — существовал и развивался, но о котором в рассматриваемый период трудно говорить с опорой на конкретные тексты, поскольку опубликованные в доступной форме записи серболужицкого фольклора были сделаны в последней трети XVIII в. Убедительная реконструкция более ранних стадий фольклора возможна лишь на базе тщательного сопоставления серболужицких текстов (а также прямых и косвенных свидетельств о бытовании фольклора) с ранее записанными текстами соседних славянских и не славянских народов; такая реконструкция позволяет шаг за шагом уходить в глубину столетий, восстанавливая систему мифологических представлений, обрядов и верований, и все же не дает в руки самих текстов в их оригиналь-

ном звучании. По отношению к серболужицкой литературе эта большая аналитическая и сопоставительная работа еще предстоит исследователям, и прежде всего должны быть изучены памятники самой литературы (на латинском, серболужицком и немецком языках) с точки зрения использования писателями фольклорных элементов в период, предшествовавший первым фольклорным записям. Автор наиболее фундаментального на сегодняшний день "Очерка серболужицкой народной поэзии" (1966) Павол Недо взаимодействие литературы и фольклора до середины XVIII в. отвергает, считая, что серболужицкая литература до Юрия Менья (1727–1785) была еще слишком "ученой", чтобы использовать возможности фольклора²⁹. Но даже и опуская этот, на наш взгляд, очень важный пласт литературы (на самом деле далеко не только "ученой") П. Недо в своем труде убедительно доказывает наличие и бытование у серболужичан своей системы языческих мифологических представлений, во многом схожей с подобными представлениями у других славянских народов. У серболужичан были распространены практически все известные жанры фольклора: заклинания и обрядовые песни, легенды, сказки и широкий спектр народных песен, не относящихся к сугубо обрядовым. Здесь же выясняется в основных чертах и характер взаимодействия серболужицкого и немецкого фольклора, которое было достаточно интенсивным на всем протяжении серболужицкой истории³⁰.

На стадии Реформации, которая в Сербской Лужице охватывает XVI–XVII вв. и почти синхронна с эпохой серболужицкого гуманизма, впервые появляются письменные свидетельства, утверждающие понимание серболужичанами своей принадлежности к славянскому миру и стремление укрепить эту принадлежность интенсивным развитием национального языка и литературы. И, наконец, в XVIII в. в среде серболужицких просветителей возникает осознание своей принадлежности не только к славянскому, но уже и к германскому миру. В этом осознании свою роль сыграли не только государственная принадлежность и возмужавшее двуязычие, но и не в меньшей мере постепенно усиливавшееся взаимопонимание с немецкими просветителями, материально и морально содействовавшими развитию серболужицкой науки и культуры, а тем самым и становлению национального самосознания. Таким образом, германский контекст серболужицкой истории в рассматриваемый период не поддается однозначным оценкам: одни силы работали на разрушение и окончательную ассимиляцию серболужичан, другие способствовали созиданию национальных элементов культуры и развитию национального самосознания. На ранних этапах особенно благотворную роль сыграли немецкие пие-

тисты, способствовавшие распространению образования и помогавшие публиковать серболужицкие книги; далее же огромное значение имели просветительские идеи И. Г. Гердера, теоретически обосновавшего равноправие различных народов, их языков и культур. Под влиянием Гердера многие немецкие ученые начинают интересоваться серболужицким языком и культурой, писать научные труды по истории, языку и культуре Сербской Лужицы, создавать смешанные серболужицко-немецкие научные общества, активизируя тем самым научные и патриотические усилия самих лужичан. С конца XVIII в. все активнее начинают развиваться контакты серболужичан с научной и творческой интеллигенцией других славянских стран.

Самый ранний из обнаруженных пока памятников серболужицкой письменности относится к XII в. На четырех пергаментных листах Магдебургской рукописи был записан текст латинского псалма и его подстрочный перевод на немецкий и на старолужицкий языки. Г. Шустер-Шевц относит этот текст к западно-нижнелужицкому диалекту³². Этот небольшой текст важен как реальное подтверждение возможности письменного фиксирования лужицких диалектов уже в XII в. Значительный материал предоставляют латинские и немецкие источники этого же периода, в различных формах включающие в себя фрагменты лужицкой топонимики и ономастики³³. И все же историю серболужицкой литературы на основании сохранившихся памятников можно начинать лишь с XVI в., когда, с одной стороны, значительную активность проявили серболужицкие ученые и писатели-гуманисты и, с другой стороны, стал постепенно усиливаться поток памятников делового, религиозного, а затем и светского содержания на верхнелужицких и нижнелужицких диалектах.

Первым памятником деловой письменности является "Будишинская присяга" 1532 г. — клятва на верность императору, сюзерену и бургомистру, которую должны были подписывать лужичане, получавшие разрешение считаться равноправными гражданами Будишина (Баутцена). Текстов подобных "присяг" в разных верхне- и нижнелужицких городах к настоящему времени обнаружено двадцать девять, причем большинство из них относится уже к XVII—XVIII вв.³³ Памятников деловой письменности (сюда же относятся, например, сохранившиеся судебные документы), являющихся важным источником для истории серболужицких языков и диалектов, мы в дальнейшем изложении не касаемся.

Становление серболужицкой литературы в XVI–XVII вв. происходило в контексте общеевропейского движения реформации и гуманизма, в котором серболужицкие ученые, писатели и священники принимали заметное участие. Ученые трактаты, произведения художественного и религиозного содержания создавались на латинском и немецком языках, верхнелужицких и нижнелужицких диалектах. Правда, очень многое из созданного тогда по разным причинам не могло быть сразу опубликовано и сохранилось лишь в упоминаниях и отрывках. Многие тексты не переиздавались со времени своих первых публикаций, многое так и осталось в рукописях, которые продолжали подвергаться уничтожению вплоть до 1945 г. И все же многолетняя и кропотливая работа историков и филологов-славистов постепенно дает свои плоды, позволяя вырывать из забвения те или иные забытые или полузабытые имена и восстанавливать более полную картину эпохи.

Лужичане учились и преподавали в Краковской академии практически почти с самого ее основания в 1364 г.³⁴ Самым выдающимся из них стал Ян Рак (1457–1520), сблизившийся во время учебы в Кракове с Конрадом Цельтисом (1459–1508) и перешедший под его влиянием от изучения естественных наук и астрономии к античной филологии. В течение нескольких лет Ян Рак был преподавателем и деканом в Краковском университете, интересуясь не только античными, но и славянскими книгами и рукописями, о чем в том числе свидетельствует его переписка с Конрадом Цельтисом, сохранившаяся, правда, лишь фрагментарно³⁵. В 1497 г. Ян Рак покидает Краков, посещает университеты в Вене, Болонье и Риме, где римский папа Александр VI награждает его званием "поэта-лауреата" за написанные на латинском языке "Песни" (изданы в 1502 г. в Страсбурге). Ян Рак становится странствующим ученым и поэтом-гуманистом. Он преподает в Базеле, Аугсбурге, Страсбурге, Майнце (1501–1505) риторику и философию, в 1505 г. по приглашению бранденбургского курфюрста Иоахима I переезжает во Франкфурт-на-Одере, где принимает участие в создании нового университета, преподает там древнегреческий язык и разбирает со студентами тексты Саллюстия, Цицерона и Вергилия (среди студентов – Ульрих фон Гуттен, 1488–1523, а также несколько других, ставших вскоре известными, реформаторов и ученых). Франкфурт привлекал ученого и близостью к родине, о которой он помнил постоянно. "Родина, ее города, ее просторы и леса зовут меня", – писал он в эти годы одному из друзей³⁶. Мотивы родины и дружеского круга учеников во Франкфурте прослеживаются в сборнике латинских "Эпиграмм", опубликованных в 1507 г. в Липске (Лейпциге). В 1507–1511 гг. Ян Рак преподает

в Лейпциге, где издает целый ряд античных памятников (Тацит, Цицерон и др.) и вступает в неизбежную борьбу с реакционной профессурой. Эпизоды этой борьбы нашли впоследствии отражение в знаменитых "Письмах темных людей" (т. 1–2, 1515–1517), коллективном творении немецких гуманистов, в том числе Ульриха фон Гуттена и Яна Рака, отразивших самые различные эпизоды драматической борьбы гуманистов и обскурантов, развернувшейся в эти годы во многих европейских университетах. Горечь и разочарование этой изнурительной и полной козней и интриг борьбы хорошо передает сохранившаяся латинская речь 1511 г., которую Ян Рак произнес, прощаясь в Лейпциге со своими сторонниками и учениками. Ян Рак едет в Рим, где к своим многочисленным титулам добавляет звание доктора теологии (1512), затем преподает греческий язык в Париже и в 1513 г. перебирается в Кёльнский университет, где выступает на стороне Иоганна Ройхлина в споре о научной ценности древнееврейских письменных источников с евреем-перекрещенцем Пфефферкорном, отрицавшим эту ценность, – эти эпизоды также достаточно ярко отражены в "Письмах темных людей". И Ройхлин и Ян Рак были изгнаны из Кёльского университета, находившегося под заметным влиянием церковников-доминиканцев³⁷.

На некоторое время Ян Рак возвращается на родину, в Лужицу, где в 1514 г. основывает латинские школы-гимназии в Хочебузе (Котбусе) и в некоторых других городах. Последние годы его жизни окрашены дружбой с Мартином Лютером (1483–1546), пригласившим Яна Рака в 1517 г. в Виттенбергский университет, где разворачивалась великая битва за немецкую протестантскую церковь и реформацию, и Филиппом Меланхтоном (1497–1560), близким сподвижником Мартина Лютера и Яна Рака. Ян Рак начал свою деятельность в Виттенберге с курса лекций по "Естественной истории" Плиния Старшего, опубликовав некоторые ее части и впервые введя ее в научный обиход в Германии. Далее он обратился к сочинениям Иеронима и Августина, трактуя их в гуманистическом духе³⁸. До последних дней жизни (по свидетельству М. Лютера, Ян Рак страдал от астмы; он умер 31 мая 1520 г.) серболужицкий гуманист не оставлял и поэтического творчества, его "Стихи о Лужице" (или "Описание Лужицы") Ф. Меланхтон попытался издать после смерти поэта – он послал их в 1532 г. базельскому печатнику Фробену; эти стихи до сих пор не обнаружены, хотя в целом история серболужицкой литературы изобилует поздними находками.

Вторым крупным лужицким ученым-гуманистом и поэтом был Каспар Пойкер (1525–1602), родившийся в Будишине в семье

состоятельного ремесленника и с 1543 г. начавший свое обучение в Виттенбергском университете. Каспар Пойкер быстро вошел в круг ближайших учеников и помощников Филиппа Меланхтона, в 1550 г. женился на его дочери Магдалене и являлся по существу правой рукой и наследником этого крупнейшего ученого своего времени³⁹. Меланхтон, хотя и принял протестантство и защищал дело Лютера, относился к умеренному крылу лютеранства, с годами он все более решительно вставал на позиции религиозной терпимости, продолжая по существу дело Эразма Роттердамского (1469–1536), который, как известно, неоднократно полемизировал с Лютером⁴⁰. Борьба "филиппистов" (так называли сторонников гуманизированного варианта лютеранства, то есть сторонников Филиппа Меланхтона) и "ортодоксов" (непримиримо отстаивавших догмы Мартина Лютера – особенно большие расхождения были в вопросе о свободе воли) растянулась на десятилетия, и после смерти самого Меланхтона эту борьбу продолжал Каспар Пойкер. Но ортодоксальное лютеранство постепенно брало верх, и в 1574 г. Пойкер был арестован по обвинению в симпатиях к кальвинизму. Он вынужден был 12 лет просидеть под арестом в лейпцигской тюрьме, где написал в 1583 г. большую латинскую поэму (1000 строк) "Идиллия родины". Она представляла собой стихотворную хронику города Будишина, его окрестностей, и знакомила к тому же со своеобразной научно-поэтической историей лужицких племен и родов. Поэма была впервые опубликована в 1594 г. в Будишине уже после выхода Пойкера из тюрьмы, вторично – в 1603 г. и таким образом сохранилась для потомства:

...Есть в Сорабии город; когда-то, во времени давнем,
Край населяло племя непобедимых вандалов.
Лужицей край тот зовут, что вдоль Ниссы на север простерся,
Тоже уж с давних времен он как граница служил.
Германцы с одной стороны, а по другую – вены,
Так он границей империи против Сарматии был.
Здесь в водопадах у замка, сверкая, струится
Спрева, что имя свое и вахту достойно несет.
Из родника начало берет скромно она у подножья Судетов,
За шесть часов туда можно из града добраться пешком.
Дальше она, извиваясь, течет по равнине,
Хафель встречает и с ним воды мешает свои,
Так что завистливый Хафель имя и воду себе забирает
И вливается в Эльбу, сплетаясь с ней золотом струй... *

Как типичный ученый-гуманист Каспар Пойкер предпочитал писать свои многочисленные математические, медицинские, ас-

* Здесь и далее переводы без отсылки на переводчика принадлежат автору книги.

трономические, теологические, исторические и другие труды на латыни, хотя читал на многих языках и не без гордости подчеркивал свою принадлежность к славянству. Эта последняя черта с наибольшей очевидностью, может быть, проявилась в переписке с чешским епископом Яном Благославом, от которого он получил в 1565 г. чешский перевод Нового Завета. В письме от 8 января 1566 г. он, например, говорил, что пытается "к своему удовольствию упражняться в лужицком языке, с которым я родился"⁴¹. Чешский и лужицкий (верхнелужицкий) языки он считал близкими и говорил о "нашем языке". Благодаря К. Пойкеру Виттенберг стал университетом, где особое внимание уделялось покровительству переводов Библии на славянские языки; сам Пойкер официально считался проректором всех славян, обучавшихся в Виттенберге и лично содействовал изданию Аугсбургской Библии на словенском языке⁴².

Ян Рак и Каспар Пойкер являют собой, быть может, наиболее яркие примеры серболужицких ученых-гуманистов, но с точки зрения истории литературы есть и другие, не менее яркие, примеры. Уроженец Нижней Лужицы Ян Бок (1569–1621) после учебы в Дрездене и Виттенберге преподавал в школах Словакии. В 1598 г. император Рудольф II, бывший одновременно и чешским королем, наградил его званием "поэта-лауреата", одновременно возведя в дворянство. С 1599 г. он преподавал в Кошице, исполняя в то же время должности городского судьи и бургомистра. Попав затем на дипломатическую службу, он выполнял отдельные щекотливые поручения; в 1605 г. был заподозрен в шпионаже и более пяти лет просидел в пражской тюрьме. После побега из тюрьмы, организованного его женой-словачкой, снова учительствовал, был библиотекарем и историографом, исполнял отдельные дипломатические поручения. Ян Бок, хорошо знавший семь языков (включая и нижнелужицкий, "сарматский", как он его называл) был типично ренессансным человеком, любознательным и предприимчивым; от него остались стихотворения на латинском и немецком языках, целый ряд исторических сочинений на венгерские и турецкие сюжеты. Ф. Метшк упоминает о 41 литературном сочинении Яна Бока, а также о его издательской деятельности⁴³, известен сборник его "Венгерских песен" (1609, на латинском языке), написанный в пражской тюрьме сборник "Olympias carceraria. Благоговейные прекрасные духовные песни, написанные в тюрьме для утешения от нужды, греха, нищеты и тому подобного" (издан в Кошице в 1611 г.); один из сборников был издан в Праге в 1614 г. по-чешски (Náříkání plačtivé křesťanův Uherských) и в 1615 г. на латинском языке (Cordificium). Ввиду труднодоступности источников анали-

зом творчества Яна Бока пока всерьез никто не занимался. Протицируем здесь лишь строки, свидетельствующие о лужицком (нижнелужицком) происхождении Яна Бока и о его неугасимой любви к родине. Стихотворение было написано и опубликовано на латинском языке в 1612 г.:

О родная земля, ты для нас, лужичан, всех дороже!
И поистине я бесстыдно б всех предков отринул,
Если б свой дом позабыл и тебя, Лужица-мать, не восславил –
Жалким и подлым я был бы, подобным безродной кукушке.
И я надеюсь, что новый король достойно тобой будет править,
Родина, милая! Счастлива будь и цвети!

Ян Рак, Каспар Пойкер и Ян Бок принадлежали к числу крупнейших гуманистов-реформаторов, стоявших на позициях, близких Филиппу Меланхтону, но среди ученых и писателей-лужичан были и резкие противники Реформации. Самым известным из них в XVI в. был **Ян Лужицкий**, преподававший в Краковском университете и опубликовавший в 1560 г. полемически-публицистическую книгу "Историческое повествование о различных предметах", посвященную краковскому архиепископу Яну Порембскому. Вторым изданием книга вышла в 1579 г.

Гораздо больше сведений дошло об уроженце Будишина **Каспаре Янитие** (по-лужицки, видимо, Янич или Енч, ок. 1550–1597). По окончании Виттенбергского университета он с 1574 г. преподавал латинский язык и возглавлял школы и гимназии в Будишине, Каменце, Дрежджанах и в других городах с лужицким населением. Сохранились сведения о целом ряде его литературных произведений на латинском языке, начиная с 1573 г., когда он написал прощальное стихотворение на отъезд из Верхней Лужицы своего друга, историографа **Кристофора Манлия**, в чьей книге "Compendarium rerum Lusaticarum" (1575) до нас дошли первые конкретные сведения о лужицких народных песнях. Названное стихотворение представляет собой искусную парафразу сто двадцать первого псалма, исполненную в дистихах ("Pro Christophoro Manlio Lusatio, quartum e patria abeunte amicorum vota"). В обширной поэме "Лицо школы" ("Prosopon scholae", опубликована в Будишине в 1576 г.) подробно описывается тяжелое положение школы, падение нравов, морали и качества обучения. Биографы упоминают также его свадебные стихотворения (1581) и песни⁴⁴. Упоминают также школьную латинскую драму "Эли и Самуэль", поставленную на сцене в 1586 г. и заслужившую впоследствии похвальный отзыв известного немецкого писателя и педагога Кристиана Вейзе (1642–1708), создавшего свыше 60 пьес и продолжавшего традиции школьной драмы. Сохранились сведения и о других произведениях К. Янития.

К числу учеников Меланхтона и Каспара Пойкера принадлежал и **Якуб Янус** (по-лужицки Януш или Янцович), родившийся ок. 1530 г. в Хочебузе и обучавшийся во Франкфурте-на-Одере и в Виттенберге. Он преподавал латинский язык во многих городах, в том числе и за пределами Германии, умер в 1583 г. Сохранились упоминания многочисленных сочинений Я. Януса, к сожалению, далеко не все из них были своевременно опубликованы. Широко известен современникам был его стихотворный катехизис 1557 г. Свыше 200 лет сохранялась рукопись его духовных песен, которая сегодня известна лишь по извлечениям, сделанным в XVIII в. ранним серболужицким просветителем Яном Богумером Рихтаром (в немецком варианте Иоганн Готфрид Онефальш-Рихтер, 1703–1765), автором исторической хроники Хочебуза⁴⁵. В числе опубликованных произведений Я. Януса – "Деяния пророков" (1561), "Хроника" (1562), "День рождения Христа" (1563, 1580) и др. Сохранились сведения об обширной переписке Я. Януса с современниками, в основном с немецкими, лужицкими и словацкими священниками.

Как видно, деятельность серболужицких гуманистов так или иначе была связана с церковной реформацией, с ее различными течениями. Аугсбургский религиозный мир (1555), установивший шаткое равновесие между католиками и протестантами, не признавал кальвинистов. Филипп Меланхтон и его сторонники поддерживали контакты с кальвинистами, чем и объясняются начавшиеся после смерти Меланхтона гонения на К. Пойкера и его учеников. Большую поддержку серболужичанам на начальных этапах книгопечатания оказали немецкие пиетисты – представители мистически-пуристского течения в лютеранстве, отрицавшие внешнюю церковную обрядность, развлечения и делавшие акцент на личном мистическом постижении Бога и Истины. Наиболее широкий размах и влияние пиетисты приобрели в XVII – первой половине XVIII вв. (в том числе и в России – через прибалтийских немцев, попавших, например, в окружение Петра I). Основной центр пиетистов располагался в Галле, но определенное влияние они имели в университетах Виттенберга, Франкфурта-на-Одере, Лейпцига и др. При всех трудностях, возникавших на пути лужичан к высшему образованию, реформация заметно расширила возможности их обучения в протестантских университетах. Так, удалось установить, что еще при жизни Лютера в Виттенбергском университете в 1538–1556 гг. получили богословское образование 40 лужичан, до 1570 г. это число возросло еще на 150 человек⁴⁶. Естественно, что персонально нас интересуют лишь те из них, чья деятельность впоследствии имела значение не только для истории церкви, но, в первую очередь, для истории серболужицкой литературы.

Именно в таком аспекте следует рассматривать разностороннюю деятельность нижнелужицкого теолога, ученого и писателя **Альбина Моллера** (1541–1618), учившегося с 1559 г. во Франкфурте-на-Одере, а с 1568 г. – в Виттенбергском университете, где он получил степень магистра богословия и, по существу, поставил своей задачей претворить в жизнь те патриотические чувства к родине, которые столь отчетливо проявились в латинских сочинениях Яна Рака, Каспара Пойкера, Яна Бока и др. Ему первому удалось, используя свой авторитет и связи, подготовить и осуществить целый ряд изданий на нижнелужицком наречии. Плодотворным оказалось его сотрудничество с семейством немецких печатников и книготорговцев Вольрабов⁴⁷. В 1574 г. в Будишине в типографии М. Вольраба были опубликованы фактически три первые серболужицкие книги на нижнелужицком языке, подготовленные А. Моллером: "Малый катехизис", "Вечный церковный календарь" и "Сборник лужицких псалмов"⁴⁸. Поистине европейской популярностью пользовались календари А. Моллера, которые он снабжал различными астрономическими и астрологическими сведениями. Они были переведены на немецкий, чешский и польский языки и издавались под его именем до 1630 г.⁴⁹ Астрономические и астрологические труды (с литературно-публицистическими и стихотворными вкраплениями) А. Моллера были изданы также на нижнелужицком языке в Лейпциге: "Подробное и правдивое сообщение о новой комете" (1605), "Большая практическая астрология" (1613). Велики заслуги А. Моллера в области ботаники и практической медицины: он составил в 1582 г. книгу лекарственных растений на латинском, немецком и нижнелужицком языках, рукопись которой была известна достаточно широко, потому что сохранились свидетельства использования ее в научном и практическом обиходе некоторыми крупнейшими медиками. Таким образом, в лице А. Моллера на европейскую арену впервые выступил ученый и писатель, привлечший внимание к печатным и рукописным текстам на своем родном (в данном случае нижнелужицком) языке. Император Священной Римской империи Рудольф II (1552–1612), один из поклонников моллеровских календарей, подарил А. Моллеру в 1607 г. дом в местечке Стара Дарбна, где ученый и писатель жил до конца своей жизни. Характерно и то, что словенец Адам Бохорич, издавший в 1584 г. в Виттенберге первую грамматику словенского языка, поместил в ней нижнелужицкие тексты из катехизиса А. Моллера.

Постоянно возраставшее в XVI в. число серболужицких священников, ученых и писателей, заинтересованных в распространении грамотности на родном языке, способствовало тому, что наиболее

авторитетные и активные из них прилагали огромные усилия, чтобы, с одной стороны, отменить ограничения и квоты для поступления лужичан в имеющиеся латинские школы и гимназии и, с другой стороны, добиться открытия новых школ и гимназий в местностях с преимущественно лужицким населением. И то и другое удавалось лишь в отдельных, исключительных случаях, когда на той или иной территории раздробленной Лужицы временно складывались благоприятные обстоятельства⁵⁰. Особо следует подчеркнуть открытие латинской школы в местечке Гёда, где в сравнительно благоприятных условиях могли обучаться 24 юных лужичанина. Инспектором латинской школы в Гёде был лужичанин Вяцлав Варихий, который в 1589–1618 гг. был священником в Гёде и возглавлял серболужицкий отдел в администрации Штольпена, куда входила Гёда⁵¹. Варихию удалось опубликовать свой перевод катехизиса на верхнелужицкий язык в 1597 г. параллельно с лютеровским текстом в типографии М. Вольраба в Будишине. Свое издание Варихий сопроводил статьей на немецком языке: "Сведения о том, как употреблять и произносить буквы на лужицком языке". Этот небольшой текст В. Варихия стоит у истоков серболужицкого языкознания⁵².

И все же ситуация в целом в сфере серболужицкой культуры и книгопечатания в XVI–XVII вв. продолжала оставаться достаточно сложной: буквально каждая изданная лужицкая книга имеет свою длительную предысторию, нередко уже изданные книги подвергались запретам и уничтожались. Определенный трагизм этой ситуации по-своему сказался в жизни и творчестве крупнейшего нижнелужицкого писателя первой половины XVII в. Хандроша Тары, чьи серболужицкие тексты были запрещены, уничтожены, почти забыты⁵³. Возрождение интереса к Х. Таре как лужицкому писателю началось по существу через его произведения на немецком языке, вновь обнаруженные немецким литературоведом Й. Больте в 1897 г.⁵⁴

Хандрош Тара (ок. 1570 – ок. 1638) изучал с 1588 г. теологию в университете во Франкфурте-на-Одере, где параллельно, как свидетельствуют университетские архивы, вел практические занятия серболужицким языком (*exercitationes linguae Vandalicae*) в группе студентов-лужичан. В 1595 г. он подготовил обстоятельный обзор лужицких диалектов для бранденбургского курфюрста и некоторое время был при нем консультантом и переводчиком с польского и лужицких языков. Исполняя образовательные связи и некоторый авторитет в университете и при дворе Х. Тара составляет далеко идущие планы по распространению изучения лужицких диалектов, составлению словарей и грамматик. Но из всех его многочислен-

ных рукописей на лужицком языке опубликовать ему удалось лишь одну книгу: в 1610 г. во Франкфурте-на-Майне вышла книга с витиевато барочным названием: "Enchiridion Vandalicum, то есть "Малый катехизис" Лютера, при этом многие прекрасные и необходимые молитвы и псалмы, предупреждения и напоминания для венчания и крещения. То, что в высшей степени необходимо знать простым христианам и особенно молодежи в лужицких деревнях, для лужицких церковных служителей, чтобы они в подходящее время могли прочитать все нужное для молодежи. Все переведено с немецкого языка на лужицкий, и всему предпослано короткое наставление, как следует правильно читать, писать и говорить по-лужицки, исполнено Андреа Тарой из Мускау, священником во Фриденсдорфе". Лужицкие ученые, начиная с М. Горника⁵⁵, постепенно выяснили ценность этой книги, являющейся единственным опубликованным памятником вымершего западно-нижнелужицкого сторковского диалекта, наслонившегося на положенный в основу язык местечка Мужаков (Мускау), где Х. Тара родился, о чем он сам достаточно подробно пишет в предисловии на немецком языке⁵⁶. Но в литературоведческом плане, в ее значении для истории лужицкой литературы книга эта остается практически еще не освоенной. Приведем здесь лишь небольшой фрагмент из стихотворного введения:

Автор своему катехизису

Ну, книжица моя, прощай,
Плыви в родной лужицкий край,
Гуляй там вдоль и поперек,
Чтоб каждый тебя видеть мог.
Одним ты сможешь радость дать –
Сочтут за честь тебя читать,
И часто будут брать тебя,
Хвалить, поглаживать любя.
Но и насмешки встретишь ты
В лесу житейской суеты,
И умники начнут хулить –
Те, что не могут стих сложить...

Й. Больте обнаружил в прусских архивах прошение Х. Тары от 1613 г. на имя бранденбургского курфюрста Яна Сигизмунда о дальнейших изданиях книг на лужицком языке⁵⁷. Х. Тара подготовил книгу "Лужицких проповедей", грамматику лужицкого языка и "Словарь лужицкого языка в Буххольце и окрестностях". Все эти рукописи издать так и не удалось и в последующем они были утрачены. Не сбылись и его планы стать учителем лужицкого языка в одной из вновь открытых гимназий. Лужицкий язык так и не был допущен в учебные планы гимназии.

Из сказанного понятно, что постоянное обращение Х. Тары к немецкому языку в эти же годы было в такой же мере добровольным, как и вынужденным. Общаться с высшими инстанциями, от которых зависело разрешение на печатание его лужицких книг, он мог только по-немецки. И он постоянно использовал эту возможность, параллельно сочиняя стихи, поэмы, сатиры и пьесы по-немецки и в то же время надеясь, что его известность как немецкого писателя поможет ему в осуществлении своих патриотических замыслов. На немецком языке он смог опубликовать по крайней мере две книги, в равной мере принадлежащие истории немецкой и серболужицкой литератур. Первая из них – большая эпическая поэма – была издана в 1609 г.: "Скорбная жалоба милейшей госпожи Ячменихи и ее брата, господина Льна, которую они изливали, лежа на поле во Фриденсдорфе в округе Шторков, о том, как много и часто люди используют их, причиняя им много зла, прежде чем изготавливают из них полезные себе вещи. Жалоба эта принадлежит Андреасу Таре Мускаускому, священнику этого места, который сочинил ее, и с любовью сообщил о том, чему из этого можно поучиться. Произошло это в году 1609..." Обширное стихотворное эпическое произведение трудно поддается однозначному жанровому определению, поэмой его можно обозначить, конечно, лишь условно. Композиционно она состоит из 20 "причитаний" ячменя и 38 "жалоб" льна; в каждой из этих "причитаний" и "жалоб" наглядно и подробно, с использованием элементов социальной критики, юмора и сатиры излагается процесс изготовления бумаги, полотна, пива, хлеба и др. из ячменя и льна или из произведенных уже из них продуктов, причем излагается не с позиций человека, производящего полотно и пиво, но так, как будто бы одушевленные ячмень и лен описывают свои ощущения и мучения во время производимых над ними операций, попутно рассуждая на самые различные житейские и даже философские темы. С точки зрения литературной традиции у "Скорбной жалобы..." немало предшественников: необходимо упомянуть шванки и сатиры Ганса Сакса (1494–1576), сатирический "животный эпос" XV–XVI вв., вообще широко распространенную в эпоху позднего Средневековья дидактическую бюргерскую поэзию, включая и аллегорические жанры. Но все это относится скорее к формальным сторонам произведения. Прямых аналогий, касающихся непосредственных сюжетов и содержания исследователи пока не обнаружили. Но верно то, что содержание своего эпоса Х. Тара "черпал из серболужицких фольклорных мотивов и национальных традиций" (К. Лоренц⁵⁸), а отсюда возникает и художественная оригинальность этого произведения, в котором характерные жанровые черты дидактической и са-

тирической шванковой "жалобы" своеобразно накладываются на лужицкие исторические, социальные, этнографические и бытовые реалии, поданные реалистически конкретно, с точным обозначением местности и реально существовавших людей, как, например, в эпизоде "На бумажной фабрике в Будишине". Но в Лужице в то время практически еще отсутствовала национальная образованная литературная аудитория, способная освоить и оценить это по существу своему национальное произведение. Поэтому более широкий резонанс "Скорбная жалоба..." получила у немецких читателей и литераторов. В Германии книга Х. Тары неоднократно переиздавалась и, по утверждению Й. Больте (повторенному Р. Енчем и К. Лоренцом), была знакома крупнейшему немецкому прозаику XVII в. Кристофу фон Гриммельсгаузену (ок. 1621–1676), описавшему в одном из эпизодов своего романа "Симплиус Симплициссимус" (1669) "жизненный путь" листа бумаги, подобно тому, как это сделал Х. Тара в упомянутом эпизоде "На бумажной фабрике в Будишине"⁵⁹.

Второе произведение Х. Тары на немецком языке – опубликованная в 1628 г. в Эрфурте стихотворная комедия "Женское зеркало. Это значит, веселая комедия из семи действующих лиц, описывающая брачные узы". По жанру она скорее относится к числу дидактически-развлекательных драм, на примере непритязательных житейских эпизодов призывающая своих читателей и потенциальных зрителей к семейному миролюбию, незлобivosti и взаимной терпимости. О постановках или переизданиях ее пока не известно. Для полноты картины того, что на сегодняшний день известно о жизни и творчестве Х. Тары, следует упомянуть еще опубликованный в 1619 г. латинский трактат⁶⁰, описывающий социальное положение лужицких крестьян накануне тридцатилетней войны (1618–1648). По личному опыту сельского священника Х. Тара хорошо знал ситуацию. В резких выражениях и с подробными реалистическими деталями он описывает ростовщиков, опутывающих и обманывающих крестьян, а также владельцев городских пивных заведений, бесстыдно разбавляющих крепкое пиво, когда к ним заходят посетители-крестьяне. Этот латинский трактат, по существу, в этот период представляет собой лужицкую прозу на латинском языке.

Попытки Х. Тары найти свою читательскую аудиторию (и возможность публиковаться), прибегая к сочинениям на немецком и латинском языках, хорошо отражают реальную ситуацию в обеих Лужицах в XVII в., когда светская литература на родном языке еще только-только зарождалась и заинтересованных в ней читателей (не говоря уже о сложностях издания подобной литературы)

было еще ничтожно мало. Отдельные лужицкие литераторы-священники были, как правило, поглощены проблемами элементарного образования своих подопечных, и усилия их в XVII в. в основном сосредотачивались на попытках подготовить и издать самые необходимые для этой цели книги. Задача, в других условиях, может быть, и не столь сложная (поскольку сотни лужичан уже так или иначе получали высшее богословское образование в университетах) в условиях Лужицы становилась прямо-таки сверхсложной из-за постоянных запретов и гонений на родной язык, из-за всех тех многочисленных дискриминационных ограничений и унижений, которые использовала немецкая администрация на протяжении всего XVII в. по отношению к коренному славянскому населению обеих Лужиц. Поэтому выживание и становление лужицкой литературы в этот сложный период во многом зависело от выживания самих письменных языков, от формирования из диалектов единого национального и в дальнейшем литературного языка – уже поэтому всякая книга, которую в XVII в. удавалось опубликовать на верхнелужицких и нижнелужицких диалектах, становилась фактом сохранения, осмысления, утверждения и усовершенствования письменного языка, на основе которого формировалось представление о нормативном литературном языке. Необходимо хотя бы кратко упомянуть важнейшие из подобных изданий.

- 1627 – "Семь покаянных псалмов царственного пророка Давида. По-лужицки и по-немецки". Книга была издана верхнелужицким священником **Грегором Мартини** (ок. 1575–1632) с посвящением двенадцати лужицким священникам.
- 1650 – "Linguae Vandalicae ad dialectum Cotsbusiani formandae aliquis Conatus". Первая грамматика нижнелужицкого языка с многочисленными примерами и с нижнелужицко-латинским словарем, подготовленная к печати священником **Яном Хойнано** (1616–1664). Хотя она в то время так и не была опубликована, но имела широкое распространение в многочисленных рукописных копиях.
- "ABC – Kniglicki". Первый нижнелужицкий букварь, изданный ректором городской школы в Калаве **Юро Эрмелем** (ок. 1610–1685), который к тому же в течение ряда лет удалось использовать в самой школе. В 1669 г. букварь был запрещен и конфискован немецкими властями.
- 1654 – "Catechismus und Glaubens Articuli". Книга, выпущенная на нижнелужицком языке священником **Адамом Тило** (ок. 1620–1681). В 1667 г. запрещена и уничтожена по приказу бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма.

- 1653– Десять священников "вендского округа" (большинство из
1656 – местности вокруг Бескова) совместными усилиями подгото-
вовили и издали 4 книги на нижнелужицком языке: Псал-
тирь, Катехизис, Сборник церковных песнопений и Сбор-
ник отрывков из Библии. Показательно то, что эти книги,
во-первых, готовились коллективно (и это один из первых
ярких примеров консолидации духовных усилий лужицкой
интеллигенции по созданию надрегиональных норм пись-
менного языка), во-вторых, были изданы в тяжелейшие го-
ды разрухи после Тридцатилетней войны и, в-третьих,
были изданы благодаря моральной и финансовой поддерж-
ке немцев, что в дальнейшем – особенно в эпоху Просве-
щения – стало поистине доброй традицией. Традицию это-
го плодотворного сотрудничества заложил еще **Кристоф
Тройер** (1556–1613), бывший в 1593–1613 гг. суперинтен-
дентом и церковным инспектором округа Бесков, входив-
шего в наследственный "вендский округ" бранденбургско-
го курфюршества. К. Тройер был в дружеских отношениях
с Х. Тарой и, как мог, поддерживал его. Сам К. Тройер не
знал лужицкого языка, но зато его сын **Готфрид Тройер**
(1600–1666), тоже бывший суперинтендентом в Бескове
в 1631–1666 гг., знал лужицкий язык с детства и был одним
из главных организаторов и активных участников вышена-
званных изданий. Лужицкому историку Ф. Метшку удалось
установить интернациональный коллектив сотрудников
одного из этих лужицких изданий – опубликованной в 1656 г.
книги с немецким титулом: "Выдержки из Священного Пи-
сания Ветхого и Нового Завета". Авторами были лужича-
нин **Ян Кригар** (ок. 1600–1676), лужичанин **Георгий Коль-
хайм** (ок. 1600–1655), словак **Каспер Яношик** (ок. 1620–
1685), словак **Ян Лупин** (ок. 1600–1661) и немец **Кристиан
Фридрих** (ок. 1600–1682)⁶¹. Но и этой книге не повезло:
по приказу бранденбургского курфюрста Фридриха Виль-
гельма в 1667 г. книга была запрещена и уничтожена. Лу-
жицкие историки справедливо подчеркивают, что в слож-
нейших условиях XVII в. в названных успехах нижнелу-
жицкой письменности сказалась неутомимая деятельность
Хандроша Тары по созданию нижнелужицкого письменно-
го языка и литературы, которая дала свои плоды в следую-
щем поколении⁶².
- 1679 – В Праге опубликована "*Principia linguae Wendicae*", грам-
матика верхнелужицкого языка, написанная членом ордена
иезуитов (вступил в Праге в 1673 г.) **Якубом Ксавером Ти-**

цином (1656–1693). Здесь предлагалась модернизированная орфография с ориентацией на тогдашнюю чешскую орфографию по образцу Матей Дубравы (1653–1684) и подчеркивались общие черты верхнелужицкого и чешского языков. Орфография и грамматика Тицина заложили основу католического варианта верхнелужицкого литературного языка.

В истории становления верхнелужицкой письменности и литературы выдающуюся роль в течение целого столетия (с середины XVII в. и до середины XVIII в.) играло семейство Френцелей, консолидировавшее прежде всего своим личным примером разнообразные усилия верхнелужицких священников, ученых и писателей. **Михал Френцель-старший** (1628–1706) получил солидное образование в Будишине, Майсене, Лейпциге и Виттенберге и с 1662 г. был священником в Будишине, ведя разнообразную по формам деятельность по созданию и усовершенствованию верхнелужицкого литературного языка. В основу своих литературных трудов он положил будишинский диалект, который, совершенствуясь и обогащаясь в трудах последователей М. Френцеля, постепенно и закрепился как верхнелужицкий литературный язык. Как переводчик многочисленных библейских текстов М. Френцель обращался не только к лютеровской Библии, но и постоянно держал под рукой греческую, а также чешскую и польскую Библии, стараясь, где это уместно, использовать родственную славянскую лексику. Публиковать свои переводы он начал с 1670 г. (евангелия от Матфея и от Марка). В 1702 г. при поддержке влиятельного пиетиста Филиппа Якоба Шпенера начал публиковаться полный текст перевода Нового Завета; публикация завершилась в 1706 г., через несколько месяцев после смерти переводчика. Большое внимание М. Френцель уделял также выработке верхнелужицкой орфографии, где тоже ориентировался на чешские и польские примеры, и в целом предложенная им орфография значительно ближе к современной, чем у его предшественников⁶³. Но его ориентация на славянскую орфографию вызвала в то время значительное противодействие у многих его коллег, и, считаясь с ними, М. Френцель тоже должен был учитывать наиболее популярный тогда труд по лужицкой орфографии **Захарии Бирлинга** (1619–1697), выпущенный в 1689 г.: "*Didascalia seu Orthographia Vandalica*". З. Бирлинг, хотя и ориентировался, как и М. Френцель, на будишинский диалект, настойчиво доказывал в предисловии, что все лужицкие звуки легко передаются с помощью латинских и немецких буквенных обозначений, а потому и незачем использовать чешские и польские знаки, которые ничего не дают кроме трудностей при печатании книг в немецких

типографиях⁶⁴. Видимо, эта логика многим показалась убедительной, по крайней мере на некоторое время.

М. Френцель переводил и публиковал также книги Ветхого Завета (Псалтирь), другие религиозные тексты (Катехизис), писал обширные проповеди на различные темы, стихотворения на случай. Из проповедей особенно выделяется речь, произнесенная в 1687 г. в Поствице в честь обряда крещения: "Postwitzscher Tauff-Stein Oder Christliche und einfältige Teutsch-Wendische Predigt Von der Heiligen Tauffe..." (опубликована в Будишине в 1688 г.). В предисловии к проповеди, опубликованной параллельно на верхнелужицком и немецком языках, сквозь жалобы на состояние письменности и образования в Лужице отчетливо проступает гордость за лужицкий язык и за лужичан, принадлежащих к древнему, великому и обширному братству славянских народов. Сама проповедь представляет собой по существу реалистическое описание с социально-критических позиций бедственного положения угнетенного лужицкого крестьянства и антихристианского поведения его угнетателей. Подобная публицистика – пускай и оформленная внешне в форму проповеди – безусловно, имеет самое прямое отношение к истории лужицкой публицистики, общественной мысли и литературы. Весьма примечательным является и еще один публицистический документ, вышедший из-под пера М. Френцеля: "Приветственное послание Петру I", который в 1697 г. во время своей поездки через Германию, как предполагалось, может посетить и Лужицкий край. Послание, написанное и отпечатанное на верхнелужицком и латинском языках, проникнуто гордостью за могущественную Россию, являющую собой оплот обширного славянского мира, и подчеркивает принадлежность серболужичан к этому миру: "О, Саксония, особенно же ты, Дрежджаны, прекрасная резиденция нашего милостивого курфюрста и господина Фридриха Августа, с тех времен, как ты стоишь, построенный лужичскими сербами, ты никогда еще не удостоивался такой чести, чтобы великий царь и великий государь, который вместе с миллионами своих подданных говорит на нашем лужицком или сарматском языке, прибыл к нам..."

Высокое славянское самосознание М. Френцеля, ясное понимание им своей миссии по консолидации национальных культурных сил вокруг идеи единого и развитого верхнелужицкого литературного языка, личный подвижнический труд и безупречное нравственное поведение – все это очень рано было осознано его современниками, превращало его дом в важный центр духовной жизни Верхней Лужицы. Сохранилась "Хвалебная песнь Михалу Френцелю", написанная по-верхнелужицки священником Юрием Лудо-

вицы (1619–1673) и опубликованная в 1670 г. в одной книжке с текстами евангельских переводов М. Френцеля:

Слава твоя не умрет, святой Авраам благородный,
Коль удостоен ты был с Богом самим говорить
И на Синайской горе словам внимать заповедным.
И ты, край Галилейский, где святые, блаженные речи
Христа, твоего Господина, на твоей земле прозвучали,
Славься, но другой народ не хули: Смотри, и у нас,
Грешных, свет разлился небесный, муж, меж нами рожденный,
Сербское слово нам, сербам, в священном сияньи принес.
Так мудрость Господня нам жажду души утолила
И с великой любовью всем сербам прильнула к устам –
Чудо свершил Михал Френцель трудом своим неустанным:
Спасибо за это ему, Богу же вечно хвала!

Столь высокая оценка, по сути, первых переводов М. Френцеля тем более заслуживает внимания, что принадлежит ученому-языковеду, к тому времени написавшему первую грамматику верхнелужицкого языка (*Rudimenta Grammaticae Sorabo-Vandalicae idiomatis Budissinatis delineata*”), тоже ориентированную на будишинский диалект.

Для уяснения исторической и культурной ситуации в обеих Лужицах во второй половине XVII – начале XVIII вв., приведшей к окончательному закреплению самостоятельного статуса верхнелужицкого и нижнелужицкого письменных и литературных языков, а также к оформлению и закреплению еще и католического варианта верхнелужицкого языка (соответственно и писатели избирали тот или иной язык), необходимо, хотя бы в самых общих чертах, представлять борьбу политических, религиозных и духовных тенденций эпохи в условиях Верхней и Нижней Лужиц. На политической арене Германии и Европы все большую роль начинает играть Пруссия, особенно после объединения с Бранденбургом, произошедшим в конце правления Фридриха Вильгельма (1620–1688), державшего курс на скорейшую ассимиляцию серболужичан, проживавших на территории Бранденбургского курфюршества. Более сложной была позиция прусского короля **Фридриха Вильгельма I** (1688–1740), который, придерживаясь в целом достаточно жесткой линии, в то же время стремился, с одной стороны, прослыть просвещенным монархом, привлекая к сотрудничеству крупнейших философов своего времени (как, например, **Готфрид Вильгельм фон Лейбниц**, 1646–1716), с другой стороны, также укрепляя свои позиции, проявлял определенную веротерпимость, привлекая к своему двору (в целом протестантскому) просвещенных гугено-

тов, кальвинистов и пиетистов. Универсалистская концепция Лейбница включала в себя активный интерес к историческому прошлому, что применительно к Германии означало и неперемный интерес к славянству, заселявшему обширные территории еще до прихода на эти места германцев. Сам Лейбниц обратил внимание на вымиравший язык остатков древно-полабских славян в окрестностях Ганновера и попытался создать нечто вроде музея славянских древностей. Здесь еще раз уместно вспомнить также о тесном и достаточно плодотворном сотрудничестве Лейбница с Петром I, которое вполне можно рассматривать в контексте зарождавшейся концепции "просвещенной монархии". Более лояльной (хотя и с постоянными рецидивами) становилась и атмосфера в университетах, хотя бы в том же Виттенберге, где продолжали жить традиции Ф. Меланхтона и К. Пойкера: в 1675 г. нижнелужицкий ученый **Юро Кригар** выступил здесь с трактатом и опубликовал книгу "О серболужицанах, славянском народе, в просторечии именуемых вендами", а верхнелужицкий ученый и писатель **Михал Френцель-младший** (1667–1752) выступил в 1691 г. на тему "Славянские языческие божества". В 1720-е гг. немецкий ученый, историк церкви **Готтлиб Вернсдорф** призывал с кафедры того же Виттенбергского университета: "Господа, учите вендский (то есть серболужицкий. — А. Г.) язык, сейчас вы еще не представляете, какую пользу это однажды может вам принести"⁶⁵.

Эти раннепросветительские идеи очень хорошо корреспондировали с религиозно-пиетистскими концепциями, переживавшими свой высший расцвет в означенный период. **Филипп Якоб Шпенер** (1635–1705), главный идеолог немецкого пиетизма, занимая влиятельные посты придворного священника в Дрездене (1686–1689), а затем в Берлине (то есть соответственно в Саксонии и Пруссии), стоял на позициях религиозной терпимости, уважения к другим народам и распространения образования в широкой народной среде, ибо образование, как он считал, способствует более глубокому и осознанному восприятию христианских идей и настраивает на созидательную, деятельную жизнь. Хорошо зная ситуацию в обеих Лужицах, он активно поддерживал Михала Френцеля.

В 1692 г. открылся новый прусский университет в Галле, ставший своеобразным центром пиетистского движения, не в последнюю очередь благодаря неутомимой деятельности **Августа Германа Франке** (1663–1727), открывшего на собственные средства и пожертвования других пиетистов благотворительные пиетистские учебные заведения около Галле (Frankenschen Stiftungen), где "молодые лужичане обучались вместе с многочисленными представителями других славянских народов"⁶⁶. Куратором и покровителем

вителем славян здесь был **Хайнрих Мильде** (1676–1739), который лично знал и преподавал чешский, а также верхне- и нижнелужицкий языки⁶⁷. Поддерживая обширные контакты с лужичанами, Х. Мильде содействовал и распространению пиетизма в обеих Лужицах, где именно в это время пиетизм пустил довольно прочные корни. Этому содействовали также видные (и богатые) пиетисты: княгиня **Генриетта Катарина фон Герсдорф** (1648–1726), непосредственно оплатившая публикацию переводов Нового Завета М. Френцеля, граф **Николаус Людвиг фон Цинцендорф** (1700–1760), граф **Фридрих Каспар фон Герсдорф** (1699–1751), чья разносторонняя общественная и благотворительная деятельность протекала преимущественно в Верхней Лужице. Национально-патриотические усилия лужицких священников и учителей, а также пиетистские и раннепросветительские духовные и практические устремления их немецких покровителей привели к заметной активизации книгоиздания на лужицких языках и к расширению образования на родном языке. Если до 1700 г. было опубликовано около 50 книг на лужицких языках, то к 1800 г. их количество возросло до 250. В первую очередь, конечно, это были книги религиозно-духовного содержания, для подготовки и издания которых нередко требовались коллективные усилия. Уже в 1660 г. по инициативе М. Френцеля была создана конгрегация верхнелужицких священников, в 1690 г. конституировалась специальная комиссия по изданию серболужицких книг во главе с **Паволом Преториумом** (1650–1709), активно способствовавшая изданию переводов и книг М. Френцеля; наконец, в 1716 г. лужицкие студенты в Лейпциге организационно объединились в Сербское проповедническое общество.

Усилиям протестантов-пиетистов соответствовали и усилия католиков, главным опорным пунктом которых в это время была Прага (выше говорилось об изданной в 1679 г. в Праге грамматике иезуита Я. К. Тицина). В разнообразных попытках рекатолизации части верхнелужицкого населения (в том числе в самом Будишине) и в закреплении позиций католической церкви в Верхней Лужице особую роль сыграли братья **Шимоны**, получившие теологическое образование в Праге и теснейшим образом связанные с чешскими католиками. **Мерчин Норберт Шимон** (Шимон из Вилленберга, 1637–1707), завершивший свой жизненный путь старшим каноником Будишинского католического собора, сумел накопить немалые средства и целиком завещал их "на вечную поддержку бедных студентов моего народа"⁶⁸, что на практике выразилось в основании Лужицкой семинарии в Праге, для которой его брат, **Юрий Йозеф Шимон** (1646–1729) сумел выстроить в 1727 г. прекрасное новое здание недалеко от Карлова моста. Активно суб-

сидировались и труды лужицких католиков, печатавшиеся в Праге. Так, Я. К. Тицин помимо грамматики издал в Праге параллельно по-немецки и по-лужицки католический катехизис (1685) и обширный труд в жанре историко-автобиографической прозы на латинском языке "Epitome historiae Rosenthalensis" (1692). Огромную роль в утверждении католического варианта верхнелужицкого языка (на основе западно-верхнелужицких диалектов) сыграли также труды **Юрия Гавштына Светлика** (1650–1729), также получившего образование в Праге. Ю. Г. Светлик осуществил в 1688–1707 гг. полный перевод Библии, сохранившийся, правда, лишь в рукописи⁶⁹, и в то же время сумел издать целый ряд книг религиозного содержания на верхнелужицком языке (католический вариант). Особо следует отметить издание в 1721 г. в Будишине латинско-лужицкого словаря, над составлением которого Ю. Г. Светлик работал многие годы.

В Нижней Лужице непосредственным проводником пиетистских идей был с начала XVIII в. **Ян Богумил Фабрициус** (1681–1741), поляк до происхождения, учившийся в Гиссене и Галле, преподававший некоторое время в пиетистской семинарии Франке. С 1701 г. он начал исполнять обязанности священника в Нижней Лужице, став впоследствии суперинтендентом в Хочебузе (Котбусе), а также инспектором церквей и школ всего Котбусского округа. Он хорошо освоил нижнелужицкий язык и считал хочебузский (котбусский) диалект "самым нежным и самым лучшим"⁷⁰. В 1706 г. он открыл первую типографию в Хочебузе и тогда же опубликовал свой перевод лютеровского катехизиса на хочебузский диалект (книга была переиздана в 1714 г.). В 1709 г. Фабрициус издал перевод Нового Завета, для которого собрал у священников Хочебуза и окрестностей уже имевшиеся рукописные переводы отдельных частей Нового Завета и переработал весь материал с точки зрения единого хочебузского диалекта. После ряда переизданий книг Фабрициуса созданный им письменный вариант хочебузского диалекта по существу и стал нижнелужицким письменным языком, а впоследствии и литературным. Некоторые произведения Фабрициуса остались в рукописях, частично опубликованных впоследствии⁷¹.

Комплексно оценивая причины, приведшие к образованию у серболужичан двух самостоятельных литературных языков, необходимо напомнить, что лингвисты, долгие годы занимались этой проблемой и пришли к выводу, что истоки такого разделения следует в первую очередь искать "в унаследованных языковых различиях. Последние же восходят по большей части к более раннему языковому периоду, когда нижнелужицкий больше тяготел к поль-

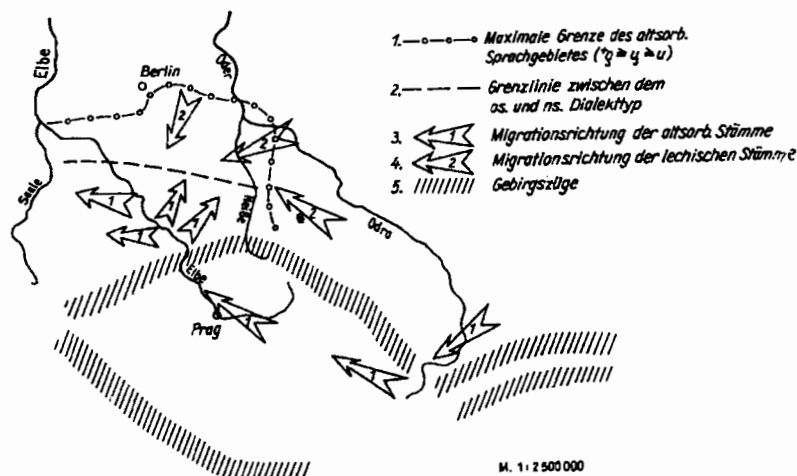
скому (Lechnisch-Polnische), а верхнелужицкий указывал на более тесные контакты с чешским языком”⁷². Сохранилось немало свидетельств конца XVI – начала XVII в. о том, что носители верхнелужицких и нижнелужицких диалектов с трудом понимали друг друга. Но в то же время эти языковые различия никоим образом нельзя абсолютизировать. В той же Германии при большом количестве диалектов и существенных различиях между ними, сохраняющихся и по сей день в разговорной речи и в продолжающих существовать региональных литературах на диалектах, тем не менее на протяжении XVI–XVIII вв. усилиями писателей и ученых (от Лютера до Шиллера и Гёте) удалось создать единый – надрегиональный – национальный литературный язык. На процессы формирования у серболужицан двух самостоятельных языков, несомненно, наложила свой отпечаток не только историческая раздробленность, но и постоянное соперничество Саксонии и Пруссии из-за лужицких территорий. При всей энергии и подвижности лужицких священников, ученых и писателей, стремившихся подчинить свою деятельность национальным интересам своего народа, эта деятельность – вплоть до XVIII в. – носила – при всей значимости отдельных трудов и произведений – в основном локальный характер, то есть сфера воздействия этих трудов ограничивалась прежде всего той местностью, где проживали и работали эти деятели. Не в последнюю очередь это происходило и потому, что многие произведения оставались в рукописях, с которыми мог познакомиться лишь весьма незначительный круг друзей и единомышленников. Вплоть до конца XVIII в. отсутствовали не только общие для обеих Лужиц печатные органы, но и вообще какие-либо газеты и журналы на лужицких языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Неуступный Ю. Первобытная история Лужицы. Прага, 1947; Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995; Седов В. В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V–VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 15–115.
2. Очерки истории культуры славян. С. 63.
3. Там же. С. 79.
4. Там же. С. 80. Ср. также: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // “Вопросы языкознания”. М., 1974, № 6. С. 61.
5. О. Е. Трубачев еще в 1966 г. обратил внимание на сходство серболужицких языков с сербохорватским в некоторых специальных сферах лексики: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1996. С. 391–392.

6. Укажем здесь лишь на несколько статей итогового характера: Schuster-Šewc H. Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen // *Lětopis. Rjad A – reč a literatura. Čo. 29/2. Budyšin, 1982. S. 113–140*; Schuster-Šewc H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb//*Lětopis. Rjad A – reč a literatura. Čo. 30/2. Budyšin, 1983. S. 138–147*; Schuster-Šewc H. Zur Problematik der Entstehung des Niedersorbischen // *Lětopis. Zeitschrift für Sorabistik/Časopis za sorabistiku. Bautzen/Budyšin. 1992. Jahrgang 1 (1992). S. 9–18. См. также: Schuster-Šewc H. Die späterslawischen Grundlagen des Lechnischen mit besonderer Berücksichtigung des Polabischen und Pomoranischen // *Lětopis. Rjad. A. Čo. 35. Budyšin, 1988. S. 4–19.**

7. Ср. для наглядности схему X. Шустера-Шевца (1983; 1992), где стрелки под номером 1 обозначают направления движения собственно древнесерболужицких племен, а стрелки под номером 2 – направления движения лехитских племен;

8. Schuster-Šewc H. Zur Problematik der Entstehung des Niedersorbischen. S. 17.

9. Ibid. S. 16.

10. "Dervanus dux gente Surbiorum, que ex genere Sclavinorum erant et ad regnum Francorum iam olem aspexerant, se ad regnum Samonem cum suis tradidit".

11. Очерки истории культуры славян. С. 113.

12. Preidel H. Die Anfänge der slavischen Besiedlung Böhmens und Mährens. Bd. II. Gräffelfing bei München, 1957. S. 39–41; Słownik starożytności słowiańskich. Warszawa; Wrocław; Kraków. T. 1–6, 1961–1982. T. 5. S. 146 ("Serbowie w Czechach"); Schuster-Šewc H. Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen. S. 124.

13. Schuster-Šewc H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb. S. 143–144.
14. Очерки истории культуры славян. С. 96.
15. Там же. С. 105.
16. Современный уровень исследований истории серболужицких языков и диалектов отражен в изданиях: Формирование и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник статей. Отв. ред. М. И. Ермакова; Ф. Михалк. М., 1989; Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник статей. Отв. ред. М. И. Ермакова. М., 1995.
17. Ронин В. К., Иванов Вяч. Вс. Проблемы этнического самосознания полабских славян XI–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 314. Для понимания особенностей исторической ситуации в VI–XII вв. см.: Ронин В. К., Флоря Б. Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 116–137.
18. Geschichte der Sorben. Bautzen, 1977. Bd. 1. S. 64; 67. Ср. также: Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.-Л., 1945. С. 165–166.
19. Šolta I. Abriss der sorbischen Geschichte. Bautzen, 1976. S. 29–33 u. a.
20. Brückner H. Ein Volk in Ketten. Ein Überblick über die Geschichte der Sorben vom Beginn unseres Jahrtausends bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Bautzen, 1958. S. 7–8. Здесь речь идет о князе ободритов, именно с такими целями принявшем в 931 г. христианство, что облегчило борьбу "королевства" вендов" (т. е. серболужичан) против франков и других германских племен.
21. Срезневский И. И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы (1844). // Lëtōpis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Sonderdruck. Reihe. A. N 32/2. Bautzen, 1985. S. 197.
22. Там же. С. 198.
23. Lehmann F. Die territoriale Zugehörigkeit der Oberlausitz // Lëtōpis. Reihe B – Geschichte. N 30/2. Bautzen, 1983. S. 184.
24. Das hussitische Denken im Lichte seiner Quellen. Berlin, 1969; см. подробности и библиографию в статье: Šolta J. Mikławš z Drježdźan // Nowy biografiski słownik k stawisnam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984. Str. 376–377.
25. Šolta J. Abriss der sorbischen Geschichte. S. 40.
26. Swjate Biblije. Toje tón stary a nowy testament božoho Swjatocho pisma... Рукопись перевода Светлика сохранилась в Баутцене. О Светлике см. подробнее: Michalk F. Jurij Hawštyn Swětlík a serbska spisowna rěč za katolikow // Lëtōpis. A. N 27/1. Budyšin, 1980. Str. 10–25.
27. Затронутые здесь вопросы подробнее рассмотрены в статьях сборника: Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989. – 207 с.
28. "Территория расселения серболужичан разделялась (около 1700 г.) на следующие области управления: 1) маркграфство Верхняя Лужица – область с сословным самоуправлением, включенная в состав курфюршества Саксония; 2) мейссенские административные области – Гроссенхайн Мюльберг, Финстервальде, Зенфтенберг и Штольпен, а также и восточные административные области саксонского наследственного округа (Sächsischer Kurkreis) как курфюршеско-наследственная земля; 3) маркграфство Нижняя Лужица под властью герцогов Саксонско-Мерзбургских; 4) округа Коттбус и Кроссен как территория Бранденбургской Ноймарки; 5) бывший "вендский округ" (Бервальде, Босков, Шторков, Тойпиц, Цоссен) как на-

следственная земля марки Бранденбург; 6) Прибусский округ княжества Саган; 7) административный округ Дааме под властью герцогов Саксен-Вейсенфельс". – См.: Фасске Х. Формирование серболужицких литературных языков / Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. Сборник обзоров. М., 1983. С. 179.

29. Nedo P. Grundriss der sorbischen Volksdichtung. Bautzen, 1966. S. 221.

30. Там же. С. 22–35 (параграф "О развитии и роли двуязычия"). Отдельные конкретные наблюдения можно найти в разных местах книги, особенно в примечаниях (с. 249–281).

31. Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967. S. 291.

32. Указания на специальные публикации в этой связи см.: Schuster-Šewc H. (выходные данные в прим. 31). С. 6. См. также: Дуличенко А. Д. Зарождение славянских литературных языков (до XIII в. // Очерки истории культуры славян. С. 412–427.

33. Schuster-Šewc H. S. 11.

34. Jenč R. Stawisny serbskeho pismowstwa. Budyšin/Bautzen. 1954. Str. 16–17.

35. Наиболее подробно биография Яна Рака изложена в статьях: Irmischer J. Der sorbische Humanist Jan Rak // Lětopis. Rjad A – rěc a literatura. N 30/1, 1983. S. 41–45; Irmischer J. Janus Rhagius und die Reformation // Lětopis. Rjad D – kultura a wuměłstwo. N 3, 1988. S. 40–43.

36. Lětopis. N 30/1, 1983. S. 43.

37. Ebenda. S. 44.

38. Lětopis. N 3, 1988. S. 42.

39. Многие конкретные биографические подробности обстоятельно исследуются в статье: Kühne H. Kaspar Peucker. Leben und Werk eines grossen Gelehrten an der Wittenberger Universität im 16. Jahrhundert // Lětopis. Reihe B – Geschichte. N 30/2, 1983. S. 151–161.

40. Субботин А. Л. Слово об Эразме Роттердамском // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., 1991. С. 23–24.

41. Lorenc K. Kaspar Peucerus // Lorenc K. (Hrsg). Sorbisches Lesebuch-Serb-ska čitanka. Leipzig, 1981. S. 23.

42. Lětopis. Reihe B. N 30/2, 1983. S. 153.

43. Nowy biografiski słownik k stawisnam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984. Str. 63.

44. Šěn Fr. Caspar Janitius // Tez tam. Str. 225; Jenč R. Stawisny serbskeho pismow-stwa. Budyšin, 1954. Str. 20.

45. Собранные Я. Б. Рихтаром лужицкие рукописи и его собственные многочисленные рукописи по лужицкой мифологии и истории серболужицкой литературы сгорели во время пожара деревни Рампиц (ныне Рампице в Польше), где он жил.

46. Jenč R. Stawisny serbskeho pismowstwa. Str. 28.

47. Николаус Вольраб (умер в 1560 г. в Будишине) начинал книгопечатником в Липске (Лейпциге) в 1526–1552 гг.; в 1552 г. заложил типографию в Будишине, которую унаследовал его сын Иоганн Вольраб, умерший в 1574 г. и успевший издать в 1572 г. первую книгу А. Моллера по астрономии и астрологии "Prognosticon Astrologisum..." Сын последнего, Михаэль Вольраб (умер в 1602 г.), сыграл выдающуюся роль в истории лужицкой культуры как первопечатник и издатель целого ряда важных текстов лужицких писателей.

48. На титульном листе были немецкие названия: "Der Kleine Katechismus wendisch vertiret", "Ein ewigwährender Kirchenkalender", "Ein wendisches Gesangbuch". В "Сборнике лужицких псалмов" А. Моллер поместил как собственные переводы, так

и переводы, сделанные другими местными лужицкими священниками и уже бывавшие в обрядовой практике. Что же касается строгого авторства, то удалось установить, что два псалма вышли из-под пера лужицкого священника Симона Гаста в 1545 г.: См.: Jenč R. Stawizny..., Str. 39. (Репринтное переиздание названных текстов А. Моллера было осуществлено в Берлине в 1959 г.)

49. Měťšk Fr. Albin Moller // Nowy biografiski słownik... Str. 392.

50. См. подробнее: Geschichte der Sorben. Bd. 1. S. 216–220.

51. См. прим. 28.

52. "Малый катехизис" Варихия был впоследствии переиздан и прокомментирован: Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius. Text mit Einleitung und grammatischer Bearbeitung von Karl Heinrich Meyer. Leipzig, 1923.

53. В этой связи показательно, что в единственной на русском языке книге В. А. Моторного и К. К. Трофимовича "Серболужицкая литература" (Львов, 1987. – 208 с.) имя Х. Тары вообще ни разу не упоминается.

54. Andreas Tharäus. Kiage der Gerste und des Flachses. Hrsg. von J. Bolte. Berlin, 1897 (Schriften des Vereins für die Geschichte Berlins. Bd. 33). В своих комментариях Й. Больте рассматривает Х. Тару в контексте истории немецкой литературы, причисляя его к "бранденбургской" литературной традиции.

55. Hórnik M. W kotrej podryči pisaše Tharaeus w lěće 1610? // Časopis Maćicy Serbskeje. XXII (1869).

56. К сожалению, дальнейшая судьба этой книги Х. Тары, высоко ценимой современниками, оказалась достаточно сложной: в 1667 г. ее (и ряд других лужицких книг) запретил бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм и практически все экземпляры книги подверглись уничтожению. До 1945 г. удавалось сохранять исходный типографский оригинал, но и он погиб в последние дни второй мировой войны при бомбежке Будишина; сохранилась лишь подготовленная А. Мукой для нового издания книги рукопись: Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler... S. 471.

57. Jenč R. Stawizny... Str. 42.

58. Lorenz K. Handroš Tara // Lorenz K. Sorbisches Lesebuch-Serbska čitanka. S. 29.

59. Jenč R. Stawizny... Str. 43.

60. Выходные данные и более конкретное изложение содержания трактата см.: Geschichte der Sorben. Bd. 1. S. 201.

61. Měťšk Fr. Gottfried Treuer // Nowy biografiski słownik. Str. 571.

62. Geschichte der Sorben. Bd. 1. S. 240.

63. Более подробно и с примерами см.: Jenč R. Stawizny... Str. 69–71.

64. Там же. С. 71–72.

65. Цит. по: Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967. S. 391.

66. Geschichte der Sorben. Bd. 1. S. 272.

67. См. подробнее: Měťšk Fr. (Mietzschke). Heinrich Milde. Ein Beitrag zur Geschichte der slawischen Studien in Halle. Leipzig, 1941.

68. Цит. по: Kilank R. Šimon z Willenberg // Nowy biografiski słownik. Str. 544.

69. Издание ее было объявлено Х. Роте и Р. Олешом в серии "Biblia Slavica", см.: Гугнин А. А. Новые издания ранних славянских Библий // UNESCO. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Выпуск 26. М., 1992. С. 103–106. Согласно каталогам, книга вышла в 1995 г.

70. Měťšk Fr. Jan Bohumil Fabricius // Nowy biografiski słownik. Str. 128.

71. Fabricius J. B. Schriftmässige und gründliche Anleitung zum wahren Christentume in die wendische Sprache übersetzt. Cottbus, 1855.

72. Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. S. 17.

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вопрос о начале и границах эпохи Просвещения в серболужицкой литературе остается пока непроясненным — в основном, как представляется из-за того, что конкретные даты не совпадают с привычными западноевропейскими или даже славянскими стереотипами¹. Поэтому, не вдаваясь в дискуссии, сосредоточимся на самих фактах. Не подлежит, например, сомнению тот факт, что к началу XVIII в. серболужицкая литература, создававшаяся на латинском, немецком языках, а также верхнелужицких и нижнелужицких диалектах, прошла вполне определенный и длительный путь развития. Будишинский диалект, разработанный в многочисленных трудах Михала Френцеля-старшего (1628–1706), его современников и последователей во многом уже закрепился в качестве протестантского варианта верхнелужицкого письменного языка. В начале XVIII в. в значительной мере установился и католический вариант верхнелужицкого письменного языка, разработанный в трудах Юрия Гавштына Светлика (1650–1729) и последователей. В силу сложившихся исторических обстоятельств историко-культурный процесс в Нижней Лужице в XVI–XVII вв. протекал интенсивнее (а порой и с опережением), чем в Верхней Лужице². Это подтверждает и общеевропейский резонанс произведений Альбина Моллера (1541–1618) и Хандроша Тары (ок. 1570 — ок. 1638), писавших на латинском и немецком языках и нижнелужицких диалектах. И все же в основу письменного, а затем и литературного нижнелужицкого языка был положен не вымиравший мужаковский (мускауский) диалект, на котором писал Х. Тара, а хочебузский (котбусский) диалект, красоту и перспективность которого распознал Ян Богумил Фабрициус (1681–1741).

То, что именно Верхняя Лужица к началу XVIII в. постепенно заняла лидирующее положение в историко-культурном процессе, обусловлено многими факторами, не в последнюю очередь социально-экономическими. Лужицкие историки, этнографы и лингвисты в результате длительных и кропотливых исследований подсчитали, что в 1737 г. серболужичан в обеих Лужицах проживало около 100.000 человек. В Верхней Лужице в это время было 590 деревень, где жили лужичане, в Нижней Лужице — 600 деревень. К 1789 г. число лужицких деревень в Верхней Лужице сократилось до 500, в Нижней же Лужице их осталось всего 300³. Процессы активного немечивания, на которые делала ставку Пруссия, владевшая Нижней Лужицей, как видно, проходили там заметно интенсивнее. Но нельзя не отметить и то, что на верхнем ярусе историко-куль-

турного процесса дискриминационная политика немецких властей все же несколько смягчалась усилиями немецких меценатов-пиетистов, субсидировавших со второй половины XVII в. издания серболужицких книг и даже их бесплатное распространение. С середины XVIII в. все более активный интерес к лужичанам начинают проявлять немецкие просветители – как в общем русле зарождавшейся славистики (и в духе просветительского универсализма), так и непосредственно погружаясь в серболужицкую проблематику: изучают язык и историю, мифологию и этнографию, создают научные общества, пишут собственные труды и способствуют печатанию своих коллег-лужичан. Заметно укрепляются и ширятся с конца XVIII в. и лужицко-славянские взаимосвязи.

Лужицкие студенты, обучавшиеся в университетах Виттенберга, Лейпцига, Франкфурта-на-Одере, Галле, Кракова и Праги, естественно, воспринимали все лучшее, что могли дать эти университеты, и, возвращаясь на родину, стремились так или иначе реализовать эти знания, воплотить в жизнь свои патриотические чувства. При этом традиционные объединения лужицких студентов-теологов в университетах, как, например, Лужицкая (Вендская) католическая семинария в Праге (для которой меценаты, братья Шимоны, построили в 1727 г. прекрасное новое здание недалеко от Карлова моста), или Сербское проповедническое общество в Липске (Лейпциге), функционировавшее с 1716 г., постепенно – под воздействием просветительских идей – видоизменяли свой характер, становились более открытыми, выдвигали идеи и осуществляли инициативы, далеко выходящие за рамки сугубо конфессиональной проблематики. Подобные объединения начинали возникать и в самой Лужице (Мужаковский или мускауский кружок просветителей), выдвигая порой из своей среды ученых и писателей европейского масштаба. Но в данном случае суть даже не в масштабе отдельных достижений, но в том неустанном поступательном движении, которое в конечном итоге способствовало не только сохранению серболужицкой письменности и словесности как таковой, но привело уже в XVIII веке к созданию целого ряда художественных произведений и – главное – подготовило серьезную культурную базу для непрерывности историко-литературного процесса, что для сохранения национального самосознания и становления национальной культуры на определенных исторических этапах, видимо, еще важнее, чем отдельные творческие достижения.

И в этой связи нельзя не упомянуть о деятельности двух ученых-универсалов, в чьем творчестве произошел плавный переход от позднегуманистических рационалистических установок к национально ориентированным раннепросветительским концепциям, подготовившим базу для дальнейшего продвижения просветительских идей в Сербскую Лужицу. Речь идет о верхнелужицком ученом **Абрагаме Френцеле** (1656–1740) и о нижнелужицком ученом **Яне Богумере Рихтаре** (1703–1765). Разница их жизненных судеб и их творческого наследия до определенной степени иллюстрирует отмеченное выше различие социально-экономической и культурной ситуации Верхней и Нижней Лужиц в рассматриваемый период. А. Френцель (сын Михала Френцеля-старшего) по окончании гимназии в Будишине изучал теологию в Виттенбергском университете, защитив в 1681 г. степень магистра богословия. Хотя А. Френцель писал, как правило, на латинском и немецком языках, он хорошо знал лужицкие языки и диалекты, и все его обширные энциклопедические труды так или иначе связаны с Лужицей: ее природой, историей, этнографией, мифологией, языкознанием, литературой и т. д. Р. Енч, заново изучавший архивы А. Френцеля, насчитал 34 толстых связки завершенных и подготовленных к печати трудов, из которых при жизни была опубликована лишь незначительная часть; кое-что попало впоследствии в 8 выпусков "Френцелианы", подготовленных А. Мукой для "Часописа Матицы серболужицкой" (1880–1890), кое-что постепенно извлекается и публикуется до сих пор⁴.

Всесторонняя оценка научного наследия А. Френцеля – дело будущего, мы вынуждены ограничиться лишь кратким перечнем его основных трудов. Европейскую известность в связи с прославившимся в Европе интересом к языкознанию и славистике доставили ему первые четыре тома десятитомного сочинения "De originibus linguae Sorabicae" ("О происхождении лужицкого языка"), опубликованные в 1693–1696 гг., то есть за 60 лет до рождения "одного из родоначальников славянской филологии чеха Йозефа Добровского (1753–1829)"⁵. О резонансе этого сочинения А. Френцеля свидетельствует хотя бы то, что великий немецкий просветитель Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781) через полвека после названного труда А. Френцеля непосредственно обращается к нему в своей ранней драме "Молодой ученый" (1747–1748). В этой драме в диалоге ученого и его слуги-лужичанина, Лессинг, хотя и высмеивает попытки А. Френцеля сопоставлять серболужицкий язык с древнееврейским, все же признает бесспорный факт существования серболужицкого языка как такового: хвастливый молодой ученый вынужден признать, что его слуга знает язык, ему

самому пока недоступный⁶. В четырех опубликованных томах "О происхождении лужицкого языка" А. Френцель описывает историю и особенности серболужицкого языка на основе сопоставления его с восточными и славянскими языками (в том числе древнееврейским, древнегреческим, латинским, немецким и др.), в пятой книге собраны сведения о славянской и особенно лужицкой языческой мифологии, в книгах шестой-восьмой описываются и объясняются собственные имена (личные имена, названия местностей и т. д.), книги же девятая и десятая посвящены описанию и объяснению названий лужицких городов и деревень. Столь обширный и разнообразный по охвату материала труд (при всех его недочетах, вполне объяснимых неразвитостью соответствующих отраслей наук), естественно, не мог не привлечь внимание. Когда Петр I, заинтересовавшись историей славян и славянских языков, специально поручил российскому послу в Вене Урбиху подобрать ему соответствующую литературу, Урбих отыскал в 1712 г. в Дрезданах (Дрездене) сочинения А. Френцеля и отправил царю⁷. Объемная, содержащая уникальный этнографический и топографический материал рукопись "*Historia populi et rituum Lusatiae Superioris das ist kurzgefasste Erzählung von der Oberlausitz Einwohnern und derselben gewohnheiten*" (ок. 1700) полностью до сих пор не опубликована и известна лишь по некоторым извлечениям. Но даже по опубликованным отрывкам видно⁸, что рукописная книга представляет собой образец великолепной этнографической прозы (правда, на немецком языке). Трудно переоценить и значение другой обширной рукописи (1660 страниц) А. Френцеля "*Historia naturalis Lusatiae Superioris d. i. Physicalische Nachrichten von des Marggraffthumbs Ober-Lausitz Luft, Feuer, Wasser und Erdboden*", где он выступает в качестве первого лужицкого ученого-топографа, собравшего и сохранившего для науки и для культуры огромное количество лужицких топонимов — вплоть до местных названий мельчайших речушек и холмов. Большая часть его рукописного наследия, по свидетельству Р. Енча⁹, представляет собой конспекты и заготовки трудов по славянской истории и мифологии, естественно, с уклоном в лужицкую проблематику. Из этих трудов при жизни была опубликована лишь работа о славянских и лужицких языческих божествах "*De diis Slavorum et Soraborum in specie*" (1719). А. Френцель составил также большой общеславянский многоязычный сопоставительный и этимологический словарь "*Lexicon harmonico-etymologicum Slavicum*", где в параллель к верхнелужицкому и нижнелужицкому словнику даются польские и чешские соответствия и приводятся наблюдения этимологического характера. Книга эта также осталась в рукописи. При большом количестве

сохранившихся рукописей А. Френцеля (которые хранятся в Сгорельце и Житавье и нуждаются в интенсивном современном изучении) часть из них все же до сих пор не обнаружена — современникам, например, был известен полный перевод Библии на верхнелужицкий язык, сделанный А. Френцелем¹⁰. Пользуясь большим авторитетом в обеих Лужицах, А. Френцель приложил немало усилий к тому, чтобы убедить культурную прослойку (а в тех условиях прежде всего священников) серболужичан выработать единый письменный и литературный лужицкий язык, в основу которого, по его убеждению, должен быть положен "чистый верхнелужицкий главный диалект", то есть будишинский. Резонанс даже известных в то время трудов А. Френцеля был настолько велик, что через сто лет после его смерти в газете Я. П. Йордана "Сербска Ютничка" (1842) К. А. Мосак-Клосопольский писал: "Не подлежит сомнению, что наш лужицкий Френцель принадлежит к числу первых панславистов (*do přenich panslawistow*), которые заложили современную славянскую филологию"¹¹.

Многочисленное семейство Френцелей с 1660-х годов и до середины XVIII в. являлось одним из важных центров духовной жизни Сербской Лужицы. Сугубо литературные интересы здесь никак не могли стоять на первом плане: художественные произведения возникали как побочные продукты научных штудий (как, например, этнографическая проза А. Френцеля) или как "произведения на случай", которых, как оказалось, сохранилось в архивах Френцелей не так уж мало. В основном это стихотворения, приуроченные к тем или иным событиям (юбилеи, посвящения, дружеские послания или наставления и т. д.). Писались они на верхнелужицком, немецком и латинском языках и не предназначались для печати¹². Несмотря на то, что стихи эти лежат у истоков светской поэзии на верхнелужицком языке, общественный резонанс их был ограничен дружеским кругом семьи — для этого они и предназначались. И все же при написании фундаментальной истории серболужицкой литературы все эти произведения, естественно, должны быть повергнуты всестороннему изучению.

В Нижней Лужице, как уже указывалось, ситуация была в начале XVIII в. более сложной. При всей своей просвещенности прусский король Фридрих Вильгельм I (1688–1740) был достаточно жесток именно по отношению к лужичанам, стремясь к их полной ассимиляции с немцами. В целом ряде антилужицких указов он запретил, например, допускать к исполнению обязанностей лужицких священников, не владевших немецким языком (1731), а затем и вовсе потребовал устранения лужицкого языка из церкви (1735). Родившийся в Хочебузе (Котбусе) Ян Богумер Рихтар (по-немецки

Иоганн Готфрид Онефальш-Рихтер), учился в гимназии в Будишине, затем изучал теологию в пиетистском заведении в Галле (с 1724 г.), где сблизился с известным пиетистом и покровителем славян Хайнрихом Мильде и выучил чешский язык. Его интересы с самого начала были направлены на историческую этнографию, мифологию, историю языка и словесности Нижней Лужицы. Первая книга его была опубликована по-немецки в 1730 г. и приурочена к 800-летию Хочебуза: "Собрание некоторых сообщений о городе Котбусе в Нижней Лужице и прилежащих к нему местах". Книга эта и до сего дня является уникальным источником по истории и этнографии Нижней Лужицы¹³. В 1738 г. в Люббене под эгидой немецких административных и церковных властей стал выходить научный ежемесячник "*Destinata Litteraria et Fragmenta Lusatica*", где в том же году были опубликованы два труда Я. Б. Рихтара: "Мысли о нижнелужицких ученых и особенно об ученых-лужичанах" и "Лужицкая математика". Первая из них представляет собой уникальный очерк истории нижнелужицкой науки и словесности и сведений о ее создателях, которые зачастую и дошли до потомков лишь благодаря тем источникам и рукописям, которые сумел разыскать и изучить Я. Б. Рихтар – например, забытую книгу Юро Кригара (ок. 1635 – после 1675) об истоках лужицкой истории и мифологии "*De Serbis, Venedorum natione, vulgo dictis Die Wenden*", (Виттенберг, 1675) и историко-этнографические труды Божидара Кригара (1694–1751) и т. д. "Лужицкая математика" вопреки ученому названию представляет собой образец иронической публицистической прозы – на основе отношения к числам в их различных употреблениях (календарь, меры веса, измерение длины и т. д.) проводится сравнение между немцами и лужичанами, в подоплеке которого лежит не только утверждение равноценности двух народов, но и характеристика национального мышления и национального темперамента лужичан, отразившихся и в использовании чисел¹⁴. Вторую половину своей жизни (1734–1765) Я. Б. Рихтар в силу различных обстоятельств вынужден был провести священником в Рампицах – местности, некогда населенной лужичанами, но к тому времени уже полностью онемеченной. И здесь Рихтар, тщательно собирая материалы, создает и публикует в 1746 г. на немецком языке книгу "Историческое сообщение о Рампице на Одере", где опять-таки описывает лужицкие древности, сообщает о забытых рукописях, дает сведения по народной мифологии. Ф. Метшк, специально изучавший наследие Я. Б. Рихтара, пишет, что труды его внесли вклад в археологию, этнографию, лингвистику и ономастику, историографию и литературу¹⁵. Часть трудов Я. Б. Рихтара (например, "*De poesi Serborum*"), по-видимому, утрачены окончательно. В научных

трудах Я. Б. Рихтара содержатся также найденные или записанные им (или же сочиненные им самим?) стихотворения и песни, которыми литературоведение пока еще всерьез не занималось¹⁶.

Эти бегло очерченные контуры жизни и деятельности двух крупных ученых из Верхней и Нижней Лужиц, деятельность которых завершилась уже в первой половине XVIII в., должны лишний раз подчеркнуть, что серболужицкое Просвещение имело свои исторические корни, хотя, конечно, стремилось впитать в себя и все лучшее, что приходило от немцев и от соседей-славян. Во всяком случае, очевидно, что еще и до рождения И. Г. Гердера (1744–1803) лужичане глубоко изучали свою историю, этнографию, мифологию, язык и сохранившиеся письменные памятники, и идеи Гердера и других немецких просветителей второй половины XVIII в. попадали здесь на вполне разрыхленную почву, которую уже не могла уничтожить дискриминационная политика прусских или других властей.

Приступая непосредственно к рассмотрению зарождения и развития просветительского движения в Сербской Лужице, необходимо подчеркнуть, что долгое время бытовавший в советских литературоведческих трудах подход к Просвещению как к явлению сугубо светскому и во многих чертах антицерковному, антирелигиозному, даже атеистическому (ориентация на Вольтера и французских энциклопедистов) не только не отражал всего спектра идей и реального содержания эпохи Просвещения, но в значительной мере примитивизировал и упрощал достаточно неоднозначную и сложную в целом эпоху. Здесь лишь заметим, что Просвещение в Европе развивалось и в религиозно-духовных формах, и в формах социально-экономических (с соответствующей им позитивной идеологией, наукой и литературой), и, действительно, в формах радикальной критики господствовавшего общественного строя (тоже с соответствующей философией, идеологией, наукой и литературой). Все эти формы проявления просветительских идей можно обнаружить в Сербской Лужице, хотя в целом, конечно, представляется, что деятели лужицкой культуры гораздо больше думали о позитивном сохранении, упрочении и расширении уже имеющегося и достигнутого, чем о каком-либо революционном насилии и разрушении.

В 1716 г. лужицкие студенты-богословы Лейпцигского университета образовали **Сербское проповедническое общество** (*Serbske prědarske towarstwo*). Цели поначалу были достаточно скромными: заботиться о воспитании и сохранении национально-патриотического начала в среде будущих лужицких священников, для чего поддерживать и расширять знания родного языка и истории. В чис-

ле шести основателей этого общества был и Гадам Захариас Шерах (1693–1758), сын Петра Шераха (1656–1727), переиздавшего в 1717 г. верхнелужицкий катехизис В. Варихиуса со своим предисловием "О лужицком языке", в котором смело отстаивались честь и достоинство лужицкого языка. Г. З. Шерах вошел в историю своей полемикой с крайностями пиетизма, пустившего глубокие корни в Лужице, в частности благодаря активной деятельности немца Иоганна Готфрида Кюна (1706–1763), родившегося в Будишине, выучившего верхнелужицкий язык и организовавшего на средства влиятельного пиетиста графа Герсдорфа первый лужицкий учительский семинар. Заслуги И. Г. Кюна перед лужицкой культурой бесспорны: он издавал церковные тексты (например, в 1742 г. переиздал полный текст Библии на верхнелужицком языке, неоднократно издавал сборники псалмов), распространял пиетистскую литературу, отбирал и готовил наиболее способных детей-лужичан к дальнейшему обучению в Галле. Г. З. Шерах в своей полемике с Кюном обвинял пиетистов в склонности к меланхолии и мистике, в отрицании радостей земной жизни (в пиетизме, кальвинизме и пуританизме в этом смысле есть много общего, что в практической жизни вовсе не мешало представителям этих религиозных течений быть весьма активными и добиваться серьезных экономических успехов). Современникам были хорошо известны светские стихотворения и песни Г. З. Шераха, которые он писал на латинском, древнегреческом, древнееврейском и серболужицком языках¹⁷.

Но самым известным из многочисленного семейства Шерахов стал сын Г. З. Шераха Гадам Богухвал Шерах (1724–1773), в разнообразном научном, практическом и литературном творчестве которого отчетливо заметно не только освоение некоторых идей Просвещения, но и оригинальный собственный вклад. Он учился в Лейпцигском университете в 1743–1746 гг. (теология, философия и естествознание), тогда же вступил в Сербское проповедническое общество; затем был домашним учителем и священником в Будишине. Уже в 1741 г. он обнаружил блестящие способности, выступив с латинской речью "De idolis Soraborum", посвященной старолужицкой мифологии, и элегией "De conversione Soraborum". Теологические штудии привели Г. Б. Шераха к достаточно многочисленным изданиям различных религиозных текстов, из которых особой популярностью пользовался подготовленный им заново свод церковных песнопений, переиздававшийся 6 раз в 1756–1767 гг. (100 песен в издании 1759 г.). Как и отец, Г. Б. Шерах продолжал полемику с И. Г. Кюном и пиетизмом, выступая с памфлетической критикой.

Просветительские тенденции заметны в "Верхнелужицкой школьной книжке", где содержание подобранных текстов свидетельствует о том, что Г. Б. Шерах был сторонником разумного, но естественного воспитания. Учебник переиздавался трижды (1770, 1778, 1803).

В 1740–1750-е годы деятельность Сербского проповеднического общества стала заметно активизироваться, в него уже принимались не только теологи, но и лужичане с других факультетов (юристы, например), а также немцы, активно занимавшиеся изучением истории и современности Сербской Лужицы. У начала этого нового этапа в развитии лужицкого Просвещения стоит статья Г. Б. Шераха "Послание в защиту древних славян и лужичан" (1755), опубликованная на немецком языке и использовавшая уже весь доступный тогда арсенал просветительской аргументации для развенчания вековых предубеждений немцев против славян, утверждавшая идеи равноценности и равноправия больших и малых народов¹⁸. Г. Б. Шерах и далее писал актуальные статьи и рецензии в различных изданиях.

Но в историю мировой культуры имя Г. Б. Шераха вошло не в связи с вышеназванными трудами. Он выступил как выдающийся теоретик, практик и организатор пчеловодства – сначала в Лужице и Германии, а затем и в Европе в целом, – как естествоиспытатель и писатель-натуралист, чьи книги о пчелах вдохновляли еще и бельгийского символиста Мориса Метерлинка ("Жизнь пчел", 1900). Но и сам Г. Б. Шерах в своих натуралистических и поэтических описаниях жизни пчел тоже опирался уже на достаточно основательную просветительскую традицию, идущую по крайней мере от Г. В. Лейбница ("Теодицея. Опыт о доброте Бога, свободе человека и происхождении зла", 1710). По Лейбницу, Бог при сотворении мира "избрал наилучший из всех возможных вариантов", все остальное же предоставил самим людям, дав им возможности выбора между Добром и Злом. Названная идея Лейбница оказала огромное и разнообразное воздействие на все европейское Просвещение. Реальный и несовершенный мир словно бы вызывал к активной человеческой деятельности по его усовершенствованию. Нельзя забывать и о том, что в близком к Лужице университете в Галле долгие годы работали и другие крупнейшие философы раннего Просвещения: Христиан Томазиус (1655–1728) и Христиан Вольф (1679–1754). Одним из ярчайших и талантливейших иллюстраторов идеи Лейбница (и его популяризатора Вольфа) о "лучшем из миров" стал немецкий поэт Бартольд Хинрих Броккес (1670–1747), издавший в 1721–1748 гг. девять стихотворных сборников, объединенных единым заглавием "Земное наслаждение в Боге"

("Irdisches Vergnügen in Gott"). Броккес, словно натуралист, подробнейшим образом описывает все окружающее, и оно как бы заново открывается, потому что поэт видит во всем совершеннейшее, божественное творение и изумляется сотворенному. Г. Б. Шерах сам неоднократно ссылается в своих поэтических пчеловодческих штудиях, что стихотворения Броккеса поразили его, дали возможность и на свои занятия пчелами посмотреть совсем иными глазами¹⁹. В 1761 г. в Будишине вышла первая книга Шераха о пчелах: "С природой и искусством связанное приумножение пчел, вновь открытое в Верхней Лужице" — речь шла о возможности размножать пчелиные ульи с помощью искусственного выведения пчелиных маток. Уже этот труд принес Шераху впоследствии признание "отца современного пчеловодства". В 1766 г. Шерах основал "Экономическое пчеловодческое общество в Верхней Лужице", затем вблизи Будишина заложил учебные пчеловодческие фермы, о которых вскоре пошла столь громкая слава, что по указу Екатерины II в 1771 г. в Лужицу были посланы два русских студента, Афанасий Каверзнев и Иван Бородовский, для обучения пчеловодству. Шерах стал издавать первый в Германии пчеловодческий журнал, стал членом многих научных и экономических обществ и академий (в том числе и в Петербурге, где ему была присуждена также и золотая медаль). Его основные книги по пчеловодству: "Саксонский пчеловод" (1769, А. Каверзнев перевел эту книгу на русский язык), "Подробное изложение бесценного искусства воспитания и размножения пчелиных роев" (1770, книга была тогда же переведена на русский, французский и итальянский языки). Специально для русской императрицы Шерах написал книгу "Лесное пчеловодство", в котором объединил свои обширные наблюдения о старинном промысле славян; книга вышла уже посмертно в 1774 г.

Философские, естественнонаучные и поэтические взгляды Шераха на сущность и жизнь пчел (и вообще о Природе) наиболее художественно ярко и отчетливо выразились в книге "Melitto-Theologia. Прославление славного Творца из уст чудесной пчелы" (1767). Эта книга, написанная на немецком языке, и через двести с лишним лет не утратила своего интереса для внимательного читателя²⁰.

Одним из самых активных членов Сербского проповеднического общества был **Юрий Мень** (1727–1785), которого нередко называют основоположником светского направления в верхне-лужицкой литературе, что если и верно, то лишь в том смысле, в каком "Ленору" Г. А. Бюргера немцы называют первой литературной балладой, или как В. А. Жуковского считают основоположни-

ком жанра русской литературной баллады – литературные баллады в Германии и в России создавались задолго до Бюргера и Жуковского, но именно они ввели этот жанр в канон, создали ему непререкаемый авторитет, сделали этот жанр популярным и даже модным. Сын верхнелужицкого крестьянина, Юрий Мень в 1743–1746 гг. учился в пиетистском сиротском приюте в Галле, затем был студентом Лейпцигского университета. К 1750 г. из числа членов Сербского проповеднического общества образовалась группа поэтически одаренных молодых людей, которые, начав с коллективного перевода "Домашних проповедей" Лютера (книга издана в 1751 г.), постепенно переориентировались на светскую поэзию. Из образцов современной им немецкой поэзии особо близок им был уже европейски известный лейпцигский поэт-профессор Христиан Фюрхтеготт Геллерт (1715–1769), у которого они посещали семинар по поэзии и красноречию и книги которого "Басни и рассказы" (1746–1748, по свидетельству немецкого литературоведа П. Вебера, "после Библии, пожалуй, самая читаемая в XVIII веке книга"²¹) знали наизусть и даже переводили на лужицкий язык²². В творчестве Геллерта произошел постепенный поворот от дидактического умеренно-просветительского направления к направлению бюргерски-"чувствительному", прокладываяшему дорогу сентиментализму. Сентиментализм постепенно вырастал также и из натурфилософской ("Альпы" Альбрехта фон Галлера), из буколической и анакреонтической лирики (Хагедорн), которая имела широкое распространение в Германии вплоть до 1770-х годов.

В разных городах – Галле, Лейпциг, Бремен – возникали поэтические кружки, где культивировалась чувствительная дружба, зачастую не лишенная и национально-патриотической окраски. И то и другое синтезировалось в творчестве крупнейшего немецкого поэта середины XVIII в. **Фридриха Готлиба Клопштока** (1724–1803). Шумный успех "Мессиады" Клопштока, первые три песни которой были опубликованы в 1748 г., вдохновил Юрия Мень на подражание и на соперничество. В 1767 г. он сочинил торжественную поэму "Лужицкого языка возможности и восхваление в поэтической песне" ("Serbskeje řeče zamóženje a chwalba we řečerskim kěrlišu")²³. Поэма – по образцу Клопштока – написана гекзаметрами, но содержание ее – сугубо национально-патриотическое. Содержание основных частей: 1) прославление лужицкого языка, способного выразить любые чувства и любые понятия, языка древнего народа, у которого есть свое богатое и героическое историческое прошлое, где были и победы над теми же германцами; 2) хвала славным деятелям лужицкой культуры, работавшим во

славу и на пользу своего народа; поименно характеризуются Моллер, Мартини, Варихий, Френцель и Шерах, а также целый ряд других лужичан; 3) Всевышний Ангел показывает поэту прошлое и настоящее лужицкого народа, прославляя тех, кто в различных формах отстаивал национальную самобытность и независимость лужицкого народа, и порицая тех, кто от этой задачи уклонялся, предпочитая удобную приспособленческую жизнь; 4) призыв ко всем лужичанам любить и изучать свой родной язык, который по своим достоинствам и возможностям не уступает никаким другим языкам мира. Правда, поэма эта ходила в рукописных списках (но в образованном кругу была достаточно хорошо известна), пока сын Ю. Меня, тоже поэт и крупный деятель лужицкой культуры **Рудольф Мень** (1767–1841), не издал ее в 1806 г., сопроводив верхнелужицкий текст своим собственным поэтическим переводом на немецкий язык.

Очень важным этапом в развитии всей лужицкой культуры стала подготовка к празднованию 50-летия Сербского проповеднического общества в 1767 году. В это время в обществе было уже и несколько немцев: **Георг Кёрнер** (1717–1772), например, опубликовал в 1766 г. "Филологически-критический трактат о серболужицком языке и его пользе для наук", ставший своего рода образцом плодотворности немецко-лужицких взаимосвязей на данном этапе Просвещения; кроме того Г. Кёрнер составил обширный "Лужицкий или Славяно-немецкий подробный словарь" в 1767–1768 гг., а также принимал активное участие в большом коллективном труде по истории серболужицкой церкви. **Ян Кжесчан Август Коцор** (1738–1784), бывший в 1763–1773 гг. председателем Сербского проповеднического общества, написал юбилейный отчет "Краткое историческое сообщение об истоках и развитии до сих пор существующего Вендского общества в Лейпциге", который был издан в 1766 г. на немецком языке; тем самым для потомства сохранился важный историографический материал.

Сам Юрий Мень, продолжая свою патриотически направленную литературную деятельность работал в эти годы над переводом "Мессиады" Клопштока, отбирая, как он сам написал в предисловии к своему труду, наиболее важные и сложные эпизоды и стремясь к максимальной адекватности содержания и формы перевода, чтобы наглядно показать неисчерпаемые возможности серболужицкого языка в передаче самого знаменитого в ту пору поэтического эпоса: как пишет сам Ю. Мень в предисловии: "По общему мнению, "Мессиада" Клопштока — это самое возвышенное и величественное эпическое произведение, которое есть сейчас у нас, немцев..."²⁴ Переводы Ю. Меня также ходили в рукописях до 1806 г.,

когда Р. Мень издал их параллельно с немецким текстом. Сам же Ю. Мень сумел издать свои избранные проповеди на верхнелужицком языке в 1772 г. Некоторые из них лишь чисто условно можно назвать проповедями: "Пылающий костер", например, представляет собой настоящую художественную историческую прозу, поскольку в основу положен рассказ о реальном лужицком разбойнике Гансе Веньке; вообще, видимо, проповеди Ю. Менья вполне правомерно можно рассматривать как художественную прозу, использовавшую некоторые приемы традиционного и богатого публицистическими и изобразительными возможностями жанра проповеди.

В приложении к упомянутому выше юбилейному отчету Коцора была опубликована юбилейная ода выпускника Лейпцигского университета и члена Сербского проповеднического общества **Юрия Рака** (1740–1799). Ода, состоящая из восьми строф и соблюдающая возвышенный стиль еще в ту пору достаточно распространенного жанра, посвящена прославлению членов общества, несущего просвещение и радость своему народу. Но более любопытно в художественном плане другое, еще ранее написанное стихотворение Ю. Рака "Жажда бессмертия", к которому он сам сочинил мелодию, и песня эта пелась в среде лужицких студентов:

К бессмертию крут и сложен путь –
Легко закружиться и шею свернуть.
Упрямо карабкайся, в гору иди,
Не бойся препятствий на дальнем пути.
Кто смело идет – до вершины дойдет,
И славу заслужит, и честь сбережет.

Александр всю жизнь в походы ходил,
И мир покоренный его не забыл,
Бросался он в сечи с бесстрашным ликом –
Назвали его Александром Великим.
Пускай его тело настигла смерть,
Но память о нем никогда не стереть.

Архимед стремился и ночью и днем
Объять мирозданье пытливым умом.
Законы он многие в мире открыл –
Всему человечеству путь осветил.
Его ни мечом, ни копьем не убить,
И вечную славу его не затмить.

Ищешь бессмертия ты, человек, –
Выбери путь на отпущенный век:
Мир покорять или с глупостью биться –
В Истину, в сущность вещей погрузиться!
Грозен воитель, и славен мудрец –
Вечная память их жизней венец.

Эй, богатей, свой сундук набивай!
Туже, красотка, корсаж зажимай!
Юноша, тешся с подругой своей!
Пьяница, радуйся, пей и глупей!
Вам и без вечности жизнь хороша –
Но жаждет бессмертья моя душа!

Песня эта написана не позднее 1765 г. (когда Ю. Рак окончил университет), была широко известна в студенческой среде, сохранялась в списках до 1828 г., когда Г. Зейлер "опубликовал" ее в рукописном студенческом журнале "Сербска Новина", сохранив тем самым для потомства. Исследователи относят ее к анакреонтической поэзии рококо – модного течения того периода; кстати и некоторые стихотворения молодого Гёте, в эти же годы учившегося в Лейпциге и подробно описавшего свою студенческую жизнь в "Поэзии и правде", тоже написаны в стиле рококо, сходном с процитированным стихотворением Ю. Рака.

К этому же времени относится и попытка издания первой верхнелужицкой газеты. По разысканиям Р. Енча и М. Фёлькеля²⁵, непосредственным импульсом к изданию послужило письмо Г. Кёрнера в Сербское проповедническое общество 21 августа 1764 г., в котором он обосновывал необходимость создания обществом печатного издания на лужицком языке, которое должно было бы стать своего рода хроникой текущей культурной жизни в Лужице. Однако, средств для печатного органа в то время у лужичан не нашлось, и первый номер рукописной газеты "Липские известия" ("Lipske nowisny a wšitkizny") вышел в конце 1766 г., следующий – в начале 1767 г. Организаторами этих номеров были, по всей вероятности, Ян Венцель (1737–1801), оставивший о себе память как переводчик произведений Геллерта и составитель библиографии серболужицкой письменности, уже упоминавшийся Коцор, тогдашний председатель общества, его заместитель Ян Ринч (1733–1803), две юбилейные речи которого были изданы с предисловием Ю. Меня в 1766–1767 гг.; а также лингвист Ян Заломон Френцель²⁶. Но после первых номеров издание прекратилось, издатель так и не нашелся; к сожалению, видимо, окончательно утрачены и экземпляры этой уникальной газеты, сохранявшиеся еще до 1937 г. в библиотеке Матицы серболужицкой в Будишине и уничтоженные в конце второй мировой войны вместе со всей библиотекой; таким образом погибли многие редчайшие лужицкие книги и рукописи.

В то же время следует подчеркнуть, что лужицкие издания на немецком языке по количеству, кажется, в этот период уже начинают превышать издания на лужицких языках, особенно когда к изучению лужицких языков со второй половины XVIII в. все активнее начинают подключаться немецкие просветители, постепен-

но формировавшие немецкую славистику. С 1782 г., например, в Будишине на немецком языке стали выходить "Будишинские еженедельные известия". Еще раньше, с 1768 г., в Сгорельце стал выходить на немецком языке "Луицкий журнал"²⁷, в котором ведущую роль играли немцы, но который в целом явился, пожалуй, наиболее плодотворным звеном в разнообразном немецко-луицком научном и творческом сотрудничестве в эпоху Просвещения. В равной степени это относится и к образованному в 1779 г. в Сгорельце **Верхнелуицкому научному обществу**, постоянным секретарем которого стал немец **Карл Готлоб фон Антон** (1751–1818). Сгорельц (Гёрлиц) становился, таким образом, вторым крупнейшим центром серболуицкого Просвещения.

Упомянем здесь лишь самые яркие фигуры. Немец **Кристиан Кнауце** (1706–1784) родился и окончил гимназию в Сгорельце, затем изучал филологию и историю в Липске, с 1732 г. и до конца жизни жил в Сгорельце и вблизи от него. Он хорошо знал оба луицких языка и диалекты и вошел в историю луицкой культуры целым рядом важных трудов: "Основы религии и религиозных учений древних лужичан" (1754), "Подробная история церкви в Верхней Луице" (1767, переиздана Р. Олешем в 1980 г.), "О названиях (именах), которые древние лужичане давали местностям в Верхней и Нижней Луицах" (1768). К. Кнауце всю жизнь собирал материалы исторического, этнографического, словарно-лингвистического, историографического и библиографического характера. Далеко не все из собранного им было опубликовано при жизни²⁸.

Не менее плодотворной была и деятельность К. Г. Антона, разностороннего ученого, друга чеха Йозефа Добровского, немца И. Г. Гердера²⁹, лужичанина Яна Горчанского и многих других. Р. Енч писал, что Антон был "космополитом и масоном"³⁰, но ничего больше об этой стороне его деятельности не сообщил. Но как бы там ни было, в работу Верхнелуицкого научного общества были вовлечены такие крупнейшие ученые, как И. Г. Фихте, А. Гумбольдт, Я. Гримм, а также многие лужичане, изучавшие и пропагандировавшие самобытную культуру луицких сербов и борющиеся против ее онемечивания, за плодотворное развитие германско-славянских культурных взаимосвязей. Своим объемным трудом "Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян" (т. 1 1783; т. 2, 1789) К. Г. Антон заложил солидный фундамент немецкой славистики, сохраняющий свое значение вплоть до наших дней³¹. Издававшиеся Верхнелуицким научным обществом журналы и книги были важным катализатором развития луицкой общественной и научной мысли и вообще немецко-славянских научных и культурных взаимосвязей. К. Г. Ан-

тон, много занимаясь немецкой историей, издал немало трудов по истории, этнографии, аграрной истории лужичан, интересовался их языком, диалектами, литературой, фольклором. Целый ряд работ был создан им совместно с коллегами-лужичанами и немцами: вместе с **Яном Бедрихом Фрице** (1747–1819) он участвовал в составлении Нижнелужицкого словаря; он же сохранил и ввел в научный оборот нижнелужицкие солдатские песни, записанные саксонским лейтенантом **Генрихом фон Бюнау** (1750–1817).

Особенно плодотворным оказалось сотрудничество с одним из крупнейших верхнелужицких просветителей второй половины XVIII в. **Яном Горчанским** (1722–1799), тоже членом-учредителем Верхнелужицкого научного общества. Ян Горчанский жил и работал в Сгорельце с 1759 г., он регулярно переписывался и общался с К. Г. Антоном, Й. Добровским и многое сделал для реального сопротивления процессам германизации и для распространения образования среди лужицких крестьян. Еще будучи студентом Виттенбергского университета, он занимался переводами на верхнелужицкий язык религиозных и светских песен, которые были изданы в 1746 г. покровительствовавшим ему церковным писателем **Матеем Шолтой** (1691–1773). Горчанский постоянно писал стихи также на немецком языке, оставив около 600 текстов религиозного и светского содержания³². В просветительских симпатиях и устремлениях Я. Горчанского невозможно сомневаться: он кропотливо переводил на лужицкий язык "Опыт о человеке" Александра Попа, и следы воздействия просветительских идей А. Попа отчетливо чувствуются в его книге "Размышления верхнелужицкого серба о судьбе своего народа...", анонимно опубликованной в 1782 г. на немецком языке и ставшей на многие годы своего рода идейным манифестом для целой плеяды "будителей" национального Возрождения. Смело и непредвзято Горчанский доказывает здесь идею равенства всех народов, утверждает права любого народа – независимо от того, большой он или маленький, сильный или слабый, – отстаивать свою самобытность, свою традиционную национальную культуру, свой язык и свои обычаи. Особо он заостряет внимание на проблемах национального языка, ибо принудительное онемечивание очевиднее всего достигало своих целей через язык: как только лужичанин переставал говорить полужички, забывал родной язык, он словно бы автоматически отрывался и от своих национальных корней, переходя в другую систему культуры, диктуемую другим языком и другим миром отношений. "Лужицкий язык имеет лишь один недостаток: на нем говорит маленький народ. Если же взглянуть на это с другой точки зрения, то это ему не в упрек, потому что многие и великие народы

этот язык хорошо понимают, так как он схож с их языками. Русские, чехи, моравы, словене и другие быстро сходятся с лужичанами и легко учатся понимать друг друга". В 1782–1783 гг. в журнале "Lausitzer Provinzial-Blätter", ("Лужицкие провинциальные известия") Горчанский уже под своим именем публикует статью "О нравах и обычаях лужицкого народа", которую начинает весьма знаменательно: "Признаюсь сразу: я серболужичанин и не стыжусь своего происхождения..." Любопытен убийственный по своей ясной просветительской логике аргумент, который он выдвигает против характерного во все времена обывательского сознания: "Но этот маленький народец – стоит ли он того, чтобы интересоваться его нравами и обычаями? Вопрос, который меня прямо-таки ошарашивает. Ведь вы же читаете описания путешествий, чтобы узнать о форме правления, образе жизни, религии, занятиях и, особенно, о нравах и обычаях чужих и далеко расположенных от вас народов, до которых вам, по сути, нет никакого дела; и в то же время вы хотите остаться чужаками в глазах народа, который повсюду рассеян между вами, подчиняется тем же правителям и с которым вы постоянно вступаете в контакты?.." Такое смелое и гордое обращение к немцам (и на немецком языке) стало возможным лишь в эпоху зрелого Просвещения. Если раньше подобного рода вещи встречались, то лишь в отдельных латинских трактатах, которые никак не задевали широкую общественность. Помимо названных работ Я. Горчанскому принадлежит целый ряд конкретных исследований историографического, этнографического и лингвистического характера, опубликованных в немецких журналах в 1790-е годы. Он сумел также собрать и опубликовать некоторые лужицкие песни, которые впоследствии вошли в знаменитое собрание А. Смолера и Л. Хаупта.

Выступал в немецкой печати и лужичанин **Самуэль Богувер Поних** (1748–1798), вступивший в Сербское проповедническое общество в 1783 г.; в 1797 г., например, "Лаузицер Монатсшрифт" ("Лужицкий ежемесячник") опубликовал его труд "Реликвии полевых, лесных, водяных и домашних божеств у лужичан".

Но уже в период до Французской буржуазной революции 1789–1794 гг. из среды серболужицкой интеллигенции выдвигались ученые-просветители, связывавшие свою деятельность с радикальной критикой существовавших порядков, явно не соответствовавших требованиям Разума. Наибольшей известности из них достиг **Натанаэль Богумер Леска** (1751–1786), выпускник пиетистской сиротской школы в Галле. С 1769 г. он жил в Лейпциге, изучая медицину, физику, философию, древние языки, аграрную науку и многие другие предметы. Защитив диссертацию по философии, он в те-

чение ряда лет был профессором естественной истории, а затем экономических наук в Лейпциге. Он установил близкие контакты с немецким революционером **Георгом Форстером** (1754–1794); в ряде своих трудов Леска заметно переступает границы умеренно-демократического лужицкого Просвещения, что вызывало недовольство и критику – как со стороны К. Г. Антона, так и со стороны светских и церковных властей. Для истории литературы наибольшее значение сохраняет его обширная научно-публицистическая книга "Путешествие по Саксонии, с учетом естественной истории и экономики" (1785), в которой он с просветительски-критических позиций описывает свою поездку по Верхней Лужице в 1782 г., перемежая непосредственные впечатления сведениями о природе, истории, земледелии и ремеслах, социальному положению крестьянства и культуре народного быта. Эта книга, написанная без характерного для эпохи сентиментального налета, является достойным вкладом лужичан в модный тогда жанр "путешествий" – включая и "Путешествие из Петербурга в Москву" А. Радищева, который, кстати, при своей уникальной начитанности в немецкой литературе, не мог упустить возможность прочитать и книгу Лески. Из прочих трудов Н. Б. Лески стоит упомянуть "Основания естественной истории" (Лейпциг, 1779) и целый ряд статей по улучшению сельского хозяйства и жизни лужицкого крестьянства.

Просветительское движение в Верхней Лужице, получая заметные импульсы из Лейпцига, Виттенберга и Галле и из других мест, где учились лужицкие студенты, постепенно активизировалось и в самой Лужице, где эти студенты, как правило, затем жили и работали, поддерживая между собой дружеские и творческие контакты. Помимо Верхнелужицкого научного общества в Сгорельце можно отметить еще и так называемый Мужаковский (Мускауский) круг просветителей, к числу которых Р. Енч причисляет, например, Н. Б. Леску, а также **Яна Юрия Фогеля** (1739–1826), **Яна Богумила Юнгхенеля** (1753–1809), **Андреаса Тамма** (1767–1795), опубликовавшего статью о крепостном праве в Сербской Лужице, и некоторых других, в том числе и немцев³³. Все больше различных изданий на немецком языке начинало выходить в Сербской Лужице. 1790 г. здесь была предпринята попытка издания общественно-политического журнала на верхнелужицком языке. Инициаторами издания журнала "Ежемесячник для поучения и утешения" ("Měsačne pismo k rozwišćenju a wokřewjenju") были **Корля Богухвал Шерах** (1764–1836), выпускник Виттенбергского университета, сын знаменитого ученого-пчеловода, и **Ян Август Янка** (1764–1833), член Сербского проповеднического общества в Лейпциге. Первый номер вышел в августе 1790 г. Хотя авторы старались не

касаться напрямую вопросов политики, журнал сразу же была запрещен саксонским правительством, которое опасалось, что "лужичане по примеру французов начнут выступать против своих господ"³⁴. Лужичан активно поддержал немец **Карл Август Бёттигер** (1760–1835), директор гимназии в Будишине, переехавший затем по приглашению И. Г. Гердера в Веймар, где он в 1791–1804 гг. нередко консультировал Гердера и Гёте по лужицкой и славянской проблематике³⁵.

Запрет будишинского журнала был, конечно же, и выражением неравноправного и угнетенного положения лужицкого народа и его интеллигенции в Германии³⁶. Вплоть до XIX в. лужичане больше и не предпринимали попыток издавать газеты или журналы на родном языке, в то время как на немецком языке Верхнелужицкое научное общество в Сгорельце выпускало до 1808 г. четыре регулярных журнала. И это тоже было одним из способов заставить лужичан писать, говорить и думать по-немецки. И все же общий дух и смысл идей Просвещения, активно работавших в том числе и на пробуждение национального самосознания, нельзя было заглушить никакими запретами. В этой связи уместно упомянуть о небольшом по объему, но важном в данном контексте творчестве **Гандрия Рушки** (1755–1810), который в 1778 г. возглавил Сербское проповедническое общество и в следующем году написал два стихотворения на лужицком языке: свадебную песню и прощальное стихотворение, посвященное Яну Бедриху Мичке; это последнее сразу же было переведено и издано по-польски преподавателем польского языка в Лейпцигском университете **Станиславом Можченским-Належем** (1731–1790) и является первым изданным переводом верхнелужицкого литературного текста на польский язык³⁷. Но основную ценность этого стихотворения современный лужицкий литературовед З. Брезан видит в новых идейно-художественных акцентах в лужицкой литературе этого периода: в отличие от Я. Горчанского и Ю. Меня, для которых акцент стоял на общепросветительской идее равенства всех людей и народов (в смысле: "Я – лужичанин, то есть точно такой же человек, как и все другие люди"), Г. Рушка патетически подчеркивает то, что он лужичанин и никто другой. Эту избыточную патетику З. Брезан связывает с литературным течением "Буря и натиск" в Германии (особенно в кружке "Гёттигенская роща"), которое переживало свой высший пик в 1770-е годы³⁸. Судьба Гандрия Рушки дальше сложилась своеобразно: благодаря посредничеству весьма известного "свободного каменщика", лужичанина **Гандрия Ничи** (1731–1795), он получил место домашнего учителя в России, уехал из Лужицы в 1780 г., и вплоть до самой смерти в 1810 г. уже не покидал пределы

пределы России. Целое тридцатилетие его жизни и деятельности в России до сих пор еще практически не изучено.

На заключительном этапе Просвещения в Верхней Лужице особую значимость приобрела активная журналистская деятельность **Яна Богухвала Дейки** (1779–1853), развернувшаяся уже в эпоху наполеоновских войн и национально-патриотического подъема в Германии 1807–1813 гг. Южнонемецкие государства — и прежде всего самые крупные: Вюртемберг, Бавария и Саксония — пошли на союз с Наполеоном. Пруссия оказалась в относительной изоляции и практически попала под зависимость Наполеона; в 1807 г. по Тильзитскому договору 95 процентов лужичан стали подданными королевства Саксония³⁹. Я. Б. Дейка, неутомимый и талантливый самоучка, объездивший в 1800–1807 гг. в качестве странствующего столяра и плотника многие страны Европы и ставший приверженцем просветительских идей Французской революции, видел в Наполеоне наследника идей этой революции (ведь Наполеон в эти годы упразднял крепостное право в Германии и устроил, например, равноправие евреев с немцами, что, в частности, открыло Г. Гейне, выходцу еврейского гетто, дорогу в университет), надеялся на то, что Наполеон введет и равноправие серболужичан с немцами. Необходимо подчеркнуть, что усилившиеся в 1790-х годах крестьянские волнения в обеих Лужицах тоже постоянно наводили на мысли о необходимости перемен.

Я. Б. Дейка начал свою литературную деятельность в Будишине с издания на свои средства собственноручно сочиненных "летучих листов" на немецком и верхнелужицком языках, в том числе рифмованных уличных городских баллад в жанре достаточно еще модного тогда "бэнкельзанга"; в числе опубликованных и сочиненных им "листов" была и "баллада" о "прибытии Наполеона Великого в Будишин". Дейка сам же и продавал свои издания и после очевидных коммерческих успехов (за первую "листовку" тиражом в 1200 экземпляров он выручил 30 талеров⁴⁰) решил всерьез заняться издательским делом. В 1808 г. он взялся редактировать еженедельник "Дер аллергнэдихст привилигирте Эксисше постильон" в Любие (Лёбау), а с января 1809 г. стал издавать на верхнелужицком языке ежемесячник "Serbski powědar a kurěr" ("Лужицкий рассказчик и курьер"), который выходил до апреля 1812 г. с ежегодно несколько изменявшимися названиями. В первом номере он поместил программное объявление о целях и задачах газеты: он обещал сообщать в каждом номере о важнейших политических событиях в Европе, отводить место социальным и хозяйственным вопросам. "Мое намерение состоит в том, чтобы просвещение дошло и до лужичан, как и до всех других людей...

Я хочу искоренить из ваших голов предубеждение: ах, у нас нет времени читать, да и какое нам дело здесь до всех этих новостей..." Дейка заботился о живости языка, широко используя разговорные обороты, помещая тексты фельетонного характера или бытовые нравоучительные рассказы. Но с 1812 г. Наполеон стал ужесточать цензуру, и под эту кампанию саксонские власти прикрыли издание газеты.

Как талантливый журналист Я. Б. Дейка не остался без работы: в 1808–1831 гг. он редактировал уже упомянутый "Зэксише постильон", а в 1823–1837 гг. к тому же был и редактором выходившего в Будишине журнала "Оберлаузицер ландботе". Параллельно он писал и журналистские и литературные тексты на лужицком языке, успев еще побыть и активным членом Матицы серболужицкой, основанной в 1847 г. В историю серболужицкой культуры он вошел как журналист-просветитель, активно содействовавший пробуждению национального самосознания, основоположник национально-патриотической общественно-политической прессы и журналистики в Верхней Лужице.

Разумеется, мы смогли прочертить здесь лишь некоторые основные контуры распространения просветительского движения в Верхней Лужице и его отражения в историко-литературном процессе до окончания наполеоновских войн. Практически не рассматривалось особо развитие собственно религиозной литературы на лужицких языках, которой в количественном отношении в этот период было больше и в рамках которой тоже проходила кропотливая и достаточно плодотворная работа – по крайней мере в отношении упорядочения, обогащения и совершенствования обоих лужицких языков. И все же необходимо упомянуть еще нескольких поэтов и писателей, творчество которых хронологически или типологически лучше укладывается в рассматриваемый период.

В первую очередь сюда относится **Михал Гильбенц** (1758–1816), от которого сохранилось всего три печатных текста, причем два стихотворных. Особое значение имеет ода "Памяти выдающихся лужицких учителей" (1782), содержание которой в основных чертах напоминает поэму Ю. Меня "Лужицкого языка возможности и восхваление в поэтической песне". Но стихотворение Гильбенца выполнено в жанре сапфической оды, легче и более живо читается, чем гексаметры Ю. Меня, и уже тем самым дополняет общую картину попыток лужицких литераторов второй половины XVIII в. ввести в светскую лужицкую поэзию различные формы и жанры. То же можно сказать и о поэтическом творчестве **Рудольфа Меня**, уже упоминавшегося в связи с изданиями произведений своего отца, Ю. Меня. От Р. Меня сохранились три больших стихотворения:

"Жатва" (21 строфа), "Крестины" (26 строф), "Похвала крестьянству" (27 строф). Можно лишь гадать, когда были написаны эти стихотворения, но впервые "опубликованы" они были в рукописном журнале Гандрия Зейлера "Сербские новости" ("Serbska Nowina", 1827); позднее, в 1843 г., они были выпущены отдельным изданием. По-видимому, Р. Мень написал эти стихи значительно раньше, и Г. Зейлер лишь спас их от забвения. По живости слога и простоте описания народной жизни, по тональности звучания Р. Мень является прямым предшественником Гандрия Зейлера (1804–1872), крупнейшего верхнелужицкого поэта-романтика⁴¹. Сохранились и еще некоторые стихотворения Р. Менья, а кроме того записанные им в 1806 г. песни нижнелужицких солдат, служивших в саксонской армии⁴². В любом случае деятельность и творчество Р. Менья оказались важным связующим звеном в передаче жизненного и творческого опыта старшего поколения лужицких просветителей поколению "будителей", вошедшему в верхнелужицкую культуру вместе с Гандрием Любенским (1790–1840) в разгар наполеоновских войн.

Развитие светского направления в литературе Нижней Лужицы происходило в этот период гораздо медленнее. Но все же и здесь есть имена, которые нельзя не упомянуть. Брат известного ученого-лингвиста Яна Бедриха Фрицо (1747–1819), составившего нижнелужицкий словарь и грамматику и переведшего на нижнелужицкий язык Ветхий Завет, Помгайбог Кристалюб Фрицо (1744–1815) с 1771 г. был архидьяконом лужицкой монастырской церкви в Хочебузе и сумел опубликовать немало трудов не только религиозного, но и светского содержания. Для истории лужицкой литературы сохранились его эпиграммы и отдельные стихотворения. Наиболее оригинальным вкладом в нижнелужицкую литературу начала XIX века стало прозаическое творчество крестьянина Ханзо Непилы (ок. 1761–1856), окончившего всего лишь деревенскую школу, но испытывавшего непреодолимую тягу к творчеству. Свои произведения, которые посмертно составили тридцать объемистых связок, он – с помощью использования различных шрифтов – разделил на два направления: в одних описывал свою повседневную крестьянскую жизнь, другие же представляли собой "наивно-космологически окрашенные религиозные созерцания"⁴³. После смерти Х. Непилы все эти рукописи были захоронены вместе с их создателем (крестьяне, видимо, просто не знали, что с ними делать). Когда же их извлекли, то оказалось, что сохранились для чтения только пять связок, выдержки из которых стали публиковаться лишь с 1896 г. Сегодня уже очевидно, что Х. Непила был оригинальным и талантливым народным писателем; его описания

деревенских сюжетов и событий наглядны, образны и аутентичны; они являются бесценным свидетельством повседневной жизни лужицкой деревни конца XVIII – начала XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В единственной пока на русском языке истории серболужицкой литературы начало Просвещения в обеих Лужицах относится по крайней мере к концу XVII в.: "М. Френцель, и Я. Фабрициус, и Я. Б. Фриц, и другие их современники-просветители..." (Моторный В. А., Трофимович К. К. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987. С. 25.). Но те же авторы в другом издании утверждают нечто иное: "С приходом в Лужицу в конце XVIII в. идей Просвещения начался новый этап в развитии серболужицкой литературы и культуры..." (История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 527). Эти два высказывания наглядно конденсируют в себе противоречивый спектр мнений по данному вопросу.

2. Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1954. Dz. 1. Str. 68.

3. Geschichte der Sorben. Bd. 1. Von den Anfängen bis 1789. Bautzen, 1977. S. 307.

4. Jenč R. Abraham Frenzel // Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. Dz. 1. Str. 77–82. Там же и библиография "Френцелианы" (с. 77).

5. Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. 2-е издание, переработанное. Минск, 1989. С. 328.

6. Г. Э. Лессинг родился в Каменце в Нижней Лужице. И. Срезневский с уверенностью пишет о лужицком происхождении Лессинга ("Лесник"); Срезневский И. И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы // Lëttopis. Reine A. N 30/2. Bautzen, 1985. S. 204. Немецкие биографы Лессинга этот факт, как правило, не упоминают.

7. Семиряга М. И. Лужичане. М.-Л., 1955. С. 150.

8. Frenzel A. Der heutigen Wenden Heyraths- und Hochzeit-Gebräuche // Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch. Hrsg. von K. Lorenz. Leipzig, 1981. S. 44–45.

9. См. прим. 4. С. 80.

10. Mětskowa L. Abraham Frenzel // Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984. Str. 141.

11. Цит. по: Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. Dz. 1. Str. 82. Понятие "панславизм", видимо, в данном контексте означает лишь то, что в круг интересов А. Френцеля входили общеславянские проблемы, и серболужицкую проблематику он всегда стремился рассматривать в общеславянском контексте – так, как этот контекст ему представлялся на рубеже XVII–XVIII вв.

12. Подборка "Стихотворения семейства Френцелей 1684–1701 гг." на верхне-лужицком языке опубликована Х. Шустером-Шевцем: Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16–18. Jahrhundert. Budyšin, 1967. S. 128–135. В примечаниях он сообщает, что оригиналы публикуемых им (а также других – на латинском и немецком языках) стихотворений находятся в библиотеке им. Кристиана Вейзе в Циттау. До Шустера-Шевца стихотворения Френцелей опубликовал А. Мука в первом выпуске "Френцелианы" (1880).

13. Два отрывка из нее см.: Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa wot zachopenja až na čas kněstwa fašisma w Nemskej. Zběral, zestajał a literarhistoriski wobželal dr. Frido Metschk. Budyšin, 1982. Str. 78.

14. Выборочно, но все же достаточно представительно этот очерк Я. Б. Рихтара опубликовал К. Лопенц: *Serbska čitanka*. Str. 49–55.

15. Měťšk F. Jan Boguměr Rychtar // *Nowy biografiski słownik...* Str. 489; Měťšk F. (A. Mietzschke). Johannes Gottfried Ohnefalsch-Richter (Aus dem Leben und Werken eines Niederlausitzer Gelehrten im 18. Jahrhundert) // *"Zeitschrift für slawische Philologie"*. XIX. Jg. 1942. S. 338–355.

16. Ф. Метшк опубликовал 2 стихотворения Я. Б. Рихтара из "Собрания сообщений о Котбусе", но какой-либо комментарий к ним пока отсутствует, см.: *Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa...* Str. 81.

17. Jen Ć R. Stawizny... Str. 84–85. Но тексты этих стихотворений, по-видимому, утрачены или пока не разысканы.

18. Schirach A. G. Schutzschrift für die alten Slawen und Wenden, in welcher sie wegen der ihnen Schuld gegebenen Treulosigkeit vertheidigt werden // *Arbeiten einer vereinigten Gesellschaft in der Oberlausitz zu den Geschichten und der Gelahrtheit...* Fünften Bandes drittes Stuck. Leipzig und Lauban. 1755. Сокращенный К. Лопенцем текст см.: *Serbska čitanka*. Str. 62–67.

19. Поскольку Брокес у нас практически не переводился, приведем небольшой, но характерный отрывок:

...Все ожило вокруг
От юной мошкы, пронырливой и быстрой,
Что сырость и жара плодит несчетно вдруг, –
Отраднѣ наблюдать за их игрой цветистой:
Вот словно делится на армии народец,
Полки сомкнулись, устремившись в бой,
Вот снова мирно все, и в пляске круговой
Жужжит и кружится веселый хороводец.
(*"Тишина после сильной грозы"*)

20. Отдельные главы см.: *Serbska čitanka*. Str. 58–62.

21. История немецкой литературы в трех томах. Т. I. М., 1985. С. 255.

22. Для потомства сохранился по крайней мере перевод Яна Венцеля (1737–1801), сделанный к празднованию пятидесятилетия Сербского проповеднического общества в 1766 г.

23. О датировке этого памятника см.: Šén Fr. Jubilejne lěto abo Hdy nasta Rěčerski kěrľuš // *"Rozhlad"*. Budyšin, 1985. N 9. Str. 266–271.

24. *Serbska čitanka*. Str. 85.

25. Völkel M. Serbske nowyny a časopisy w zašłosći a w přitomnosći. Budyšin, 1984. Str. 8–9.

26. Теж там. Str. 9. Каких-либо иных сведений об этом Френцеле обнаружить пока не удалось.

27. Полное немецкое название: *"Lausitzisches Magazin oder Sammlung verschiedener Abhandlungen und nachrichten zum Behuf der Natur-, Kunst-, Welt- und Vaterlandsgeschichte, der Sitten und der schönen Wissenschaften."* Под разными названиями журнал выходил до 1808 г.

28. В частности, Р. Олеш издал рукопись: *"Annales Typographici Lusatie Superio-
ris oder Geschichte der Oberlausitzischen Buchdruckereien"*. Köln-Wien, 1980.

29. Например, И. Г. Гердер с благодарностью ссылается на К. Г. Антона, см.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 470–472 (глава "Славянские народы").

30. Jen Ć R. Stawizny... Str. 107.

31. См., например, предисловие одного из крупнейших лужицких ученых П. Недо к переизданию этого труда: Anton R. G. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnlisse. Bautzen, 1976. S. 7–35.

32. Jenč R. Stawizny... Str. 108.

33. Jenč R. Mužakowski kruh rozswětlerjow // Jenč R. Stawizny... Str. 89–93.

34. Kubašec M. Jan Awgust Janka // Nowy biografiski słownik... Str. 226.

35. Šolta M. Karl August Böttiger // Nowy biografiski słownik... Str. 68.

36. См. подробнее: Völkel M. Serbskeje nowiny a časopisy... Str. 10–11.

37. См. библиографию в статьях: Leszczyński R. Stanisław Moszczeński – Nalecz // Nowy biografiski słownik... Str. 395; Kubašec M. Handrij Ruška // Tež tam. Str. 487.

38. Brězan S. Einige Gedanken zur literarischen Forschungsproblematik: Deutsche Aufklärung – sorbische nationale Wiedergeburt // Lětopis. Rjad D. – Kultura a wuměłstwo. Čo. 1, 1986. Budyšin. Str. 90–91.

39. Моторный В. А., Трофимович К. К. Серболужицкая литература. С. 37–38.

40. Völkel M. Serbske nowiny a casopisy... Str. 12.

41. Šěn F. Rudolf Mjeń // Nowy biografiski słownik... Str. 383–384. В библиографии указываются также посмертно опубликованные воспоминания Р. Меня "Из моей жизни. Правда, не поэзия" (1842), которые, судя по названию, как-то полемически направлены против "Поэзии и правды" Гёте.

42. Jenč R. Stawizny... Str. 142–143.

43. Serbska čitanka. Str. 93.

ЭПОХА РОМАНТИЗМА

Развитие романтического течения в серболужицкой литературе представляет собой длительный процесс, в котором обнаруживаются общие закономерности, характерные для европейских литератур в целом, но и очень многие специфические черты, связанные с особой исторической и культурной ситуацией в Сербской Лужице. Начнем с истории. В начале XIX в. Сербская Лужица дважды оказалась в эпицентре геополитических "игр", существенно изменявших ее государственную принадлежность и ломавших исторически сложившиеся традиции и связи. Желая ослабить Пруссию и создать ей сильный противовес в самой Германии, Наполеон после победы под Йеной и Ауэрштедтом сделал ставку на Саксонию, возведя саксонского курфюрста в ранг короля и передав ему уже в 1806 г. практически всю Нижнюю Лужицу. 95 процентов лужичан проживали теперь на территории саксонского королевства. Объединение обеих Лужиц в рамках одного государства внушало естественный оптимизм и надежду на преодоление многовековой разобщенности. Этот начальный оптимизм ярче всего, пожалуй, выразил Ян Богухвал Дейка (1779–1853) в своих "Двух совершенно новых песнях на прибытие Наполеона Великого в Баутцен", отпечатанных им в виде листовок в 1807 г., когда Наполеон проезжал через Будишин (Баутцен) после заключения Тильзитского мира:

Един наш лужицкий народ,
И солнце новое взойдет
В саксонском королевстве.
Мы, венды, славим в меру сил
Того, кто нас объединил...

Я. Б. Дейка, объездивший к 1807 г. почти всю Европу, в это время еще склонен был романтизировать Наполеона, видеть в нем освободителя от феодального и национального гнета. Но реальная ситуация отнюдь не подтверждала оптимистические прогнозы Дейки. Дальше отдельных улучшений в системе образования саксонские власти не пошли – участие в наполеоновской коалиции требовало жертв: увеличивались поборы, рекрутировались солдаты для будущих войн. Еще меньше энтузиазма это объединение "сверху" могло вызвать в Нижней Лужице, потому что, изолируя вслед за Англией и Пруссию, Наполеон отрывал округ Хочебуз

(Котбус) от традиционных торговых и промышленных контактов с Пруссией, в результате чего в Хочебузе уже в 1808 г. началась безработица, нужда и волнения среди ремесленников и поденных рабочих¹.

Саксонское королевство сохраняло верность Наполеону до 1813 г. Лужичане гибли в эти годы в войне с Австрией и во время похода Наполеона в Россию. Наивные иллюзии Дейки быстро улетучились, и уже в 1809 г. в одной из статей его газеты "Поведар а курер" можно вычитать, что во французско-испанской войне он сочувствует не Наполеону, а борющимся против него испанцам. Антинаполеоновские и антифранцузские настроения проявились в обеих Лужицах, но активнее они, естественно, проявились в Нижней Лужице, сохранившей все же связи с Пруссией, где с 1809 г. все громче заявляло о себе антинаполеоновское народно-освободительное движение.

Таким образом, объединение обеих Лужиц в границах саксонского королевства не было в тот период шагом к подлинному единству уже потому, что совершено было "сверху", европейскими геополитиками, но никак не было актом свободного волеизъявления немцев и лужичан, проживавших на присоединенных к Саксонии территориях. Тем более, что Пруссия в эти годы являлась оплотом и организатором национально-патриотического подъема против иноземных захватчиков, а Саксония волей-неволей оказывалась проводницей антинациональных интересов французских оккупантов. Уже в 1810 г. Дейка жалуется на ужесточающуюся цензуру, еще видя в Наполеоне противника цензуры, но в 1812 г. цензура ужесточилась и в самой Франции, что дало повод саксонским правителям позаботиться об окончательном закрытии единственной газеты на верхнелужицком языке. Таким образом, определенные симпатии к Пруссии могли в этот период вынашивать и некоторые патриоты из Верхней Лужицы, испытывавшие на себе двойной гнет. Поэтому вовсе не удивительно, что, когда весной 1813 г. бургомистр и ландрат Хочебуза на свой страх и риск объявили набор добровольцев в антинаполеоновские повстанческие отряды, то не только нашлись добровольцы и были собраны денежные пожертвования в Нижней Лужице², но и патриоты из Верхней Лужицы иногда примыкали к этим добровольческим отрядам.

Национально-патриотические настроения этого периода в определенной степени нашли свое выражение в творчестве крупнейшего нижнелужицкого писателя первой половины XIX в. **Дабита Богувера Глована** (1788–1865), чьи многочисленные издания, пользовавшиеся широким спросом у лужицкого населения, способствовали сохранению нижнелужицкого языка, когда само его суще-

ствование и развитие находились под серьезной угрозой. В среде протестантских священников в эти годы шли серьезные споры между "ригористами" и "модератами", причем обе группы исходили из единой и очевидной для них посылки: в целях единства протестантской религии и немецкой нации лужицкий язык должен быть устранен из церкви и из школы, то есть должен прекратить свое существование. Разногласия – на практике довольно существенные и непримиримые – состояли лишь в тактике: нужно ли ускорять этот процесс отмирания лужицкого языка с помощью административных мер и запретов, на чем настаивали "ригористы", или же не форсировать разрешение этого вопроса, пустить его, так сказать, на самотек, ограничивая лишь активные попытки пропаганды и дальнейшего распространения лужицкого языка, к чему склонялись "модераты". По сути дела это было продолжение политики онемечивания, которая проводилась всегда, но до открытой идеологической схватки в прессе дело дошло лишь в после наполеоновский период, особенно в 1820-е годы³.

Д. Б. Глован, в юности отчасти разделявший позиции "ригористов", стал уже в 17 лет учителем и в процессе практического преподавания быстро понял антигуманность насильственного отлучения людей от их родного языка. Более того, много путешествуя по Лужице, он постепенно все более проникался и красотой родного языка, слушая народные песни и деревенскую речь. Окрыленный поддержкой протестантского священника и писателя Яна Зигмунда Бедриха Шиндлера (1758–1841), остававшегося в этот период одним из немногих (и то не всегда последовательным) сторонником сохранения родного языка в среде нижнелужицких протестантских священников, Глован уже в 1806 г. издает "Сербскую певческую книгу", в которую помещает как уже известные, так и свои собственные тексты (второе издание в 1816 г.). В 1806–1807 гг. он пишет целую поэму, "в которой описана вся прусская война"; книга была издана в 1809 г. в Хочебузе тиражом в 5000 экземпляров и принесла Гловану достаточно широкую популярность в Нижней Лужице. Франко-прусская война 1805 г. изображается здесь с позиций немецкого патриота, страдающего от иноземных поработителей. Следует напомнить, что немецкое национально-патриотическое сознание в начале XIX в. постепенно вырабатывалось в философии (Ф. Шлегель, И. Г. Фихте), публицистике (Э. М. Арндт), драматургии (Г. фон Клейст); взлет национально-патриотической окрашенной поэзии начался лишь с 1813 г. в творчестве Т. Кёрнера, Э. М. Арндта, М. фон Шенкендорфа и Л. Уланда. Глован со своей поэмой попадает тем самым в ряды зачинателей национально-патриотической темы в немецкой поэзии XIX в. Очевидно, что

в годы национального антинаполеоновского подъема население Нижней Лужицы испытывало скорее симпатии к Пруссии, вступившей в борьбу с Наполеоном, чем к саксонскому королю, остававшемуся до конца верным вассалом Наполеона — иначе и трудно было бы объяснить популярность антинаполеоновской поэмы Глована, изданной на нижнелужицком языке.

Глован, хорошо знавший немецкий язык и литературу и создавший впоследствии на немецком языке добротную художественную прозу, не мог не знать о пробудившемся уже в Германии романтическом интересе к фольклору: в 1805—1808 гг. А. фон Арним и К. Брентано выпустили три тома "Волшебного рога мальчика" — самого знаменитого собрания немецких народных песен, не выдерживающего серьезной научной критики (отсюда резко негативные отзывы Ф. Шлегеля, Я. Гримма), но точно угодившего духу своего романтического времени (что сразу же понял Гёте). Глован тоже начинает записывать нижнелужицкие песни, из которых по крайней мере ткацкие песни были опубликованы в те же годы⁴. В духе романтической эпохи он не отделяет своего собственного творчества от народного и нередко публикует записанные и собственные стихотворения рядом. Следует отметить и еще одно творческое начинание Глована этих лет, тоже увенчавшееся успехом. Он отобрал из немецкой патриотической лирики популярные и уже широко известные песни, перевел их на нижнелужицкий язык и издал свою книжку в 1813 г., дав тем самым возможность лужицким ополченцам, петь известные песни, но уже на своем родном языке.

В 1815—1817 гг. Глован издал на нижнелужицком языке несколько сборников песен религиозного содержания, затем активно помогал Шиндлярю в подготовке издания полного текста Библии на нижнелужицком языке. Новый Завет был опубликован в 1821 г., Ветхий Завет — в 1824 г. Именно в эти годы особого накала достигла борьба между "ригористами" и "модератами": в 1821 г., например, после длительных споров и интриг даже авторитетный Шиндляр не смог доказать необходимость издания новой книги для чтения в лужицких школах с параллельным текстом на немецком и нижнелужицком языках. Влиятельные священники С. П. Корн и И. Х. Г. Больценталь (оба "ригористы"!) нашли убедительные для консистории доводы, чтобы отклонить это издание. И это — далеко не единичный случай⁵. Возможно, устав от этой изнуряющей борьбы, Глован принимает в 1825 г. предложение возглавить вновь образованную школу для ущербных и обездоленных детей в Берлине, где он и остается до конца жизни. В 1830 г. он выпускает на немецком языке книгу "Жизнь лужицких учителей Кристиана и

Давида Вованусов", представляющую собой художественно-педагогическую прозу, в которой лужицкие реалии и автобиографические мотивы пропущены сквозь вымышленных героев (фиктивны также и названия местностей и, видимо, многие ситуации), в результате чего достигается обобщенно смягченная картина реальности, которая, судя по документальным источникам, была все же гораздо плачевнее. Основной целью Глована в этой книге является не разоблачение этой пережитой и хорошо знакомой ему реальной действительности, а пробуждение гуманных чувств в душах своих потенциальных читателей. С 1820-х годов Глован активно сотрудничал с немецким педагогом-демократом **Ф. А. В. Дистервегом** (1790–1866), последователем идей И. Г. Песталоцци, и сам создал целый ряд педагогических трудов.

Но и в Берлине Глован не забывал о своей родине. В библиографии его книг с 1837 г. числятся по крайней мере семь книг – популярных трактатов религиозного характера – которые Глован подготовил на нижнелужицком и на верхнелужицком языках тиражом от трех до десяти тысяч экземпляров каждую⁶. Таким образом, он и словами и делом продолжал свою борьбу как с "ригористами", так и с "модератами".

При всем своем непреходящем значении для истории лужицкой литературы Глован был в начале XIX в. почти в полной литературной изоляции в Нижней Лужице. Как справедливо замечает Ф. Метшк, Глован "стал писать для нижнелужичан в то время, когда у них не было других писателей"⁷. Поэтому и какие-либо серьезные выводы относительно специфики нижнелужицкого романтизма, видимо, можно делать лишь со значительными оговорками, во всяком случае с большими, чем это сделал пока В. Потхоф в своей концептуальной статье "Романтизм в лужицкой литературе между славянским возрождением и классицизмом"⁸. Выводы Потхофа относительно специфики нижнелужицкого романтизма вытекают в основном из анализа творчества крупнейшего нижнелужицкого писателя **Кито Фрица Стемпеля** (1787–1867), хотя и являющегося по возрасту современником Глована, но все же опубликовавшего свою первую книгу (переводы идиллий Феокрита) лишь в 1854 г., когда романтизм как историко-литературное течение был в Сербской Лужице пройденным этапом и мог существовать уже только как традиция в творчестве отдельных писателей, связанных с его истоками (как, например, Г. Зейлер), или культивироваться в рамках идей национального возрождения для достижения определенных идеологических целей.

Гораздо сложнее и многояруснее развивались романтические тенденции в Верхней Лужице, которая после разгрома Наполеона и Венского конгресса (1815) почти целиком перешла во владение Пруссии. Окончательно было упразднено прежнее территориально-административное деление местностей, где традиционно жили лужичане. Теперь уже 80 процентов лужичан оказались прусскими подданными. В Саксонии осталась одна треть территории бывшей Верхней Лужицы, где проживали 50.000 лужичан. Но еще на десятилетия растянулась упорная борьба верхнелужицких сословий за сохранение местного самоуправления с его исторически сложившимися чертами⁹.

Из многих факторов, определивших специфику развития романтизма в Верхней Лужице, необходимо упомянуть хотя бы важнейшие: во-первых, это тесная связь с Просвещением (немецким и лужицким); во-вторых, воздействие католического (иозефинского) просвещения на лужицких романтиков-протестантов и, в-третьих, резкое расширение с 1820-х годов творческих и дружеских контактов с писателями и учеными из славянских стран, в союзе с которыми формулировались идеи славянской взаимности и национального возрождения.

Что касается Просвещения, то развитие его в Лужице шло от осознания лужичанами своей духовной равноценности с другими народами, для чего писатели должны были создать произведения соответствующего уровня на родном языке (что и стремился сделать Юрий Мень), к пониманию права своего народа на самобытность и самобытную культуру (Я. Горчанский, Г. Рушка). Идея самобытности, индивидуальной окрашенности каждого явления и уже тем самым его самоценности, как известно, — одна из центральных в романтизме, и, разрабатывая ее дальше, лужицкие романтики самым непосредственным образом продолжали работу своих предшественников. Чтобы идея самобытности и самоценности не оставалась декларацией, необходимо было вдохнуть в нее живое и богатое содержание, — то есть всесторонне знать природу, историю, этнографию, обычаи, традиции, быт, язык, устное и письменное творчество своего народа. Именно глубокий и стойкий интерес ко всем этим сторонам народной жизни позволил романтикам создать непреходящие культурные ценности, а универсализм и органическая комплексность их подходов, впоследствии утраченные позитивистской наукой и связанной с ней литературой, сделали романтическое наследие незаменимым вплоть до сегодняшних дней. Все сказанное в полной мере относится и к лужицким романтикам, чье творческое наследие, к сожалению, издано и изучено пока лишь только частично.

Что касается католического просвещения, то прежде всего необходимо подчеркнуть один парадоксальный момент. В то время как лужицкие протестантские "ригористы" и "модераты" ожесточенно спорили о "скорости" отмирания лужицкого языка, католическое руководство Серболужицкой семинарии в Праге не сомневалось в том, что будущим лужицким священникам для усиления своего авторитета и влияния среди населения необходимо знать лужицкий язык и чем глубже, тем лучше¹⁰. Просветительские идеи стали активнее проникать в Пражский университет после запрещения ордена иезуитов в 1773 г. Но еще с 1763 г. профессором "изящных наук" стал здесь немец Карл Генрих Зайбт, ученик Геллерта и Готшеда, который первым стал читать свои лекции не на латинском языке, а по-немецки. Его внимательными слушателями были лужичане **Франц Юрий Лок** (1751–1831), **Якуб Жур** (1754–1799), **Миклавш Якуб Фульк** (1754–1829), а также чех **Йозеф Добровский** (1753–1829), составившие своеобразный просветительский кружок в рамках Серболужицкой семинарии, где Й. Добровский приобрел свои первые познания в верхнелужицком языке. Возникшая в кружке дружба с годами окрепла, о чем свидетельствует не только сохранившаяся и опубликованная переписка Я. Жура и Ф. Ю. Лока с Й. Добровским в 1778–1797 гг.¹¹, но и постоянная в дальнейшем забота Ф. Ю. Лока, в 1801 г. ставшего епископом в Будишине, о своих друзьях, и особенно о Й. Добровском, которого он поддерживал и опекал всеми доступными ему средствами¹².

Просветительская деятельность Ф. Ю. Лока и его помощников развернулась по нескольким направлениям, в основе которых лежало разностороннее реформирование и модернизация школьного дела и образования: он содействовал открытию новых школ с изучением родного языка, заботился о совершенствовании учебников и методики преподавания, о подготовке и совершенствовании учительских кадров. Особое внимание до конца жизни Ф. Ю. Лок уделял Серболужицкой семинарии в Праге – в 1824 г., например, он добился, чтобы ее возглавил чех **Франтишек Пшихонский** (1788–1859)¹³, активный сторонник известного чешского философа **Бернарда Больцано** (1781–1848), наиболее яркого продолжателя идей "иозефинского просвещения", включавших в себя и веротерпимость к другим конфессиям. Важную роль в истории Серболужицкой семинарии сыграл чешский поэт-романтик и ученый **Вацлав Ганка** (1791–1861), который после смерти Й. Добровского тридцать лет преподавал здесь славистику, являясь в то же время проводником романтизма и идей славянской взаимности¹⁴. Заботясь о высоком уровне подготовки в Серболужицкой семинарии,

Ф. Ю. Лок решал вторую из своих задач: стремился наладить творческий контакт различных конфессий, а прежде всего католиков и протестантов, что было достижимо лишь с высокообразованными священниками, открытыми для восприятия новых научных идей и в то же время патриотов, для которых благо родного народа дороже конфессиональных различий. Сам Ф. Ю. Лок, например, активно поддерживал молодого протестанта Г. Зейлера, ставшего затем крупнейшим верхнелужицким романтиком, обеспечив ему учебу в Лейпцигском университете. С помощью Ф. Ю. Лока активнее налаживалось творческое общение славян и немцев, католиков и протестантов, поскольку он вел переписку и поддерживал дружеские контакты со многими из них.

Таков был общеисторический и культурный контекст, определявший некоторые специфические черты зарождения и развития романтизма в Верхней Лужице. Но реальное литературное развитие в 1810–1820-е годы было в наибольшей степени сконцентрировано в Лейпциге, где обучалось большинство лужицких студентов-протестантов, не только теологов, но и юристов, и философов. Наиболее подготовленные и литературно одаренные лужичане попадали в Лейпциг из будишинской гимназии, которую в 1804–1841 гг. возглавлял талантливый педагог **Карл Готфрид Зибелис** (1769–1863), блестящий знаток и переводчик античных авторов, составитель этимологического словаря древнегреческого языка (1833), всячески заботившийся не только о подготовке своих гимназистов, но и вообще о повышении уровня преподавания в лужицких школах. Срок обучения в гимназии составлял тогда девять лет. Одним из первых талантливых учеников Зибелиса был **Гандрий Любенский** (1790–1840), блестяще завершивший гимназический курс за семь лет и уже в 1812 г. принятый на теологический факультет Лейпцигского университета. В следующем году на юридический факультет поступил **Бедрих Адольф Клин** (1792–1855), тоже выпускник будишинской гимназии. Оба они составили ядро кружка лужицких студентов, в котором выкристаллизовывались предромантические и раннеромантические идеи национального возрождения.

Они начали с реформирования Сербского проповеднического общества в связи с его столетним юбилеем в 1816 г. Сербское проповедническое общество, в рамках которого во второй половине XVIII в. совершенно отчетливо сформировалось светское течение в литературе и были созданы наиболее яркие поэтические произведения лужицкого Просвещения (Ю. Мень, Ю. Рак, Г. Рушка), в начале XIX в. совершенно потеряло свое значение, утратив свою важнейшую историческую функцию, связанную с изучением и куль-

тивированием родного языка. Немцы, которые раньше принимались в Общество лишь в порядке исключения, стали приниматься в обычном порядке, и когда в 1809 г., видимо, по их предложению было принято название "Лужицкое проповедническое общество", то преобладающим признаком стала не национальность, а местность Лужица (Лаузиц), в которой проживали и немцы и лужицкие сербы. Любенский и Клин начали с того, что в 1814 г. образовали в рамках Лужицкого проповеднического общества национальное серболужицкое отделение, которое затем стало именоваться Сорабия¹⁵. Смысл этого шага состоял прежде всего в том, чтобы снова повернуть студентов-серболужичан к активному изучению родного языка, который, естественно, оставался без употребления и вытеснялся в иноязычной немецкой среде.

Любенский уже в гимназические годы обнаружил необычайную привязанность к родному языку, записывая народные песни и поговорки, собирая старолужицкие книги и конспектируя все источники, в которых речь шла о серболужицком языке и литературе¹⁶. Став председателем Сорабии, Любенский организовал в рамках Общества серболужицкую библиотеку и постоянно заботился о ее расширении. Эта библиотека, как и богатая личная библиотека Любенского, стали незаменимым источником для расширения знаний по серболужицкому языку и культуре не только для самих серболужичан, но также для зарубежных славистов и для немцев. В Сорабии возобновились регулярные занятия по изучению и совершенствованию родного языка, а также литературные упражнения. Любенский жил в Лейпциге до 1817 г., затем переехал в Будишин, где до конца жизни был священником, сохраняя творческую активность и поддерживая многочисленные научные и литературные контакты. Особую роль Любенского хорошо почувствовал еще И. И. Срезневский, приехавший в Сербскую Лужицу через несколько месяцев после смерти Любенского и купивший на аукционе в Будишине в сентябре 1840 г. несколько книг из его библиотеки¹⁷: "Любенский не может быть забыт и как поэт, занимая в числе сербо-лужицких поэтов одно из первых мест; он трудился над историей и этнографией своего народа, словом: указал собой пример, чем может и должен быть литератор сербо-лужицкий, и вся новая сербо-лужицкая литературная деятельность есть как бы продолжение его личной деятельности"¹⁸. Поскольку собственно литературное творчество Г. Любенского до наших дней осталось несобранным, неизданным и практически совершенно неизученным, то и до сих пор никем не дана дифференцированная оценка его художественного творчества. В то же время его центральное место как "будителя" лужицкого романтизма и вдохновителя

национального возрождения не вызывает сомнений и у современных ученых. Мы можем здесь лишь кратко систематизировать упоминаемые в различных источниках факты.

Как активный собиратель рукописных и печатных лужицких текстов и всего, что относилось к истории родного языка и народа, как поборник распространения образования, знаний и просвещения Любенский стремился использовать все доступные ему возможности для сохранения родного языка от вымирания. При необъятности самой этой задачи в то время, когда в протестантских кругах назойливо ставился вопрос об "ускоренном отмирании" лужицких языков, а прусские и саксонские власти активно содействовали всем акциям, направленным на это "отмирание", и, напротив, старались воспрепятствовать тому, что способствовало бы сохранению и развитию народного языка и культуры, становится совершенно понятным, почему многие из своих важных начинаний Любенский не смог (или даже не захотел) завершить лично, охотно передавая свои знания, материалы, разработки и заготовки в другие руки и не заботясь о своем авторстве и приоритете. Ему важно было лишь знать, что он передает свое дело в надежные руки, потому что задача национального возрождения одному человеку не под силу. Именно поэтому определение "будитель" (zbudźiciel), чаще всего употребляемое по отношению к Любенскому, является, пожалуй, и самым точным. Хорошо известно, например, что Любенский много лет работал над составлением грамматики верхнелужицкого языка, но затем передал свои материалы молодому Г. Зейлеру, и эта грамматика вышла в 1830 г., сопровождаемая лишь предисловием Г. Любенского. Собирая у себя рукописные поэтические и другие тексты, возникавшие в созданной им Сорабии, он позаботился об их сохранении, выносил саму идею серболужицкого литературного журнала, и затем – когда увидел, что эта идея может, наконец, дать действительно плодотворные всходы – передал все свои материалы участникам романтического кружка Г. Зейлера и Г. А. Кригара, вдохновив их тем самым на собственное поэтическое творчество. Многие годы Любенский собирал материалы для верхнелужицко-немецкого словаря, а также для немецко-верхнелужицкого словаря; эти материалы остались в его архивах, использованных затем другими учеными¹⁹. Его литературное творчество лишь условно можно разграничить на духовно-религиозную и светскую половины, потому что многое создавалось (и публиковалось) на стыке того и другого: например, стихотворения и по поводу юбилеев или смерти духовных лиц или членов их семей²⁰. Он активно участвовал в подготовке обоих изданий верхнелужицкой Библии (1821, 1823) и целого

ряда сборников духовных песен: по подсчетам Р. Енча в издание 1839 г. он включил 77 новых песен, двадцать из которых были сочинены им самим²¹. В руки Г. Зейлера и Г. А. Кригара попал и целый ряд лирических стихотворений Любенского ("Три цветка", "Солдат и его Ганка" и др.). Вопрос о личном вкладе Любенского в соби́рание лужицких народных песен (хотя сам этот вклад не может вызывать сомнений), нуждается в дальнейших уточнениях²². Возможно, какие-то уточнения удастся сделать и при внимательном изучении огромного количества записей лужицких народных песен по разным источникам в архиве И. И. Срезневского, о которых сообщила Л. П. Лаптева²³.

Особую роль в жизнедеятельности Любенского составляло регулярное общение с учеными и писателями из славянских стран, подготовившее уже при его жизни теоретическое обоснование и сам расцвет идеи славянской взаимности. Он поддерживал контакты с И. Добровским, М. К. Бобровским²⁴, В. Ганкой, П. Й. Шафариком, Ф. Палацким, Л. Штуром, Я. Е. Пуркине, Ф. Л. Челаковским²⁵, а также с немецкими славистами, подготовив тем самым (вместе с Ф. Ю. Локом и Б. А. Клином) благодатную почву для следующего поколения, вступившего в литературу уже в 1820-е годы.

Б. А. Клин, близкий товарищ Любенского еще по будишинской гимназии, жил и учился в Лейпциге в 1813–1818 гг. на юридическом факультете, будучи секретарем Сорабии и верным помощником Любенского. Важным вкладом в историографию лужицкой культуры в эти годы стала его книга "К празднованию столетнего юбилея Лужицкого проповеднического общества", изданная в Лейпциге в 1816 г. и основанная на изучении многолетних архивов этого общества²⁶. Работы историографического характера он писал и в дальнейшем. Вернувшись по окончании университета в Будишин, Клин сделал солидную карьеру, завоевав доверие саксонских властей, назначивших его главой полицейской администрации и старшим инспектором будишинских церквей и школ. При этом – по крайней мере до середины 1840-х годов – он активно отстаивал национальные интересы лужичан, добившись, например, в 1835 г. включения в саксонское законодательство положения о легитимизации преподавания лужицкого языка в школах, поскольку отсутствие подобной статьи давало "законное" основание для всякого рода дискриминационных и даже репрессивных мер. Еще И. Срезневский, испытывавший в 1840 г. гостеприимство Клина, был поражен его демократизмом и дружескими отношениями с жителями города²⁷. Высокий авторитет Клина у немецких властей и у самих лужичан, его научные и общественные заслуги, и, наконец, его юридическая подготовка – все это сыграло свою роль в том,

что он почти единогласно (35 голосов из 44)²⁸ был избран первым председателем Матицы Серболужицкой, созданной в 1847 г. и оставался им до конца своей жизни. Особого рассмотрения требует специфически консервативная позиция Клина в революционных событиях 1848–1849 гг.

Собственно художественное творчество Клина остается пока неизученным. К. А. Енч сообщает о том, что он написал много латинских стихотворений по различным поводам, но писал стихи и на верхнелужицком языке²⁹. Часть из них была опубликована в журнале "Лаузитшер магацин", часть осталась в архивах. Видимо, для истории лужицкой культуры наибольшее значение все же сохраняет научная и художественная публицистика Клина: его журнальные статьи 1830–1840-х годов в защиту лужицкого языка, его очерки о деятелях лужицкой культуры, его историографические и очерково-этнографические статьи.

Любенский уехал из Лейпцига в 1817 г., Клин – в 1818 г. Основное, что им удалось сделать, – это возродить среди серболужицких студентов, объединенных теперь в Сорабии, живой интерес к родному языку, к национальной истории и культуре. Этот интерес, как и практические занятия языком, может быть, несколько ослабли после отъезда обоих друзей, но не заглохли окончательно. Для более полной характеристики литературных интересов в кружке Любенского необходимо напомнить о творчестве Яна Кжесчиана Кёрнига (1791–1858), тоже выпускника будишинской гимназии, начавшего свое теологическое образование в Виттенберге, но завершившего его в Лейпциге в 1814–1816 гг. Кёрниг был способным поэтом, переводчиком, музыкантом и композитором, написал, в частности, музыку на "Три цветка" Любенского. В архивах Сорабии сохранились его переводы из Руссо, Клопштока, из "Песен Оссиана" (по немецкому переводу Ф. В. Юнга) и собственные стихотворения, из которых выделяется "Элегия на празднование годовщины общества 10 декабря 1814 г."³⁰ Одически-балладным стилем живописуя легенду о выборе древними сербами места для города Липска (Лейпцига) и самом строительстве, Кёрниг так патетически завершает свою элегию:

...Жизнь наших предков, дела их великие вспомним.
Чтоб никогда не померк мир древности славный!
Чтоб сила сербов, построивших Липск, не скудела!
Чтобы братство их вечно крепло и расцветало!

Если вспомнить, что Кёрниг прервал учебу в университете в 1813 г. из-за войны с Наполеоном, то становится понятным, как национально-патриотический подъем в Германии этих лет активизировал и процесс пробуждения национально-романтического

самосознания у самих лужичан, подготавливая тем самым благодатную почву для будущего национального возрождения. Опять же не случаен и интерес Кёрнига к народным песням, которые он записывал и в 1838 г. передал в Верхнелужицкое научное общество, узнав о готовящемся издании лужицких народных песен³¹.

Пробужденный в кружке Любенского интерес к литературному творчеству на родном языке не прерывался, об этом свидетельствуют хотя бы сохранившиеся с 1821 г. стихотворения и переводы **Яна Лагоды** (1801–1871), учившегося в Лейпциге в 1821–1824 гг. Сохранилось немало переводов Лагоды из античной (Ксенофон, Катулл), английский (А. Поп) и немецкой (драмы Лессинга, Шиллера, Клопшток, Гердер и др.) литератур. Но главное все же – это несколько элегий, связанных с дружескими встречами членов Сорабии, в которых отразился дух крепнущего национального сознания и понимание необходимости активных усилий для того, чтобы Сорабия действительно стала творческим очагом народного возрождения. Характерно, что Лагода, как Кёрниг, обращался к немецкой поэзии освободительной войны 1813–1814 гг. и перевел, например, одну из знаменитых песен Т. Кёрнера о люцовских стрелках, которую лужичане стали петь на родном языке. Следует отметить, что Лагода и впоследствии, в 1840–1850-х годах иногда выступал в лужицкой печати со своими стихотворениями и заметками³².

В 1825 г. студентами Лейпцигского университета стали два выпускника будишинской гимназии, **Гандрий Зейлер** (1804–1872) и **Гендрих Август Кригар** (1804–1858), с которых и начинается наиболее плодотворный этап романтического движения в Верхней Лужице. Г. Зейлер, сын безземельного крестьянина, рано обнаруживший замечательные способности, обратил на себя внимание еще в гимназии, и лужичане-патриоты Зибелис, Лок, Любенский и Клин объединили свои усилия, чтобы обеспечить ему возможность пройти полный курс обучения в университете. Зейлер возглавил Сорабию, заметное расширив занятия родным языком и литературой, Кригар стал секретарем общества. В 1826 г. вышел первый номер рукописного литературного журнала "Сербске новины", куда помещались сочинения не только членов общества, но и то ценное, что обнаруживалось при изучении архивов или присылалось со стороны. В 1828 г., когда Зейлер и Кригар уехали из Лейпцига, вышло уже 60 номеров "Сербской новины" (они переписывались в нескольких экземплярах), которые представляют собой бесценный источник для истории серболужицкой литературы,

источник, к сожалению, до сих пор в полном объеме не изданный и не изученный. Кригар, будучи фактически редактором журнала, составил кроме того за годы учебы в Лейпциге антологию серболужицкой литературы, включавшую в себя 161 произведение лужицких поэтов XVIII – начала XIX в. Лишь благодаря этой рукописной антологии сохранились и не были утрачены для истории литературы некоторые тексты Р. Меня, Г. Любенского, Я. Лагоды и Г. Зейлера³³.

Кружок Зейлера-Кригара сразу же стал не только духовным центром романтического движения в Верхней Лужице (поскольку была постоянная связь с Г. Любенским, Б. А. Клином, Ф. Ю. Локом, да и выпускники университета разъезжались затем по всей Лужице), но и одним из центров, где в живой творческой практике и в постоянном контакте (личном или с помощью писем) вырабатывалась идея славянской взаимности и принципы ее культивирования. Успехи и достижения соседних славянских народов воспринимались здесь как личные успехи и как стимул, побуждающий сделать нечто подобное или даже лучшее на своей родной почве. Это общее настроение романтического подъема и веры в свои силы (в ту пору близкое полкам, но особенно все же чехам и словакам, с которыми контакты были наиболее тесными) хорошо передает элегия "Сербскому товариществу" Кригара, помещенная в 1826 г. во втором выпуске "Сербских новин":

Далеко от нас ты остался, прекрасный край наших предков!
Потому я слез не смываю, и каждый день я в печали.
Ласку полей твоих я покинул и цветы луговые,
Где, как дитя, я резвился; и горы твои я оставил,
Где Свитебор всемогущий и Жива, мать всех наших сербов,
Цурхо, Хеннидло, Дживана, Марзава и с ней Баба Злата
Имели святыя места. Я нигде не видал столько речек,
Как в лужицком краю, где, ласкаясь, они сквозь рощицы
выются.

Оттого я и плачу. – "Но что же никто не находит
Слов достойных, чтоб славных предков дела возвеличить?
Часто ли чествуем мы седовласых героев народных?
О, пади темнота на меня! Небеса, разверзайтесь,
Так как тех сербов речь, видно, рассыпалась в прах!"
Так я, о други, кричал. Ах, моя скорбь была непомерна!
Но вот я из вашего круга новые слышу слова:
"Братья! Нас Лужица кличет! Дружно поднимемся сербы!
Где ваша храбрость? Копья точите и в руки берите те копы!"
Братья, с такими словами к народу мы обратимся.
И лучшее время придет, я его приближение вижу!
Зам же клятву даю: эту новую сербскую речь
Я высоко вознесу, чтоб над всю Землей прозвучала.

Сквозь это риторический пафос, в общем-то характерный для многих произведений подобного рода, рождавшихся в Сорабии (но

и вообще в поэзии национально-патриотического направления), отчетливо проглядывают типично романтические черты: тоска по далекой родине, по красоте ее природы; скорбь о забытых предках и заброшенных святынях; апелляция к мифическому прошлому, обращение к которому должно дать силы для борьбы с неприглядным настоящим, и, наконец, вера в светлое будущее своего угнетенного народа, которое должно и может наступить при условии объединения всех духовных и физических сил народа в едином романтическом национально-освободительном порыве; этот порыв способен вызвать вдохновенное слово поэта, живущего интересами своего народа. Уже по этому стихотворению видно, что кружок Зейлера-Кригара был готов откликнуться на национально-романтические и общеславянские настроения, так или иначе заявлявшие о себе в эти годы в разных славянских странах и литературах. Для расширения контекста и для более четкого уяснения специфики дальнейшего развития необходимо упомянуть хотя бы несколько имен, важных для лужицких романтиков.

Словацкий романтик (писавший на чешском языке) Ян Коллар (1793–1852) учился в 1817–1819 гг. в Йене, колыбели немецкого романтизма, и оказался особым – можно даже сказать интимным – образом связанным с серболужичанами. Как когда-то юный Гёте влюбился в дочь сельского священника Фридрику Брион (немецкой литературе это принесло "Зезенгеймские песни" и "Страдания юного Вертера"), юный Коллар увлекся дочерью лужицкого священника Фридрикой Шмидтец, "что пробудило его интерес к славянскому прошлому. Свою невесту, ставшую лишь в 1835 г. его женой, поэт воспевал как Мину, дочь Славы, богиню славянства"³⁴. Любопытно, что знаменитый трактат Коллара "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" был опубликован через год после – наконец – состоявшейся свадьбы. Последний факт вряд ли можно отнести к области строгой науки, но все же есть нечто символическое в том, что идея славянской взаимности рождалась не как геополитическая или умозрительная конструкция, но была выстрадана в многолетних и живых человеческих контактах. Естественно, что "Дочь Славы" (1824), да и более ранние произведения Коллара не могли не найти отклика у лужицких романтиков.

В данном контексте заслуживает упоминания и поляк Анджей Кухарский (1795–1862), выпускник Варшавского университета, преподававший некоторое время вместе с Й. Добровским в Серболужицкой семинарии в Праге. После непосредственного общения с

с лужичанами и, видимо, по рекомендации Добровского он выехал в 1826 г. в Лужицу с целью "написать популярную книгу о серболужичанах"³⁵. Кухарский поехал сначала к Любенскому в Будишин, затем побывал в Сгорельце, Хочебузе и Любине, стремясь разносторонне познакомиться с языком, обычаями и культурой лужичан. Через Любенского он познакомился и с Зейлером, который, по всей видимости, сопровождал его в путешествии по Нижней Лужице и помог ему записать 11 нижнелужицких народных песен³⁶, которые чешский ученый и поэт **Франтишек Ладислав Челаковский** (1799–1852) опубликовал в "Часописе чешского музея" (1830) со своим переводом на чешский язык. Сохранились и некоторые другие материалы, связанные с пребыванием А. Кухарского в Лужице³⁷. Зейлер, несомненно, старался воспользоваться опытом своего старшего и опытного коллеги, особенно в размышлениях о верхнелужицкой грамматике, орфографии и принципах составления словаря – то, чем он в эти годы активно занимался наряду с собственным поэтическим творчеством и собиранием народных песен. Переписка Зейлера 1827–1830 гг. с Й. Добровским и Ф. Л. Челаковским убедительно свидетельствует не только о напряженной творческой работе в разных направлениях, но и о взаимной заинтересованности, связанной с общностью интересов, причем лужицкий поэт и ученый зачастую выступает здесь не только берущей, но и дающей стороной. И здесь опять-таки уместно добавить, что Челаковский имел особое значение для лужицких романтиков широтой и разносторонностью своих начинаний. Кого из лужицких романтиков в то время могли не вдохновить, например, три тома "Славянских национальных песен" (1822; 1825; 1827) Челаковского! Эти книги – наряду с поэзией Коллара – были в те годы настольным чтением Зейлера. Довольно близко сошелся Зейлер в 1827 г. и с **Франтишеком Палацким** (1798–1876), которого неоднократно сопровождал в Лейпциге и у которого – тоже старшего по возрасту и научному опыту – многому научился. Палацкий не только рассказал Зейлеру о состоянии тогдашней чешской литературы, но и – будучи человеком состоятельным – снабдил его многими книгами, среди которых были стихотворения Коллара и книга **Павла Йозефа Шафарика** (1795–1861) "История славянского языка и литературы" (1826).

Нельзя обойти и еще одно важное знакомство Зейлера – с сербом **Симой Милутиновичем-Сарайлиа** (1791–1847), активным участником национально-освободительного движения в Сербии, жившего в Германии в 1825–1827 гг. В 1826 г. он жил в Лейпциге, готовя к изданию свою героико-эпическую поэму "Сербиада" (1826) и помогая в подготовке немецкого издания "Сербских на-

родных песен" (1825–1826). Милутинович встречался с Гёте, переписывался с Я. Гриммом и Л. Уландом и оказал заметное влияние на молодого Зейлера – прежде всего на его представление о подлинно народном поэте и патриоте, каким он сам хотел себя видеть. Под воздействием всех этих разнообразных и плодотворных знакомств Зейлер уже в университетские годы вырос в подлинно народного поэта-романтика, словно бы минуя непрременную стадию ученичества. Однако это ученичество было и – опуская гимназические годы – лабораторией его прежде всего был журнал "Сербские новости", куда Зейлер отдавал на суд друзей почти все, выходившее из-под его пера.

Отметим лишь самое важное в его поисках. С детства вращаясь в народной среде и хорошо владея всеми оттенками разговорной речи, Зейлер и в студенческие годы и всю жизнь продолжал вслушиваться в народную речь, записывая песни, пословицы, шутки, анекдоты, просто слова и выражения. Эти постоянные записи несли в себе многослойную нагрузку: обогащали художественное творчество, предоставляли богатые материалы для словаря верхнелужицкого языка³⁸, воспитывали обостренное внимание к слову и помогали выработать представление о подлинно народном языке и о всякого рода примесях (германизмы и т. д.) и отклонениях от него. Вслушиваясь в язык, Зейлер стремился и к его усовершенствованию, устраняя, например, германизмы путем введения новых слов или близких по смыслу и звучанию слов из соседних славянских языков. В "Сербских новинах" зафиксированы его переводы с чешского (сонет Коллара), с сербского и нижнелужицкого (народные песни). Но он хорошо знал и немецкую поэзию, используя, в частности, опыт работы Гёте, Гердера и Уланда с народными песнями. Стремясь стать подлинно народным поэтом, Зейлер нередко скрывал свое авторство и посылал, например, свои стихи тому же Челаковскому без подписи или настаивал на публикации их без подписи, и эксперимент, как правило, удавался – некоторые из них уже вскоре становились народными песнями или попадали в сборники народных песен.

Переходя непосредственно к краткой характеристике творчества Зейлера в Сорабии, стоит вспомнить его письмо Челаковскому от 24 августа 1827 г., где, в частности, сформулировано творческое кредо поэта, которому он фактически не изменил в течение всей своей жизни: "Моя цель состоит в следующем: прежде всего пробудить и разжечь духовную активность наших сербов, представив им плоды их же собственного творчества; потом я хочу их снова постепенно объединить в единый народ, издавая и распространяя среди них их песни, рассказы и басни, которые я уже

давно и старательно собираю...”³⁹ Программа поистине титаническая и романтическая, учитывая, что лужичане давно жили вперемежку с немцами и процессы германизации именно в эти годы многим казались совершенно необратимыми. В то же время, как подтвердила историческая практика, юный Зейлер уже отчетливо представлял себе по крайней мере два важнейших направления патриотических усилий деятелей национальной культуры в эпоху пробуждающегося национального возрождения угнетенных славянских (и не только славянских) народов: момент идейно-идеологический, так сказать, разжигающий и распалаяющий чувство национального достоинства, и момент творчески-созидательный, отводящий гнев и возбуждение в позитивно-объединяющее русло. Поэтому и творчество его условно говоря можно было бы разделить по тяготению отдельных произведений к двум вышеназванным полюсам, которые с точки зрения самой литературы можно было бы обозначить как преобладание в произведении риторически-декларативных или же – напротив – изобразительно-художественных элементов. При том, что те и другие элементы могут вполне нормально сосуществовать в одном произведении, сами эти тенденции все же просматриваются вполне отчетливо.

В 1827 г. в журнале “Сербска новина” была помещена песня Зейлера “Народная ода”, музыку к ней написал Корла Беньямин Гаташ (1806–1839), тоже член Сорабии, учившийся в Лейпциге в 1826–1829 гг., поэт, переводчик и композитор. Песня получила распространение и в дальнейшем называлась “Прекрасная Лужица” (Rjana Lužica) или “Сербской Лужице” (Na serbsku Lužicu). Но настоящая слава ее началась в 1845 г., когда крупнейший лужицкий композитор Корла Август Коцор (1822–1904) включил ее в свой первый хоровой концерт из 18 песен Зейлера. Песня стала сначала неофициальным, а в XX в. была и официальным национальным гимном лужичан; исполняется она и до сих пор⁴⁰. Приводим ее текст как образец того направления в поэзии Зейлера (но и многих других его сверстников и последователей), для которого характерно преобладание риторически-декларативных элементов:

Лужица моя,
Милая земля!
Ты – отцов заветный край
И моих мечтаний рай,
Святы мне твои просторы.

Предки наши здесь
Сберегали честь.
Над полем звон мечей стоял,
И гимн победы здесь звучал.
Но кто его сплет сейчас?

Соловиный звон
Да печальный стон.
На святилищах богов
Слышим ночью крики сов.
Эй, Громадник, с гор спустись!

Что ж ты, Чернобог,
Себя не уберег?
Вороны на древних алтарях
Что хотят, то и творят,
Да еще растет зеленый мох.

В древности пророк
Нам судьбу предрек.
Но чем сидеть гадать
И чего-то ждать,
Судьбу нам лучше в руки взять!

Иль горе и беда
С нами навсегда?
Родина, ты снова в тучах,
Но отряд мужей могучих
Выйдет, чтоб спасти тебя!

При всей внешней незамысловатости текста (и рифмы у Зейлера тоже весьма приблизительные) он — с точки зрения национально-романтической аргументации и патриотической риторики — выполнен весьма искусно. Хотя бы уже потому, что вбирает в себя приемы, наиболее действенные при контакте с большой народной аудиторией, с массой: риторическое заклинание (или даже романтическая клятва!) в любви к Родине (первая строфа), риторические вопросы, направленные на такие животрепещущие темы, как славное прошлое и сомнительное настоящее (вторая строфа), сбережение национальных святынь и божеств (третья и четвертая строфы), возможность катастрофического исхода (шестая строфа) и, наконец, содержащиеся в заключительных строках всех строф (за исключением четвертой) скрытые или явные призывы к действию, смысл которых совершенно проясняется в двух последних строфах. При этом текст вовсе не лишен и художественно-изобразительных элементов, локализирующих риторические атрибуты в определенную местность (великан Громадник, согласно легендам, был основателем Будишина, а Чернобог — название горы в Верхней Лужице, место обитания древнего мифического божества), в определенное настроение и в определенный национальный характер. Если сравнить эту песню с приведенной выше элегией Кригара "Сербскому товариществу", то — при очевидном сходстве идейной направленности и даже композиции — нельзя не заметить, что оба стихотворения обращены как бы к разной аудитории: элегия Кригара — интимно доверительное раздумье в кругу патриотически-

настроенных друзей-гуманитариев (поэтому и риторическое "копье" у Кригара в заключение превращается в ученое и писательское "перо"), песня Зейлера – идейное и поэтическое обобщение чувств и мыслей всех патриотически настроенных лужичан вне зависимости от их знаний и образования. Поэтому Зейлер избегает демонстрации своей учености (перечень древних лужицких божеств у Кригара заимствован из ученых трудов А. Френцеля) и специального выпячивания своей личности и своих собственных проблем – он берет только общезначимое и идентифицируется с ним. И в то же время, трудно утверждать, что этот последний фактор (вообще характерный для Зейлера) ослабляет лирическое начало в поэзии: Зейлер просто вполне сознательно стремится к тому, чтобы мир его личных душевных переживаний был зеркалом души его народа, или – формулируя наоборот: чтобы мир чувств и переживаний его народа составлял наиболее интимное и важное ядро его собственного душевного настроя. То есть Зейлер сначала, может быть, инстинктивно (или мудро направляемый Г. Любенским), а затем все более осознанно хотел стать серболужицким национальным поэтом, признаваемым своим народом и нужным ему. И он стал таким поэтом. Для Сербской Лужицы Г. Зейлер – то же, что А. С. Пушкин для России.

Чтобы нагляднее представить другую, интимно-лирическую тенденцию в творчестве Зейлера этого периода, обратимся к стихотворению "Причитание" (Bože sadleško), помещенному в "Сербской новине" в 1828 г.:

Здесь причитание неслось
Не из земных долин,
Слезами чистыми лилось
С ночных оно вершин.

Уже трепещет горный лес,
И рощи, и кусты:
"Что значит это море слез,
О ком так плачешь ты?"

И ястребят в мрак ночной
Из гнезд своих глядят:
Кто смел нарушить их покой,
Понять они хотят.

И слово до ушей дошло
Что горный глас изрек:
"Весь сербский край я обошло
И вдоль и поперек.

Живет там в трауре народ,
Хоронит сам себя,
И колокол печально бьет,
И я ушло скорбя".

Но эту жалобу небес
Как ястребам понять?
Она от боли может мне
Все сердце разорвать.

Стихотворение это весьма показательно. Как много стихотворений – "жалоб" публиковалось в XIX в. в славянских и не только в славянских литературах (вспомним хотя бы "Песню бедняка" (1805) немецкого романтика Л. Уланда, прекрасно переведенную в 1816 г. В. А. Жуковским, или "жалобы" другого немецкого романтика В. Мюллера, писавшего чуть раньше Зейлера)! И все же полную параллель этому "Причитанию" Зейлера найти не так-то просто, потому что положение лужичан все же заметно отличалось от положения русских или немцев. Поэтому слова "живет там в трауре народ/хоронит сам себя" вряд ли могли появиться тогда у русского или у немецкого национального поэта. И более того. Ведь "жалоба" и "причитание" обычно идут от страдающего, передавая его боль, или от самого поэта, страдающего от этой боли, – так оно и есть в сотнях стихотворений – "жалоб" (тут же вспоминается Н. А. Некрасов, И. С. Никитин и т. д.). У Зейлера же ситуация перевернута: народ, который "хоронит сам себя", не жалуется и не причитает – настолько притерпелся он к своему страданию, что стало оно делом обычным, обыденным; причитает, жалуется само небо, ибо невыносимо ему зрелище народа, который "хоронит сам себя". И природа, и птицы – все свыклись с этим зрелищем, они не могут понять смысл "причитания"; этот смысл понятен только подлинному патриоту своего народа, передать же его словами может только поэт-патриот. И только народный поэт может снова донести этот смысл своему народу, пробудить его волю к жизни и энергию протеста. И особо показательно для Зейлера то, что, казалось бы, сугубо интимное признание в заключительных строках выглядит в контексте стиха не так уж и интимно и уж вовсе не имеет ничего общего с романтическим индивидуализмом. Ведь та боль, от которой "разрывалось сердце" Зейлера, была болью каждого лужичанина-патриота, и, прочитав стихотворение, каждый из них мог признать это восклицание своим собственным.

Мы стремились по возможности разъяснить этот важнейший момент в специфике творческих поисков Зейлера, потому что, лишь поняв эту специфику, можно понять и то, каким образом Зейлер, начавший публиковать свои поэтические книги лишь с 1850-х годов, уже в 1830-е годы стал известным и признанным народным поэтом. Это широкое признание зафиксировал уже И. Срезневский, проживший в 1840 г. несколько месяцев в Сербской Лужице и много путешествовавший по ней: "Зейлер умел так понять дух

своего народа, что многие из его песен уже сделались народными, и поются как песни старины и в поле и в пляске. Его образы серболужицкого быта — сцены из жизни народной — живы и верны, и рассказ в них простодушен, так далек от всякой чопорности и жеманства, как только может быть рассказ народной души⁴¹. Каким образом это удалось Зейлеру в творческом плане, в принципе уже понятно — это соответствовало его призванию, воспитанию, таланту и сознательно выработанной им идейно-эстетической программе. Но стоит еще разяснить, каким образом он добивался этого и в плане чисто организационном. В 1828 г. он написал в народно-песенном стиле стихотворение "Сербская невеста", которое опубликовал анонимно на "летучем листке" — подобные публикации были распространены в Германии в XVII–XVIII вв., особенно в сельских местностях; лужицкие поэты (не только Зейлер, но и Дейка и др.) использовали "летучие листки" и в XIX в. Ян Арношт Смолер (1816–1884), крупнейший последователь и продолжатель Зейлера, включил эту песню (естественно, без имени автора) в первый том своего собрания "Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов" (1841), а "позднейшие фольклористы регулярно записывали различные диалектные варианты этой распространеннейшей в народе песни"⁴².

"Сербская невеста" заметно отличается от цитированных выше стихотворений Зейлера — текст написан от лица молодой девушки, невесты, ждущей от жизни счастья, и окрашен в отчетливо жизнеутверждающую, мажорную тональность. Эта тональность, простодушный (хотя, может быть, и чуть идилический) стиль, да и сам принцип романтического перевоплощения, своего рода "маски" — все это особенно сближает подобные стихотворения Зейлера с лирикой наиболее популярного тогда в Германии Людвиг Уланда (1787–1862), чьи "Стихотворения" (1816) многократно переиздавались, уходя в народную толщу и возвращаясь затем к немецким фольклористам в качестве народных песен.

Таким образом, романтизм в верхнелужицкой литературе, пройдя раннюю, подготовительную, стадию в кружке Любенского, достиг своей зрелости в кружке Зейлера-Кригара в 1825–1830 гг. (помимо названных поэтов можно отметить еще Корлу Богувера Коники, 1304–1878), выдвинув из своей среды крупнейшего лужицкого романтического поэта Зейлера, который, по верному замечанию чеха А. Черного, стал "в самом истинном смысле прародителем лужицкой поэзии, определившим ее развитие почти на целое столетие"⁴³. Это не значит, конечно, что у него не было учителей и предшес- венников в самой лужицкой поэзии, что мы и стремились показать анализом историко-литературного процесса. В то же

время после отъезда Зейлера и Кригара из Лейпцига кружок постепенно распался, и издание рукописного журнала "Сербские новости" прекратилось; причиной этому было прежде всего отсутствие литературно одаренного пополнения из числа студентов-лужицан.

Дальнейшее литературное развитие в Сербской Лужице – вплоть до начала 1840-х годов – протекало внешне незаметно, шло постепенное и глубинное накопление сил без отчетливо выраженной внешней атрибутики: не было ни кружков с литературными манифестами, ни даже журналов и газет на родном языке (немецких газет и журналов на территории Сербской Лужицы выходило сравнительно много). Это связано как с дискриминационной национальной политикой прусских и саксонских властей, поддерживаемой протестантскими "ригористами" и "модератами", так и с бедностью передовой лужицкой интеллигенции, для которой литературное творчество всегда оставалось занятием сопутствующим. Зейлер, например, несколько лет пытался утвердиться хотя бы на поприще славистики (издав, в частности, упомянутую выше грамматику верхнелужицкого языка), но это не удалось, и он до самого конца жизни исполнял обязанности священника. Из-за этого, видимо, и остались незавершенными многие из его филологических и издательских замыслов, но он отнюдь не оставался только священником и поэтом. Ему удалось издать книгу песен для нужд лужицких школьников (1842), в 1842–1848 гг. он был редактором верхнелужицкой газеты "Тыдженска новина", в 1844–1849 гг. являлся также и редактором евангелического ежемесячного журнала "Мисионске повесче", был с 1845 г. членом организационно-подготовительного комитета Матицы серболужицкой. Именно он, переняв эстафету от Г. Любенского, стал авторитетным учителем и вдохновителем молодого поколения деятелей национального возрождения, заявивших о себе уже с конца 1830-х годов (Я. А. Смолер, Я. П. Йордан), но особенно в 1840-е годы: **Ян Веля-Радысерб** (1822–1907), **Ян Богуввер Мучинк** (1821–1904), **Ян Бартко** (1821–1900), **Корла Август Мосак-Клосопольский** (1820–1898), и далее **Корла Август Фидлер** (1835–1917), **Михал Горник** (1833–1894) и многие другие. В их творчестве, выраставшем из романтических традиций Зейлера, в условиях национально-освободительного подъема 1840-х годов постепенно складывались новые, реалистически-критические тенденции. И все же, завершая этот раздел, необходимо сказать еще об одном литературном памятнике, безусловно, относящемся к романтическому периоду в истории серболужицкой литературы. Речь идет об упомянутых уже "Народных

песнях верхнелужицких и нижнелужицких сербов" (т. 1, 1841; т. 2, 1843). История создания и издания этого собрания бросает дополнительный свет и на славянско-германский контекст, в котором протекало все развитие лужицкой литературы.

Исходные импульсы дали немцы, прежде всего И. Г. Гердер – своими статьями и сборником "Народные песни" (ч. 1–2, 1778–1779), получившим при своем переиздании в 1807 г. название "Голоса народов в песнях". Уже в этом сборнике была помещена песня "Веселая свадьба" с пометой Гердера "вендская"⁴⁴. Гёте тогда же использовал эту песню в своем зингшпиле "Рыбачка". В статье Гердера "О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем" (1777) была убедительно доказана важность собирания и издания песен **всех** народов Европы, причем особо упомянуты были русские, поляки и серболужичане⁴⁵. Опуская подробности⁴⁶, заметим только, что на этот призыв откликнулись и немцы, и серболужичане, первые записи были опубликованы уже в 1780-е годы. С 1820-х годов резко расширяются контакты серболужичан со славянским миром – творчество Зейлера немыслимо вне славянского контекста. Но и немцы продолжают изучать и собирать лужицкие народные песни – в частности в рамках Верхнелужицкого научного общества в Сгорельце, где немец **Леопольд Хаупт** (1797–1883) в 1836 г. объявляет премию за собрание серболужицких народных песен. В конкурс включается молодой студент **Ян Арношт Смолер** (1816–1884), учившийся с 1836 г. во Вроцлавском университете, хотя и находившемся тогда на территории Пруссии, но имевшем отделение славянской филологии, где преподавали и ученые из славянских стран. Во Вроцлаве Смолер близко сошелся с чехом Я. Ё. Пуркине, а затем и с Ф. Л. Челаковским, опыт которого именно в этом плане был особенно богатым. Славянский контекст подготовленного Смолером собрания "Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов" способствовал обогащению комментариев многочисленными вариантами и параллелями из песен других славянских народов, что немецкой фольклористике в ту пору было еще недоступно.

Отличительной особенностью этого знаменитого собрания, включившего в себя 331 верхнелужицкую песню и 200 нижнелужицких песен, является, во-первых, его двуязычие: все серболужицкие тексты сопровождаются переводами на немецкий язык. Во-вторых, почти все песни приводятся с нотами, которые в это время еще отсутствовали в подавляющем большинстве европейских – в частности, немецких – собраниях народных песен. Издание включает в себя кроме того богатые комментарии, серьезные

этнографические статьи и приложения. По подсчетам современных ученых 474 песни в собрание были представлены Смолером, 57 песен передал из своего архива Хаупт, который кроме того сделал по подстрочникам Смолера поэтические переводы всех песен на немецкий язык.

Сборник "Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов" нашел широкий международный отклик. Чешский филолог Й. Пата уже в XX в. сделал вывод: "Своими народными песнями Смолер превзошел тогда всех других славян. Статья Смолера о нравах и обычаях серболужичан была в то время лучшей работой подобного рода. Она стала и лучшим примером этнографического исследования жизни серболужицкого народа, который Смолер дал своим современникам, вдохновив своих многочисленных последователей"⁴⁷. В качестве основного вывода можно утверждать, что "Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов" — один из самых ярких и показательных примеров плодотворности славянско-германского культурного сотрудничества, символ всего позитивного, что могла извлечь серболужицкая культура из своего исторически обусловленного славянско-германского контекста.

Качественный сдвиг в развитии серболужицкой культуры, постепенно накапливавшийся в 1820–1830-х годах, базировался на пробужденном и укреплявшемся национальном самосознании, которое захватывало уже не только верхушку патристически настроенной национальной интеллигенции, но и определенные слои городского и сельского населения. Процесс этот очевидно замедлялся почти полным отсутствием национальной буржуазии и лишь отчасти компенсировался постепенным ростом национальной интеллигенции, в основном представленной учителями и священниками. И тем не менее эти сельские учителя и священники, зачастую и сами выходцы из крестьянской среды, были важным связующим звеном между вышедшим из-под крепостной зависимости крестьянством, составлявшим большинство коренного населения Сербской Лужицы, и теми идеями, которые выдвигались деятелями национального возрождения. Речь шла о постепенном распространении этих идей в массах, и это распространение могло принимать самые различные организационные формы. Так, в 1839 г. в будишинской гимназии (которая по существу была немецкой) было образовано Общество лужицких гимназистов по изучению родного языка. Инициатором был Смолер, уже учившийся во Вроцлаве, первыми участниками стали К. А. Мосак-Клосопольский, Яромер Хен-

дрих Имиш (1819–1897) и Михал Домашка (1820–1897); все они внесли заметный вклад в лужицкую публицистику и литературу. Общество быстро превратилось в своеобразный славянский центр (сохранились письма Коллара, Штура и др.), где изучался не только верхнелужицкий язык, но куда, например, специально приезжал из Праги ученик Больцано Ф. Пшихонский для занятий по чешскому языку и литературе⁴⁸. Большое место в этом Обществе занимало обсуждение идеи славянской взаимности, которая тогда чаще называлась панславизмом. Активизировались контакты с Вроцлавом (Бреслау), где в 1841 г. открылась кафедра славянской филологии во главе с Челаковским, а также с Прагой, где не только активизировала свою работу Серболужицкая семинария, но в 1846 г. было образовано общество "Сербовка", объединившее пражских серболужичан. В задачи "Сербовки" входило не только "усовершенствование знаний родного языка", но и "пробуждение и умножение любви к своему народу"⁴⁹. "Сербовка" тоже стала важнейшим центром, где формулировались и откуда шли в Лужицу идеи славянской взаимности.

Выпускником Пражского университета был, например, Ян Петр Йордан (1818–1891), уже в 1837 г. опубликовавший свои первые статьи в пражском журнале "Ост унд вест". Проникнувшись идеей славянской взаимности (правда, в ее чешско-католической и либеральной окраске), Йордан по возвращении в Лужицу начинает с 1842 г. издавать газету "Ютничка" ("Утренняя звезда"), с которой начинается период непрерывного существования верхнелужицкой прессы до 1937 г. Общая для Европы ситуация общественного подъема 1840-х годов и возможности, открывшиеся в результате возникновения постоянной национальной прессы, заметно повлияли на дальнейшее развертывание историко-литературного процесса в Сербской Лужице. С 1840-х годов начинается новый этап в истории серболужицкой литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Geschichte der Sorben. Bd. 2. Von 1789 bis 1917. Bautzen, 1973. S. 41.

2. Там же. С. 43.

3. По этому вопросу существует достаточно обширная литература, в сконцентрированном изложении о борьбе "ригористов" и "модератов" см. прим. 1. С. 63–68.

4. Kunze P. Dabit Boguŕŕ Głowan // Nowy biografiski słownik. Budyšin, 1984. Str. 153.

5. См. прим. 1. С. 65.

6. Сведения о тиражах даются по статье П. Кунце (см. прим. 4). Библиографические подробности о книгах Глована см.: Mětšk Fr. Chrestomatija dolnosěrbskego pismownstwa. Budyšin, 1982. Str. 111.

7. Měšk Fr. Chrestomatija... Str. 110.
8. Potthoff W. Sorbische literarische Romantik zwischen slavischer Wiedergeburt und Klassizismus // Die Welt der Slawen. Halbjahresschrift für Slawistik. Jg. XXVII. N. F. 6. München, 1982. S. 167–184.
9. Подробности см.: Прим. 1. С. 58–59.
10. См. раздел о Праге в статье: Heyder G. Sorbische Studenten an den Universitäten Prag, Leipzig, Halle und Wittenberg im 18. Jahrhundert // Lětopis. Reihe B – Geschichte. 1991. N 38. Bautzen, 1991. S. 47–49.
11. Zeil W. Der Briefwechsel Jakob Žurs und Franz Jurij Loks mit Josef Dobrowskij (1778–1797) // Lětopis. Reihe B. 1968. N 15. Bautzen, 1968. S. 67–93.
12. Ф. Ю. Лок, в частности, содействовал тому, что с 1797 г. И. Добровский читал лекции по славистике в "Вендском семинаре", и поддерживал, как мог, само существование Серболужицкой семинарии.
13. Ф. Пшихонский возглавлял "Вендский семинар" до 1839 г. Последние 20 лет жизни он работал в Будишине, написал книгу по истории "Вендского семинара" в Праге (вышла в Будишине в 1874 г.) и направленный против И. Канта труд с изложением философского учения Б. Больцано (Будишин, 1850).
14. В 1852 г. Я. А. Смолер перевел на верхнелужицкий язык и издал "Краледворскую рукопись" В. Ганки.
15. Jenč R. Stawizny... Str. 284.
16. Там же. С. 282.
17. Некоторые подробности см.: Лаптева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). М., 1993. С. 48–49. (В дальнейшем ссылки на это издание даются: Лаптева Л. П., с указ. страниц).
18. Срезневский И. И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы (1844). Цит. по: Lětopis. Rjad A. 1985, N 32. Budyšin, 1985. Str. 206.
19. Jenč K. A. Zemřeći Spisowarjo hornjofužiskich ewangelskich Serbow wot 1800–1877 // Časopis Maćicy Serbskeje. II. Band. Fotomechanischer Neudruck. Hrsg. von J. Petr. Bautzen, 1987. Str. 214.
20. Там же. С. 214.
21. Jenč R. Stawizny... Str. 233.
22. Там же.
23. Лаптева Л. П. С. 57–58.
24. Лаптева Л. П. С. 31–35.
25. Nowy biografiski słownik. Str. 355.
26. См. прим. 19. С. 206.
27. Лаптева Л. П. С. 66.
28. Nowy biografiski słownik. Str. 254.
29. См. прим. 19. С. 205–206.
30. Названные произведения и некоторые пояснения к ним опубликованы в статье: Wičaz O. Lipsk jako ródnišćo serbskeje romantiki // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1932. N 161–162. Str. 48–53. В дальнейшем ссылки на эту статью даются: Вичаз О., с указанием номера журнала и страниц.
31. Nowy biografiski słownik. Str. 263.
32. Некоторые тексты и пояснения см.: Вичаз О. 1931, № 160. С. 67–75. Ср. также: Jenč R. Stawizny... Str. 279–281.
33. Geschichte der Sorben. Bd. 2. S. 72.
34. Nowy biografiski słownik. Str. 269.
35. Вичаз О. 1932, № 161–162. С. 5.

36. Эту гипотезу достаточно подробно и, на наш взгляд, убедительно обосновал О. Вичаз: 1932, № 161–162. С. 5–7.

37. Nowy biografiski słownik. Str. 319.

38. Свои обширные материалы для словаря он передал впоследствии Кжесчану Богуверу Пфулю, который издал в 1866 г. "Лужицкосербский словарь", получивший весьма высокую оценку в мировой славистике.

39. Jen ě R. Stawizny... Str. 290.

40. Geschichte der Sorben. Bd. 2. S. 71–72.

41. См. прим. 18. С. 209. Подробное описание пребывания И. Срезневского в Сербской Лужице, в том числе и фактов его общения с самим Г. Зейлером, см.: Лаптева Л. П. С. 39–96.

42. Lorenc K. Handrij Zeiler // Serbska ěitanka. Leipzig, 1985. Str. 118.

43. Там же.

44. Herder J. G. Stimmen der Völker in Liedern. Leipzig, 1968. S. 383.

45. Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 69.

46. См.: Гугнин А. А. Становление серболужицкой литературы в славянско-германском контексте // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 57–60.

47. Цит. по: Haupt L., Smoler J. A. Volkslieder der Sorben in der Ober- und Niederlausitz. Pěsnicki hornich a delnich LuĹickich Serbow. Bautzen, 1984. Str. 12–13.

48. Geschichte der Sorben. Bd. 2. S. 92–93.

49. Там же. С. 94. Для уяснения подробностей см. монографию: Zeil W. Bolzano und die Sorben. Ein Beitrag zur Geschichte des "Wendischen Seminars" in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen, 1967.

ПРЕССА И ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Тысяча восемьсот сороковые годы открывают собой качественно новый этап в истории серболужицкой литературы. При всей абсурдности утверждения А. Ф. Гильфердинга о том, что "еще в первой четверти нашего столетия спала глубоким сном серболужицкая народность. Еще тогда образованный лужичанин не думал быть иным чем, как немцем" (1856)¹, под него можно вполне подвести и определенную базу: если рассматривать историко-литературный процесс не изнутри, а по внешним и получившим широкий общественный резонанс фактам. До 1840-х годов в Сербской Лужице отсутствовала постоянная национальная пресса, вся литературная деятельность серболужичан носила в основном кружковый характер, а создаваемые произведения в подавляющем большинстве оставались еще в рукописях, отсутствовала публичность, а по существу и национальная читающая аудитория (просто нечего было читать, если, правда, не считать частную переписку одной из форм публичной литературной жизни). В то же время совершенно очевидно и другое: без огромной подготовительной работы, развернувшейся с 1760-х годов в рамках Сербского проповеднического общества и других обществах и кружках, национальное возрождение не смогло бы приобрести в Сербской Лужице того поразительного размаха, который восхитил И. И. Срезневского уже в 1840 г., сумевшего – в отличие от Гильфердинга – увидеть в серболужицком национальном Возрождении 1840-х годов закономерное осуществление патриотических усилий предшествовавших поколений². Верхняя хронологическая граница рассматриваемого периода, видимо, может быть отнесена к началу 1900-х годов, когда, с одной стороны, еще продолжали появляться произведения, тесно связанные с проблематикой национального возрождения (например, романы, повести и драмы на темы национальной

* Проблемы специфики национального возрождения в Сербской Лужице в более широком контексте и более детально рассмотрены в книге: Гугнин А. А. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава. Новополоцк, 1995. – 54 с. Важный для данной главы материал по истории создания и функционирования Матицы серболужицкой в Верхней Лужице недавно достаточно подробно и с привлечением разнообразных источников рассмотрен в статье: Ермакова М. И. Серболужицкая матица // Славянские матицы. XIX век. Коллективная монография. Часть первая. М., 1996. С. 159–189.

истории и героического прошлого народа), но, с другой стороны, в литературе постепенно возникает ощущение исчерпанности данной проблематики и наступает период поисков новой ориентации, втягивавших серболужицкую литературу в философско-эстетические поиски и кризисы европейской литературы XX в., поскольку именно национальная пресса в этот период играла едва ли не центральную роль в консолидации национального самосознания – ведь никак нельзя забывать, что немцев на территории Сербской Лужицы уже и тогда проживало больше, чем собственно серболужичан, и что немецких газет и журналов все равно было гораздо больше, чем серболужицких. Г. Зейлер и Я. А. Смолер уже с 1840 г. обдумывали издание ежемесячника на верхнелужицком языке и вели соответствующую подготовительную работу. Но инициативу перехватил католик Я. П. Йордан, который вернулся в 1841 г. из Праги восторженным приверженцем идеи славянской взаимности и либеральным демократом; он сам договорился об издании четырехполосного еженедельника "Ютничка", который начал выходить с 8 января 1842 г. В "Ютничке" был представлен публикациями практически весь цвет тогдашней лужицкой интеллигенции: стихотворения и проза Г. Зейлера, переводы и заметки Я. А. Смолера, стихотворные опыты **Кжесчана Богувера Пфуля** (1825–1889), будущего составителя самого обширного "Лужицкосербского словаря" (1866), проза и статьи **Корлы Августа Мосака-Клосопольского** (1820–1898), развернувшего в 1840-х годах бурную публицистическую, переводческую и общественную деятельность; публиковался здесь и католик **Михал Бук** (1804–1865), принимавший затем активное участие в организации Матицы серболужицкой и в формировании ее консервативного крыла во главе с Б. А. Клином; активно выступал и протестант **Ян Юрий Мельда** (1814–1894), один из крупнейших лужицких педагогов и публицистов, защитник интересов лужицкого крестьянства в 1848–1849 гг. Первый номер вышел тиражом в 1000 экземпляров, но уже после нескольких номеров тираж заметно снизился, и после 26-го номера в июне 1842 г. газета прекратила свое существование – в том числе и из-за отсутствия подписчиков. В то же самое время Г. Зейлер 2 июля 1842 г. выпускает первый номер еженедельной газеты "Тыдженска новина" ("Tydženska Nowina"), которая – меняя редакторов и названия – беспрерывно выходила до 1937 г., когда ее запретили национал-социалисты. Факт столь явного "отторжения" католика Йордана протестантским большинством серболужицких читателей многократно обсуждался в научной литературе³. Но как бы ни был важен вывод о том, что предложенное Йорданом новое прогрессивное правописание заметно отличалось от уже укоренившегося протес-

тантского и католического вариантов правописания в верхнелужицком языке⁴, за ним все же скрывается главное — отсутствие в этот период плодотворного диалога между верхнелужицкими католиками и протестантами, без которого — при крайней малочисленности национальной интеллигенции и почти полном отсутствии национальной буржуазии — невозможно было достигнуть даже ближайших целей национального возрождения. Зейлер, редактировавший газету до 1848 г., и Смолер, возглавлявший ее до самой смерти в 1884 г., прекрасно это понимали и по существу шли центристским путем лавирования между крайне консервативными и крайне демократическими силами, что на практике оказывалось возможным лишь благодаря их непререкаемому личному авторитету крупнейших деятелей национального Возрождения. Йордан перебрался в Лейпциг, где начал выпускать журнал "Сербска ютничка", посвященный вопросам лужицкого языка, культуры и науки, который прекратил существование после первых двух номеров. Наиболее плодотворной с точки зрения исторической перспективы оказалась попытка Йордана наладить диалог славянских и германских культур на страницах издававшегося им на немецком языке журнала "Ярбюхер фюр славише литератур, кунст унд виссеншафт", который он выпускал до 1847 г., а затем, передав редактирование журнала Я. А. Смолеру, переехал в 1848 г. в Вену, став с этого времени поборником идеи австрославизма. В Лейпциге Йордан преподавал в университете славистику, уделяя основное внимание русской литературе и ориентируясь при этом на статьи В. Г. Белинского, которые он использовал для своих обзоров в "Ярбюхер" и из которых в 1846 г. скомпилировал и издал свою "Историю русской литературы"⁵.

В течение 1840-х годов в Германии идет процесс либерализации общественно-политической мысли, ее дифференциации, приведшей не только к дискуссиям, но и к расколу общественно-политического движения. Заметно проявили себя уже с начала 1840-х годов и националистические тенденции: в лужицкой немецкой прессе стали появляться статьи, в которых пробуждение национального самосознания у серболужичан рассматривалось как "панславизм", который трактовался как измена немецкой государственности и поддержка российского самодержавия. Зейлер старался избегать подобной проблематики в "Тыдженской новине", и лужичане вели эту дискуссию в немецкой прессе. Особую роль здесь сыграл Ян Богуввер Мучинк (1821–1904), опубликовавший в этот период целый ряд статей, в которых терпеливо разъяснял, что лужичане не претендуют на национальную независимость и в то же время не хотят и не могут отказаться от своей принад-

лежности к славянской семье народов – и прежде всего от родного языка. Идеологически и политически раздуваемая дискуссия о "панславизме" постепенно утрачивала свою актуальность по мере приближения революционных событий 1848–1849 гг. В верхнелужицкой публицистике и литературе складывалось революционно-демократическое крыло, яркими представителями которого были **Ян Веля-Радысерб** (1822–1907) и **Ян Бартко** (1821–1900). Они поддерживали социально-экономические требования ремесленников, рабочих и крестьян и с 25 марта 1848 г. стали издавать в Будишине еженедельную политическую газету "Сербски новинкар" ("Serbski Nowinkar"), на страницах которой формулировались требования более радикальных социально-экономических реформ, чем в "Тыдженской новине", где предлагался путь взаимных уступок, переговоров и компромиссов. "Сербски новинкар" выступал также за демократическую республику и за упразднение монархии.

Консервативные общественные силы, поддержанные помещиками и частью духовенства, сгруппировались вокруг еженедельной газеты "Брамборски сербски часник", которая стала выходить с июля 1848 г. на нижнелужицком языке в Котбусе и открыла собой период непрерывного существования нижнелужицкой прессы (газета выходила, меняя названия, до 1939 г.). Основными целями этого издания были поддержание существующего строя и "борьба против партии, стремящейся разрушить установленный порядок"⁶. Но само появление постоянной газеты на нижнелужицком языке играло, разумеется, консолидирующую роль в поддержании национального самосознания.

Для формирования национального самосознания решающее значение на данном этапе приобретала задача создания надконфессиональной национальной культурной организации, в рамках которой могли бы объединить свои усилия в деле национального возрождения лужицкие католики и протестанты, постепенно идя друг другу навстречу хотя бы в вопросах создания единого верхнелужицкого литературного языка и объединяя свои усилия в сфере национальной культуры. В связи с этим с 1845 г. развернулась подготовительная работа по созданию Матицы серболужицкой, которая была официально провозглашена в 1847 г. по примеру подобных же национально-культурных организаций в Сербии (1826) и в Чехии (1831), но, естественно, с учетом серболужицкой специфики. Матица серболужицкая, возникнув как национальное научно-просветительское общество, постепенно оформилась по принципу национальной научной и культурно-просветительской академии, собрав в свои ряды практически всю верхнелужицкую и нижнелужицкую интеллигенцию, но также образованных крестьян и

ремесленников, стремившихся содействовать возрождению национальной культуры. В рамках Матицы серболужицкой постепенно выделились секции и комиссии по языку (1854), истории (1857), естественным наукам (1857), литературе и беллетристике (1858), педагогике (1868) и этнографии (1895). Кроме того в качестве самостоятельного филиала в 1880 г. в Нижней Лужице (Котбус/Хочебуш) была основана нижнелужицкая "Матица Сербска" ("Mašica Serbska"), уделявшая особое внимание развитию нижнелужицкого языка и литературы. Только в Верхней Лужице Матица серболужицкая собрала в XIX в. свыше 600 членов, принимались в нее и иностранные ученые. Огромное значение придавалось здесь книгоиздательской деятельности, для чего Я. А. Смолер открыл в 1851 г. в Будишине первый серболужицкий книгоиздательский магазин, но только в 1875 г. ему удалось с помощью меценатов из славянских стран купить собственную типографию — до того серболужичане публиковали свои книги и журналы в местных немецких типографиях.

С 1848 г. регулярно два раза в год выходили "Журнал Матицы серболужицкой" ("Časopis Mašicy Serbskeje"), до запрета в 1937 г. вышло 170 номеров), редакторами которого в рассматриваемый период были Я. А. Смолер (в 1848–1852 гг.), писатель **Якуб Бук** (1825–1895, ред. в 1853–1867 гг.), ученый и писатель **Михал Горник** (1833–1894, ред. в 1868–1894 гг.). Очень большое место в журнале занимали обзоры и исследования по языкознанию, истории литературы, этнографии и демографии, а также биобиблиографические материалы, но нередко здесь публиковались и художественные произведения — как на верхнелужицком, так и на нижнелужицком языках. Особое значение "Журнал Матицы серболужицкой" приобрел в силу своей надконфессиональной ориентации в создании единого верхнелужицкого литературного языка, в постепенном стирании различий в орфографии его протестантского и католического вариантов. Уже в первом номере К. Б. Пфуль опубликовал статью "Верхнелужицкое сербское правописание", в которой — вслед за Я. А. Смолером, Г. Зейлером и Я. П. Йорданом — обосновал необходимость единого верхнелужицкого литературного правописания, так называемого "правописания по аналогии", по возможности последовательно ориентированного на использование чешских и польских букв для передачи соответствующих верхнелужицких звуков — вместо традиционной ориентации протестантов на немецкие буквенные знаки, а католиков — на чешские. Предложенная Пфулем реформа орфографии была принята в "Журнале Матицы серболужицкой", и таким образом журнал стал постепенно прививать своим читателям единую верхнелужицкую орфографию.

В 1859 г. стало выходить "Ежемесячное приложение к Сербским новинам"*, посвященное непосредственно литературной и культурной жизни. В 1860–1881 годах выходил литературный журнал "Лужичанин" ("Lužičanin"), который при небольшом тираже (300 экз.) имел важное значение для консолидации писательских сил и оживления литературной жизни: здесь, например, было опубликовано большинство произведений Яна Чеслы (1840–1915) – крупнейшего – после Зейлера верхнелужицкого поэта этого периода. В целом журнал отражал консервативные тенденции в национальной культуре и далеко не во всем устраивал выходящее на литературную арену молодое поколение.

С новой инициативой выступила группа патриотически настроенных студентов (католиков и протестантов), начавших с организации ежегодных собраний студентов-серболужичан из разных университетов, а затем сгруппировавшихся вокруг основанного ими литературного журнала "Липа сербска" ("Lipa Serbska", 1876–1881). Они называли себя "младосербами" и выступали против пессимистических настроений, усилившихся у части серболужицкой интеллигенции после объединения Германии в 1871 г. Непосредственным поводом для патриотической консолидации серболужицкой молодежи послужила книга немецкого географа и этнографа **Рихарда Андрее** (1835–1912) "Вендские путевые заметки" (1874), в которой серболужичане с национал-шовинистских позиций провозглашались "этнографическим курьезом", отрицалось наличие у них собственной истории и культуры и провозглашалась необходимость из окончательной их скорейшей германизации.

Идейным ядром "младосербов" были студенты Лейпцигского и Пражского университетов, в том числе **Арношт Мука** (1854–1932), **Якуб Барт** (Якуб Барт-Чишинский, 1856–1909) и **Ян Арношт Голан** (1853–1921), которые публиковали в журнале свои очерки и литературные произведения, стремясь сохранить и продолжить в новых исторических условиях идеи и идеалы национального Возрождения. Манифестом нового культурного движения стал очерк Я. Барта "Голоса из Лужицы к лужичанам" (1877–1878), в котором молодой пражский студент-католик, ученик словака **Мартина Гатталы** (1821–1903), призывал серболужичскую молодежь не поддаваться чувству усталости и инертности, разившему старшее поколение, а – напротив – выступить в роли новых "будителей" и, продолжая дело Г. Зейлера, усилить борьбу за дальнейшую демократизацию национальной культуры, максимальное приближение ее к народу.

* Газета "Тыдженске новины" была переименована в "Сербске новины" в 1854 г.

Я. А. Смолер активно принял сторону молодежи и в 1878–1880 гг. была даже редактором нового журнала. "Младосербы" выдвинули оппозиционную программу сохранения этнической целостности серболужицкого народа и его культуры в эпоху наступления капиталистических отношений, непреодолимо вовлекавших в свою орбиту и лужицкие земли. Для осуществления своей программы они стремились прежде всего укрепить духовный союз интеллигенции и крестьянства, поскольку – и во многом справедливо – именно в крестьянстве видели наиболее естественного, заинтересованного и надежного хранителя традиционных народных ценностей. То есть движение "младосербов" во многом сопоставимо с движением "народников", но лишь с одной, весьма существенной, поправкой: на первом месте у "младосербов" (как прежде у "будителей" и потом у романтиков) по-видимому стоял вопрос о сохранении национального этноса, о недопущении его полного растворения в германском этносе. В середине XIX в. серболужичан в обеих Лужицах проживало не более 200.000 человек, и эта цифра медленно, но неуклонно уменьшалась. Ввиду малочисленности этноса всякие революционные методы национально-освободительной борьбы для лужичан оказывались бесперспективными, основной ареной борьбы за сохранение национального достоинства и выживание национального этноса стала для лужичан борьба за сохранение родного языка и традиционной национальной культуры, это поняли "младосербы", и по сути основной упрек "старосербам" в очерке Я. Барта "Голоса из Лужицы к лужичанам" состоит в том, что они ослабили заботу о родном языке, допустили в него много германизмов, "засушили" его, оторвавшись от живого народного разговорного языка, естественными хранителями которого в этот период продолжали оставаться только крестьяне, ибо двуязычие уже полностью захватило лужицкие города, где подавляющее большинство населения уже давно составляли немцы. Укрепление национально-патриотического самосознания было особенно важно после 1871 г., когда в объединившейся Германской империи стали усиливаться националистические и шовинистские настроения.

Постепенно обнаружилось, что наличие двух литературных журналов ("Лужичанин" и "Липа сербска") не столько объединяет, сколько распыляет малочисленную серболужицкую интеллигенцию, и в 1882 г. "старосербы" и "младосербы" объединились в журнале "Лужица" ("Lužica", 1882–1937), который редактировал А. Мука (в 1882–1886 гг.), а затем – в рамках рассматриваемого периода – А. Мука вместе с ученым и писателем Юрием Либшем (1857–1927, ред. в 1887–1895 гг.). В предисловии к первому номеру нового журнала А. Мука подчеркнул, что "Лужица" будет

стремиться отражать культурные потребности всех серболужичан: "старых и молодых, говорящих на верхнелужицком и на нижнелужицком языках и должна стать органом всех серболужицких обществ и организаций, официальных и неофициальных, городских и деревенских, студенческих и не студенческих"⁷. Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода лужичанам удалось создать разветвленную (учитывая число населения, которое по сегодняшним меркам равно населению российского районного города) и стабильную национальную газетную и журнальную прессу (мы упомянули здесь лишь важнейшие издания, не останавливая специального внимания на конфессиональной прессе – католической и протестантской, – в которой тоже нередко публиковались литературные произведения), которая продолжала существовать, пополняясь вновь возникавшими изданиями, до 1937 г. Названные в данной главе издания составляли своеобразный "каркас" историко-литературного процесса, потому что и в этот период многие опубликованные на страницах газет и журналов произведения так и не смогли появиться в виде отдельных книг – ввиду отсутствия необходимых материальных предпосылок для разветвленного книгоиздания и невозможности извлекать из него прибыль из-за небольших тиражей.

С 1840-х годов историко-литературный процесс в Сербской Лужице, наконец, полностью утратил свой кружковый характер, типичный для предшествовавших периодов, обрел публичность и постепенно привлек не только национальную, но и международную общественность. Первым крупным "прорывом" в этом плане стали "Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов" (т. 1–2, 1841–1843) Я. А. Смолера и Л. Хаупта – своеобразный и важный итог патриотических усилий серболужицких "будителей" и романтиков, показательный пример плодотворности славяно-германского культурного сотрудничества в XVIII–XIX вв.⁸ Романтический интерес к народной песне нашел свое отражение и в некоторых других историко-литературных фактах: в 1846 г. Я. А. Смолер и Я. А. Варко перевели на верхнелужицкий язык поэтический сборник Ф. Л. Челаковского "Эхо русских песен" – это первое книжное издание переводных текстов на верхнелужицком языке, второй переводной книгой стала Краледворская рукопись В. Ганки, переведенная Я. А. Смолером в 1852 г. (обе книги были изданы в Праге). В 1854 г. в Будишине на нижнелужицком языке была опубликована книга басен Федра в переводе Кито Фрицо Стемпеля (1787–1857), крупнейшего нижнелужицкого поэта этого периода. Таким образом и переводы с разных языков тоже постепенно становились важной составной частью публичной (не круж-

ковой!) литературной жизни, что способствовало идейному и художественному обогащению творчества серболужицких литераторов.

В рассматриваемый период серболужицкая поэзия проделала значительную эволюцию: во-первых, она окончательно утратила кружковый характер и благодаря газетным, журнальным и книжным публикациям стала доступна широкой читающей аудитории; во-вторых, резко выросла в количественном и качественном отношении, что сказалось заметнее всего в разработке богатой и разнообразной системы поэтических жанров (от сонетов до обширных эпических полотен); в-третьих, в ней появились яркие творческие индивидуальности, наметились отличающиеся друг от друга поэтические традиции. Вплоть до своей смерти в 1872 г. непререкаемым авторитетом пользовался Г. Зейлер, прирожденный лирик, сумевший, однако, удивительно органично проникнуться народным духом и адекватно воссоздавать его в своей поэзии. Может быть, как никому другому, Зейлеру удалось найти словесное поэтическое выражение лучшим чувствам и чаяниям, самым затаенным болям лужицкого крестьянства. Как всякому подлинному лирику, Зейлеру свойственны черты драматизма и трагизма, но специфическая особенность его в том, что трагизм в стихотворениях Зейлера никогда не замыкается на сугубо личных мотивах, это всегда – трагедия этноса, поставленного историей в исключительные условия постоянной борьбы за выживание. Поэтому даже в самых патетических стихотворениях Зейлера 1840-х годов отчетливо слышны отголоски национальной трагедии:

Держитесь, Сербы! Нам держаться,
покуда будет мать стараться
привить любовь к напевным звукам
родимой речи детям, внукам,
покуда хоть один язык
от слов от наших не отвык,
пока последний мозг осветит
мысль сербская – нам жить на свете!

(“Держитесь сербы”, 1842. – Пер. Е. И. Осечкина)

Однако, драматическая и трагическая интонация – далеко не единственная и, может быть, даже не самая важная в лирике Зейлера. В экстремальных условиях может сохраниться лишь здоровый этнос, жизнелюбивый и трудолюбивый, умеющий воспринимать жизнь и даже нелегкий труд как праздник, с оптимизмом смотрящий в будущее. О Зейлере нередко говорили, что он писал

для свободных крестьян; в этом есть большая доля правды, и в этом — основа романтического мироощущения поэта, основная, может быть, "изюминка" его творчества. Особенно ярко романтический оптимизм национального поэта проявился в больших поэтических циклах, объединенных под общим названием "Времена года" (1845–1860): "Весна", "Раннее лето", "Лето или Жатва", "Осень" и "Зима". Естественно-природный процесс смены времен года органически сплетается здесь с неповторимой многокрасочностью ежедневного крестьянского труда, сопряженного с определенными национальными обрядами и праздниками, традициями и привычками. Огромной удачей и достижением в рамках серболужицкой культуры в целом стало многолетнее творческое содружество Зейлера с самым крупным серболужицким композитором этого периода **Корлой Августом Коцором** (1822–1904), который с 1845 г. и до начала XX в. постоянно сочинял музыку к произведениям Зейлера, составляя из них хоровые циклы и концерты, исполнявшиеся повсеместно в Верхней и Нижней Лужицах на хоровых народных праздниках, ставших с 1845 г. традиционными. Поэтический цикл Зейлера "Весна" (1855) Коцор озвучил в 1860 г. как ораторию, затем он написал оратории и на другие поэтические циклы Зейлера, а в 1871 г. сочинил по тексту Зейлера (1851) первую серболужицкую оперу "Якуб и Ката". Крупные поэтические циклы становятся одним из ведущих жанров в поэзии Зейлера рассматриваемого периода: кроме выше названных необходимо упомянуть еще "Сербский май" (1845) и "Сербская свадьба" (1847). В последней, насчитывающей более 800 стихов, дается живописное и подробное описание всех народных обычаев, связанных со свадебным обрядом; песни перемежают изложение событий от помолвки до свадьбы и усиливают поэтику национального колорита этого общераспространенного обряда. С 1850-х годов, наконец, выходят книжные издания произведений Зейлера: юмористически-сатирический цикл "Ганс Вучба" (1851), сборники "Сербские стихотворения" (1855), "Мирный звон" (1871). "Младосербы" — при всей своей оппозиционности — восприняли творчество Зейлера как живую и плодотворную традицию: А. Мука возглавил инициативу лужицких студентов по сбору средств на собрание сочинений Зейлера, которое было издано в 1883–1891 гг. в четырех томах — первое собрание сочинений в истории серболужицкой литературы. В настоящее время завершается семитомное собрание сочинений Зейлера.

В 1842 г. "Тыдженска новина" опубликовала первые стихотворения **Яна Вели** (Ін Веля-Радысерб, 1822–1907), в творчестве которого наиболее полно выразились левodemократические идеи

серболужицких батраков и ремесленников, связанные с надеждами на социальные изменения в ходе революции 1848–1849 гг. По народному духу своей поэзии Веля-Радысерб, безусловно, связан с традициями Зейлера, но у Зейлера ярче выражено лирическое начало, у Вели-Радысерба – эпическое, Зейлер апеллирует к национальному этносу в целом, наиболее чистое и полное выражение которого находит в свободном крестьянстве, Веля-Радысерб более увлечен пафосом социальной и политической борьбы, его произведения гораздо сильнее окрашены в сатирические и дидактические тона. Наиболее заметный вклад в верхнелужицкую поэзию Веля-Радысерб сделал в трех жанрах: актуальное политическое стихотворение, баллада и басня. В жанре баллады его заслуги особенно велики: наряду с Зейлером он может считаться основоположником этого жанра в серболужицкой литературе. Причем ему, преимущественно прозаику, видимо, легче давался выбор балладных сюжетов, сама манера балладного повествования, по условиям жанра непременно включающая в себя эпический элемент. Стихотворения и стихотворные циклы Вели-Радысерба печатались в газетах и журналах, некоторые его стихотворения были положены на музыку Коцором и стали популярными песнями. По либретто Вели-Радысерба композитор **Юрий Пилк** (1858–1926) написал в 1901 г. первую серболужицкую оперетту “Смертница”, которая впоследствии с успехом ставилась на сцене.

Яркую и индивидуально окрашенную лирическую струю внесла в верхнелужицкую поэзию **Герта Вичаец** (1819–1885) – первая женщина-поэт в серболужицкой литературе. Начав писать еще в первой половине 1840-х годов на немецком языке и в духе позднеромантической немецкой поэзии (по мироощущению и склонности к мистике она родственна К. фон Гюндероде, 1780–1806; и Аннете фон Дросте-Хюльсхоф, 1797–1848), затем перешла на верхнелужицкий язык и создала необычные для серболужицкой литературы середины XIX в. образцы философской и любовной лирики, которые в момент их первой публикации не привлекли к себе серьезного внимания и были заново открыты в XX в. Ее первые литературные опыты поощрил молодой учитель и разносторонний писатель и публицист **Я. Б. Мучинк**, с которым ее связала близкая дружба, перешедшая в любовь. Но первой лужицкой поэтессе пришлось пережить через несколько лет тяжелое душевное потрясение (Мучинк в 1858 г. женился на другой женщине). В лирике Вичаец, публиковавшей свои произведения с 1848 г., ярко отразились ее душевные переживания и разные стадии ее духовного и поэтического созревания. Все ее творчество, скромное по объему и не полностью доступное читателю при жизни, представляет собой

сплошной лирико-философский дневник; в поздних произведениях любовь теряет свои конкретные очертания, растворяется в мистико-любовь теряет свои конкретные очертания, растворяется в мистико-философской образности. Поэзия и проза Вичазец открывают собой новую в истории серболужицкой литературы традицию, связанную с очевидным отходом от типичной для ее современников фольклорной основы творчества и национально-гражданственной проблематики.

Целая группа верхнелужицких поэтов-католиков этого периода начинала свои первые шаги в литературе в Праге, в обществе лужицких студентов "Сербовка", основанном в 1846 г. К числу первых поэтов и основателей этого общества относится Миклавш Яцславк (1827–1862), выступивший впервые в рукописном альманахе "Кветки" в 1846–1847 гг., а затем публиковавшийся в газете "Ютничка", издававшейся будишинскими католиками в 1848–1850 гг. Его стихотворения проникнуты любовью к родине, в них воспеваются романтически трактуемое славянское единство, отчетливо ощущается социальный оптимизм, в формальном плане его стихи близки к политической лирике Зейлера и Вели-Радысерба. Более разнообразно в тематическом плане поэтическое творчество Михала Горника, опубликовавшего в "Кветках" в 1850–1856 гг. около 40 стихотворений, эпиграмм и переводов (в том числе первый перевод на верхнелужицкий язык "Слова о полку Игореве" в 1853–1854 гг.) и позднее регулярно печатавшегося в верхнелужицких газетах и журналах. Горник писал баллады и романсы, политические и патриотические стихотворения, некоторые из них стали популярными песнями; он был также одним из самых активных переводчиков со многих славянских и западноевропейских языков.

Но самым плодовитым и популярным из поэтов "Сербовки" стал Ян Чесла (1840–1915), первые стихотворения которого появились на страницах рукописной иллюстрированной газеты "Серб", выпускавшейся пражскими лужичанами в 1861–1862 гг. В 1862–1871 гг. он является одним из самых активных авторов журнала "Лужичанин", где было опубликовано большинство его лирических и лиро-эпических произведений. В поэзии Чеслы заметно расширяется круг используемых им исторических тем и сюжетов, в обработке которых он достигает органического единства лирического и эпического начал, что подчеркивает своеобразие и оригинальность его дарования рядом с Зейлером (у которого ярче выражено лирическое начало) и Велей-Радысербом (который преимущественно эпик). Особенно важный вклад внес Чесла в разработку и утверждение жанра исторической романтической поэмы с националь-

ным содержанием: "Сербский король" (1864) и "Король Шибы-слав. Лирико-эпическая поэма в трех частях" (1868), а также целый ряд других стихотворений и баллад с историческим и историко-мифологическим содержанием. В основе этих произведений – героический период ранней истории серболужичан, когда они с успехом отражали попытки покорения их Карлом Великим в 805–806 гг. и в течение почти двух столетий сохраняли самостоятельность, несмотря на постоянные нападения германских племен. Долго живя в Праге, Чесла был и одним из крупнейших переводчиков чешской литературы, его перевод драмы В. К. Клицперы "Роговин Штыригоач" (1862) стал первой пьесой, поставленной в 1862 г. на верхнелужицком языке.

Во второй половине 1870-х годов в литературу вступает **Якуб Барт** (псевдонимом Чишинский он впервые подписал свою "Книгу сонетов" в 1884 г.), ставший крупнейшим верхнелужицким поэтом после Зейлера, продолжавшим и развивавшим его традиции на новом этапе историко-литературного процесса. Став во главе "младосербов", Я. Барт на первых порах активно стремился придать новый размах идеям национального возрождения, укрепить социальную и творческую активность интеллигенции, устранить настроения усталости и пессимизма и в новых исторических условиях возродить союз с социально-активной частью крестьянства, необходимый для национальной консолидации и духовного противостояния нарастающему немецкому шовинизму. Поэтому в ранних произведениях он поднимает общезначимые социальные проблемы, стремится создавать широкие эпические картины народной жизни в разных жанрах: в поэме "Жених" (1876–1877, 3.000 строк гексаметром) молодой крестьянин Якуб борется за свое счастье с любимой девушкой и в конечном итоге побеждает (чувствуется некоторое влияние "Германа и Доротеи" Гёте); в стихотворной трагедии "В крепости" (1880, первая верхнелужицкая пьеса, поставлена на сцене в 1897 г.) изображен драматический эпизод борьбы полабских и серболужицких племен против франков, трагедия насыщена намеками на современность и призывами к национальной активности; он создает и еще целый ряд драматических и прозаических произведений историко-патриотического и актуально-политического содержания.

В 1880-е годы Барт-Чишинский постепенно осознает свое важнейшее призвание – стать реформатором верхнелужицкой лирики, вывести ее на современный ему европейский уровень. Один за другим выходят сборники его стихотворений: "Книга сонетов" (1884), "Формы" (1888), "Природа и душа" (1889), "Сербские звуки" (1893), "Из жизни" (1899), "Кровь и родина" (1900), "В орлином

полете" (1904), "К миру" (1906), "Радость и печаль" (1908), "Сербские картинки" (1908), "Свет с вышины" (1909) и др. Стремясь к обновлению верхнелужицкой поэзии, Барт-Чишинский идет по нескольким направлениям: во-первых, стремится к совершенствованию и разнообразию форм, осваивая жанр сонета, свободный стих и т. д., оттачивая рифму и ритмический строй; во-вторых, он открыто вносит ярко окрашенное индивидуальное начало в свою поэзию, считая, что эпоха растворения личности поэта (к концу XIX в. он открыто выступит против "эпохи Зейлера") в народно-фольклорно-песенной стихии окончательно прошла; в-третьих, сохраняя и укрепляя национальное начало в поэзии, он стремится преодолеть ее национально-романтическую специфику и характер, для чего усиливает конкретно-реалистическую направленность описаний картин природы, углубляет и индивидуализирует социально-психологическую характеристику лирического героя, который все события внешнего мира – вплоть до истории и современной ситуации своего народа – пропускает через личную судьбу, ее проблемы, конфликты, трагедии и неустроенности. Истоки этой новой для верхнелужицкой литературы поэтической традиции можно обнаружить у Г. Вичазец, Я. Чеслы и даже в отдельных стихотворениях Г. Зейлера, но лишь в поэзии Барта-Чишинского все эти тенденции достигают окончательного оформления и высокого художественного совершенства. Постепенно отойдя от народнических идей "младосербов", Барт-Чишинский сосредоточился на поэтическом творчестве, считая, что путь к новым вершинам национальной культуры заключается в достижении новой ступени "национальной индивидуальности", которую писатель выражает и формирует, вырабатывая свою "поэтическую индивидуальность", отражающую глубинный, но еще не высказанный в слове дух своего народа⁹. Многие стихотворения Барта-Чишинского проникнуты чувством трагического разрыва между духовным идеалом и действительностью, что, однако, не мешало поэту на практике до самых последних лет активно участвовать в общественной и литературной жизни.

Наиболее яркими представителями нижнелужицкой поэзии в этот период были **Кито Фриц Стемпель** (1787–1857) и **Мато Косык** (1853–1940). Стемпель, известный при жизни как переводчик Федра и Феокрита, остался незамеченным и непонятым как автор крупных философских поэм "Три могучих горна" (1859–1863) и "Поиски старой луны, или Покорение лужицких сербов" (в двенадцати песнях, но рукопись до сих пор не обнаружена). Хотя отрывки из первой поэмы публиковались в лужицкой прессе, содержание ее не нашло отклика даже у крупнейшего серболужицкого

литературоведа Корлы Августа Енча (1828–1895), которому Стемпель посылал рукопись, надеясь на понимание и поддержку. Текст поэмы был заново обнаружен Ота Вичазом в 1950 г. и опубликован Рудольфом Енчем в 1963 г. Необычность темы, содержания и формы – все это отталкивало современников поэта, погруженных в текущую литературную и общественную борьбу и не понявших, что поэма “не утрачивает своей оригинальности, если даже мерить ее мерками мировой литературы”¹⁰. В трех частях этой поэмы, написанных силлабическим стихом (более 3.000 строк) и озаглавленных “Звук”, “Голос” и “Речь”, мир представлен как “акустический феномен”¹¹ во всем многообразии его смысловой “озвученности”: от шумов и звуков неорганической природы, пения птиц и звуков животных до человеческого голоса и осмысленной человеческой речи. Поэт дает свою трактовку природно-божественного происхождения и смысла человеческого голоса и речи, подводя тем самым к оригинальной трактовке серболужицкого языка и народа, носителя этого языка. Философские корни концепции Стемпеля скорее всего восходят к “Идеям к философии истории человечества” И. Г. Гердера, но поэтическая разработка их совершенно оригинальна и пока не обнаруживает аналогии во всей мировой литературе. Отсюда и трудности, возникающие даже при ее современных оценках.

Мато Косык гораздо более традиционен, в его раннем творчестве, по мнению современного немецкого слависта В. Кошмалля, еще ярко выражен “синкретизм религиозно-фольклорной традиции”, играющий важнейшую конституирующую роль в литературах малых народов¹². Первый период творчества Косыка отмечен публикациями лирических и актуально-политических стихотворений (с 1878 г.) и двух больших поэм: “Сербская свадьба в Блотах” (1880) и “Предательство маркиграфа Геро” (1881). Первая из них, созданная без влияния “Сербской свадьбы” Зейлера, написана гекзаметром и выдержана в жанре деревенской идиллии. В трех частях поэмы со всеми возможными поэтическими фольклорными подробностями рассказывается о подготовке к свадьбе, об обряде приготовления невесты и, наконец, о самой свадьбе. Вторая поэма носит национально-патриотический характер и построена на исторической легенде об убийстве германским маркиграфом Геро славянских вождей, которых он обманом завлек к себе для мирных переговоров (эта легенда привлекла также чешских писателей П. Безруча, А. Ирасека и др.). В 1883 г. Косык с группой нижнелужицких эмигрантов (эмиграция из Сербской Лужицы началась еще в 1850-х годах) перебрался в США, сохраняя контакты с родиной и продолжая время от времени публиковаться в серболужицкой

прессе. В 1893 г. нижнелужицкие студенты издали "Сборник нижнелужицких песен", собрав разбросанные в периодике и новые стихотворения поэта (Косык в последний раз побывал на родине в 1886–1887 гг.).

С 1840-х годов, наконец, стала интенсивно развиваться серболужицкая проза, заполняя многие страницы национальной прессы. Первое книжное издание вышло в 1847 г. — это был сборник "Рассказов" Я. Вели-Радысерба, самого популярного прозаика рассматриваемого периода. Веля разрабатывал жанры дидактического бытового рассказа, рассказа-анекдота, рассказа с социально-политической подоплекой; специальные циклы он посвятил сюжетам, воплощающим морально-этический кодекс лужицких крестьян и ремесленников ("Тройники", 1885; "Новые тройники", 1896). Веля-Радысерб сознательно выбирал простые, словно выхваченные из жизни сюжеты, излагал их ясно и общедоступно, активно используя разговорные обороты речи, народные пословицы и поговорки. Он впервые широко разработал историческую тематику в верхнелужицкой литературе: в повести "Наступление около Букец" (1852), в новелле "Крест и полумесяц, или Турки под Веной в 1683 году" (1883), новелле "Ян Маня, или Где дом мой" (1896), посвященной проблемам серболужицкой молодежи, эмигрировавшей в Америку; в повести "Битва под Будишином" (1891). При всей дидактической незамысловатости все эти произведения сыграли важную роль в становлении самого жанра исторической прозы, до того в верхнелужицкой литературе не существовавшего. В историю лужицкой культуры Веля-Радысерб вошел также как непревзойденный знаток и неутомимый собиратель народной мудрости: в 1902 г. он издал собрание "Серболужицкие пословицы" (десять тысяч пословиц), в 1909 г. вышла книга "Народные метафоры" (5600 метафорических выражений), в 1907 г. — сборник "Загадки" (900 загадок). Все это богатство писатель постоянно использовал в своих художественных произведениях. В формирование жанра исторической прозы внес свой вклад и молодой Барт-Чишинский, написавший в 1873–1874 гг. новеллу "Юнкер", действие которой отнесено к эпохе наполеоновских войн.

У истоков жанра актуальной социально-политической прозы стоит повесть верхнелужицкого писателя Я. Б. Мучинка "Грибовчане, или Политическое повествование из наших времен" (1849), события в которой разворачиваются в революционном 1848 году, хотя и в специфическом ракурсе: в течение всей повести молодой

учитель, симпатизирующий революционно-демократическим взглядам, ведет пространные беседы с крестьянами в деревенской пивной, разъясняя им суть происходящих в мире событий и попутно рассказывая некоторые эпизоды из героического прошлого Сербской Лужицы, чтобы пробудить национальное и социальное достоинство своих незадачливых собеседников. Мучинку принадлежит также целый ряд рассказов о прошлом Сербской Лужицы. В жанрах актуально-политической, сатирической и дидактической прозы выступают в этот период **Юлиус Эдуард Велан** (1817–1892), **Ян Бартко**, **Миклавш Яцславк**, **Михал Горник** и многие другие. Из общего потока этой прозы, редко выходившей за пределы среднего беллетристического уровня, заметно выделяется написанная под влиянием **Г. Сенкевича** историческая повесть **Юрия Вингера** (1872–1918) "Гронов" (1893), освещающая события тридцатилетней войны 1618–1648 гг. с позиций участвовавших в ней серболужичан. В повествование вплетены мотивы насильственной германизации, подчиненного социального положения серболужичан, что осовременивало повесть и придавало ей актуальность, не разрушая художественную целостность. В целом можно отметить, что серболужицкая проза в этот период еще не породила таланты общеславянского и общеевропейского масштаба, как это – до определенной степени – можно утверждать по отношению к серболужицкой поэзии.

Жанр **драмы** – при всей его важности для развития национальной культуры и общественной жизни – оставался в этот период в зачаточном состоянии. После трагедии "В крепости" **Барт-Чишинский** предпринимал еще несколько попыток создать национальную драму и театр, но он был прирожденный лирик и скоро осознал искусственность своих попыток. Предпринимались также усилия ставить любительские спектакли на основе переводных (в основном чешских) пьес, но и они в этот период не дали существенных результатов. Вообще связи с чешской литературой и литературной общественностью (через "Сербовку", но и помимо нее) продолжали в целом оставаться наиболее интенсивными, по количеству переведенных произведений чешская литература тоже стоит на первом месте, за ней следуют польская и русская.

Таким образом, можно отметить, что при очевидной замедленности формирования разветвленной системы литературных жанров серболужицкая литература в целом развивалась во второй половине XIX в. весьма интенсивно. В эстетическом плане это сказалось в постепенно наметившемся отказе от преобладания фольклорно-романтической доминанты и развитии социально-критических реалистических тенденций, а также в усилении индивидуального, субъективного начала в поэзии и прозе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2. С. 20.
2. Срезневский И. И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы. Цит. по: Létopis. Rjad A. Budyšin, 1985. Со. 32/2. Str. 206.
3. Обзор основных точек зрения см.: Völkel M. Serbske nowiny a časopisy w zašłosći a w přitomnosći. Budyšin, 1984. Str. 20–25.
4. Там же. С. 21.
5. Лаптева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). М., 1983. С. 152–157.
6. Geschichte der Sorben. Bd. 2. Budyšin, 1974. S. 118.
7. Völkel M. Serbske nowiny a časopisy... Str. 62.
8. Haupt. L., Smoler J. A. Volkslieder der Sorben in der Ober- und Niederlausitz. – Pěsnički hornich a delnich Lužickich Serbow. Bautzen/Budyšin, 1984.
9. Bart-Ćišinski J. Zhromadžene spisy. Zwjazk IX. Budyšin, 1974. Str. 77–121. (Статья "Литература лужицких сербов с подробным освещением ее места в современности").
10. Stempel R. Fr. Te tśi rychte tšubały a druge pěsni. Budyšin, 1963. Str. 52.
11. Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch. Hrsg. von K. Lorenz. Leipzig, 1981. Str. 239.
12. Koschmal W. Perspektiven sorbischer Literatur // Perspektiven sorbischer Literatur. Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar, Wien, 1993. S. 14–17.

Рубеж XIX–XX вв. был одним из самых противоречивых периодов в истории Сербской Лужицы и ее литературы. Идеалы национального возрождения, еще в 1870-е годы вдохновлявшие "младосербов", требовали адаптации к новым историческим обстоятельствам, которые насильно вовлекали серболужицан в чуждый их многовековому образу жизни водоворот социальных сдвигов и политических потрясений. Специфика складывающейся ситуации применительно к малочисленному серболужицкому народу (150.000 в конце XIX в., живших к тому же не монолитно, а в сильно "разбавленной" немцами среде) состояла в том, что бесперспективными по существу оказывались оба пути национального развития, определившие глубинную подоплеку идейных разногласий в Матице серболужицкой уже с 1848 г. "Старосербы", представлявшие авторитарную верхушку Матицы, предлагали мирную интеграцию в общегерманское движение по капиталистическому пути, что – как им казалось еще в 1870-е годы – должно было привести к сглаживанию социального и национального неравенства. Но они идеализировали буржуазные права и свободы, с помощью которых надеялись осуществить свои планы. Самая большая угроза дальнейшему существованию лужицкого народа проистекала в этот период не из социально-экономических, а из социально-этнических условий. Немецкие капиталисты прокладывали через Лужицу железные дороги, организовывали на ее территории угольнодобывающую и химическую промышленность (первые лужицкие деревни были стерты с лица земли не в ГДР, а еще в XIX в.), строили текстильные фабрики, организовывали акционерные общества и банки. Поскольку национальная буржуазия в Сербской Лужице полностью отсутствовала, то лужичане могли участвовать во всех этих предприятиях только в качестве наемной рабочей силы. Пролетаризация деревенского населения, захватившая в конце XIX в. Верхнюю и Нижнюю Лужицы, затрагивала самые сущностные основы жизни народа, ибо лужичане, уходившие из деревни на немецкую фабрику, попадали в среду, где излишними оказывались не только их прежние привычки и обычаи, но и сам их язык. "Младосербы", осознавшие эту опасность и дружно выступившие в середине 1870-х годов, по существу предлагали искать новые формы народной общности, которые смогли бы не только удержать ее от распада, но и, заметно укрепив, способствовать дальнейшему движению по пути национального возрождения. Титанические усилия "младосербов" в конечном итоге тоже заходили в тупик,

потому что не в их силах было остановить или даже задержать наступление капитализма на лужицкие земли. И все же нельзя сказать, что их "хождения в народ" пропали даром: организовывая различные сходки, молодежные праздники, концерты, любительские театральные постановки, они пробуждали дух солидарности и желание выстоять, противопоставляя империалистической германизации различные формы национальной сплоченности.

Это тяготение к сплоченности проявило себя в разных сферах, перешагнув научные, литературные и культурно-просветительские рамки, характерные для Матицы серболужицкой, имевшей дело, как правило, с образованной элитой. В 1888 г. было создано Центральное серболужицкое крестьянское общество, ставшее важной вехой на путях поиска новых форм народной солидарности. Это общество быстро стало популярным и проводило разнообразную работу: от обмена передовым опытом и оказания материальной помощи обедневшим хозяйствам до организации культурных мероприятий. Вслед за ним стали создаваться и другие крестьянские союзы. В 1898 г. талантливый организатор и публицист Арношт Барт (1870–1956) выдвинул программу объединения всех крестьянских союзов и обществ в единую национальную организацию, которая была создана в 1912 г. и получила название Домовина (родина, отчизна). Она вобрала в себя также и культурно-просветительские общества, став – впервые в истории Сербской Лужицы – действительно всенародной организацией, объединившей все прослойки населения и выполнявшей в последующей истории Сербской Лужицы функцию национального представительства. Но и этот серьезный успех в деле организационного сплочения народа на практике значительно ослаблялся отсутствием материальных средств, способных подкрепить какое-либо крупное начинание, и отстраненностью Домовины от всякого реального участия во внешней и внутренней политике вильгельмовской Германии. Во всех случаях, требовавших даже не особенно значительных материальных вложений, лужичанам приходилось либо обращаться за помощью к соседям-славянам, либо распространять среди населения так называемые "подписные листы", объявлять всенародный сбор средств на то или иное предприятие. Еще Ян Арношт Смолер (1816–1884) должен был регулярно просить помощи у русских славянофилов, чтобы не дать заглухнуть развивающемуся издательскому делу. Когда после смерти крупнейшего и популярнейшего поэта Гандрия Зейлера (1804–1872) "младосербы" – и в первую очередь Арношт Мука (1854–1932) – задумали издать собрание его сочинений, то при всем энтузиазме сбор денег растянулся на несколько лет, и четырехтомник (первое собрание сочинений

в истории серболужицкой литературы) был опубликован лишь в 1883–1891 гг. Еще в начале 1870-х годов возникла идея построить хотя бы единственный дом национальной науки и культуры, где могли бы размещаться национальные архивы и библиотека, проводиться собрания и т. д. Строительство Серболужицкого дома было завершено в 1904 г. после многолетних и огромных усилий по сбору средств и самому строительству. Подготовленный А. Мукой еще в самом начале XX в. и признанный крупнейшими славистами образцовым "Словарь нижнелужицкого языка и его диалектов" не нашел себе издателей ни в Сербской Лужице, ни (несмотря на поддержку А. Лескиена и других немецких славистов) во всей Германии. Печатание его началось в Петербурге в 1911 г. и завершилось в Праге в 1928 г. Об этом социально-экономическом и культурном фоне необходимо помнить, особенно при сравнении с реальной культурной жизнью ближайших соседей славян (чехов и поляков), где была собственная феодальная и буржуазная прослойки, всегда имевшие те или иные возможности для содействия развитию национальной культуры.

В то же время серболужицкая культура и в этот период находила своих почитателей и пропагандистов в разных странах, которые не только активно овладевали серболужицкими языками, включаясь в историко-литературный процесс, но и оказывали лужичанам посильную материальную помощь и духовную поддержку. Из них необходимо особо выделить чеха **Адольфа Черного** (1864–1952), издававшего в 1898–1914 гг. в Праге ежемесячник "Славянское обозрение" ("Slovanský Přehled"), где большое место занимали материалы о Сербской Лужице, написавшего немало трудов по истории, культуре и литературе Лужицы (в том числе и на верхнелужицком языке) и переведшего на чешский язык многие произведения лужицких писателей. Уже в 1907 г. в Праге было основано Общество чешско-лужицкой дружбы "Адольф Черный", немало сделавшее для поддержки лужичан. Заметным верхнелужицким писателем стал немец **Ян Валтар** (1860–1921), с 1883 г. публиковавший свои стихи в журнале "Лужица" ("Lužica"), а впоследствии — сборники рассказов и исторические романы. По-нижнелужицки написана большая часть произведений немца-полиглота **Юрия Зауэрвайна** (по-лужицки он подписывался **Юро Зуровин**, 1831–1904). Также и поляк **Альфонс Парчевский** (1849–1933) был восторженным другом лужичан и очень много сделал для пропаганды их литературы и культуры в Польше.

В 1890-е годы в верхнелужицкой литературе происходит ошущимая смена поколений: умирают или уходят с литературной сцены писатели и деятели культуры, во многом определявшие подъем

национального возрождения во второй половине века: Михал Горник (1833–1894), Корла Август Енч (1828–1895), Якуб Бук (1825–1895), Михал Домашка (1820–1897), Яромир Хендрих Имиш (1819–1897), Корла Август Мосак-Клосопольский (1820–1898), Ян Бартко (1821–1900), Ян Богумер Мучинк (1821–1904), Ян Чесла (1840–1915) и некоторые др. Но эти утраты в 1890-е годы еще не были столь очевидны – в литературу уже успешно вступило молодое поколение, в этот период пополнявшееся прежде всего выпускниками пражской "Сербовки" (с 1846 г.), выпускавшей к тому же и свой литературный журнал "Кветки" ("Цветы"), в котором почти все они обнародовали свои первые литературные опыты: Якуб Барт Чишинский (1856–1909), Миклавш Бедрих-Радлюбин (1859–1930), Миклавш Андрицкий (1871–1908), Ян Арношт Голан (1853–1921), Юрий Либш (1857–1927), Юрий Вингер (1872–1918), Ромуальд Домашка (1869–1945), Якуб Лоренц-Залеский (1874–1939). Гораздо ощутимее кризис и спад последней волны национального возрождения проявился после 1905 г., когда надолго ушел из литературной жизни Я. Лоренц-Залеский, умер один из крупнейших писателей национального возрождения Ян Веля-Радысерб (1822–1907) и – вслед за ним – крупнейший верхнелужицкий поэт этого периода Я. Барт-Чишинский. Почти демонстративный уход с литературной арены Я. Лоренца-Залеского, с огромным темпераментом выступавшего в 1890-е годы с защитой идей национального возрождения, был лишь наиболее очевидным симптомом общего кризиса, вызванного все усиливающимся нагнетанием шовинистической атмосферы в Германии, которую М. Андрицкий в 1907 г. после выборов в рейхстаг охарактеризовал следующими словами: "Милитаризм и прусский шовинизм вступают в свою золотую эру"¹. Национал-шовинистическая демагогия не желала считаться ни с какими аргументами, она широко распахивала ворота и перед лужичанами, но с одним условием: окончательно забыть о своих славянских корнях и слиться с немцами в едином национальном потоке "почвы и крови". Показателем кризиса является и то, что организованный М. Андрицким в 1900 г. Союз серболужицких писателей прекратил свою деятельность в 1906 г. и был вновь воссоздан в 1920-х годах.

Но огромный духовный потенциал идей национального возрождения и реальный организационный механизм культурно-просветительских обществ, отлаженно действовавший еще на рубеже веков, не могли заглухнуть в одночасье. Развитие национальной культуры и литературы, переживая определенную стагнацию, не прекратилось даже в годы первой мировой войны, в которой лужичане вынуждены были участвовать в качестве солдат рейхсве-

ра. Кризисные годы воспитали целую плеяду талантливых писателей и публицистов, определивших новый этап развития и несомненного расцвета серболужицкой литературы в годы Веймарской Республики (1919–1933).

Крупнейшим верхнелужицким поэтом оставался до конца своей жизни Я. Барт-Чишинский. Пройдя в 1870-е годы штурмерский этап народничества, он вместе с А. Мукой возглавил литературное движение "младосербов". 1880-е годы стали для него годами овладения поэтическим мастерством, разнообразием лирических форм и жанров ("Книга сонетов", 1884; "Формы", 1888; сборник был сразу же высоко оценен Ярославом Врхлицким). Церковные власти осудили Барта-Чишинского за сборник "Природа и душа" (1889), основу которого составляет интимная лирика, порожденная его дружбой с чешской Терезой Сааковой, певицей дрезденской оперы (Барт-Чишинский был католическим священником). Поэт надолго замолчал. Но приближавшийся 50-летний юбилей Матицы серболужицкой (1847–1897) побудил его взяться за "особую книжку, которая пришлась бы по душе не только моим соотечественникам, но и другим друзьям и покровителям нашей народности показала бы богатство нашей родной речи и движение нашей литературы за 50 лет", как сказано в авторском предисловии к сборнику "Сербские звуки" (1897). Осознавая себя в качестве национального поэта, Барт-Чишинский ищет новые подходы к народно-патриотической тематике, основной для серболужицкой литературы на всех этапах национального возрождения. Эти новые подходы он видит в отказе от фольклоризма, характерного для Г. Зейлера и его школы, в усилении личностного начала, не выходящего, однако, за рамки реализма, в развитии чувства художественной формы и поэтического языка. И предисловие и стихотворный пролог носят программный характер:

Отчизны милой звуки храните честь мою,
Свою любовь и верность я сербам отдаю.

Стоит напомнить, что в момент работы над сборником поэт находился под опалой церковных властей и до 1903 г. вынужден был жить за пределами Лужицы. Тоска по родине и желание помочь своему народу сохранить подрываемые со всех сторон единство и целостность сами собой приводили к патетическим и романтическим призывам и образам, близким к Г. Зейлеру, от которого Барт-Чишинский пытался отойти:

О серб, люби свой отчий край, –
Ты всю любовь ему отдай!

Но он находит и новые образы, напоминающие о жизни предков, об истории; почти все они пронизаны мыслью о том, что не от внешних

обстоятельств, а только от самих серболужичан зависит и будет зависеть, сумеют ли они сохранить свой этнос, народ и культуру. Сама Лужица представляется то маленьким островом-скалой, вокруг которого тысячелетиями бушует враждебное море, не в силах ни потопить, ни разбить его, то крошечной мерцающей звездой в сонме звезд Млечного Пути. Она, кажется, вот-вот погаснет, но от кого зависят сроки ее мерцания?

В следующем поэтическом сборнике "Из жизни" (1899) усиливаются мотивы грусти, пессимизма и разочарования, передаваемые через созерцание природы (цикл "На северном море") или через осмысление собственных переживаний и настроений (циклы "В минуты забвения", "В горячке"). В книге "Кровь и родина" (1900), носящей подзаголовок "баллады", поэт стремится уравновесить лирическое и эпическое начала. Стихотворный пролог носит лирический и декларативный характер – этим сборником поэт подводил итоги 25 лет своей писательской деятельности. Пролог состоит из пяти строф (по шесть строк в строфе), четыре из которых завершаются констатацией:

Вся жизнь моя – в борьбе и в боли,
И лишь перо – броня, и щит, и воля.

Поэт размышляет о своей жизни, о правильности избранного пути, взвешивает свои силы, и в последней строфе, перефразируя основной лейтмотив, делает оптимистический акцент:

Но если жизнь – в бореньях день за днем,
То стань, перо, моим поводырем!

Сборник составлен из баллад, разделенных на два цикла: "Из сербской истории" и "На сербской земле". Сюжеты баллад первого цикла взяты преимущественно из исторических и мифологических источников, второй цикл составлен из сюжетов, почерпнутых из непосредственной современности, из рассказов крестьян или даже из газет. Барт-Чишинский и раньше писал баллады, но именно этот сборник закрепил за ним славу одного из лучших мастеров балладного жанра в серболужицкой литературе.

При жизни были опубликованы еще несколько стихотворных сборников поэта: "В орлином полете" (1904), "К миру" (1906), "Сербские картинки" (1908). В 1908 г. Барт-Чишинский подготовил к печати свой последний сборник, своеобразное духовно-эстетическое завещание. Книга "Свет с вышины" была издана А. Мукой уже посмертно; он же собрал и опубликовал в 1913 г. те стихотворения, которые сумел обнаружить в рукописях Барта-Чишинского. В 1969–1985 гг. в ГДР было издано собрание сочинений писателя в 14 томах.

Значение Барта-Чишинского в истории лужицкой поэзии огром-

но, его роль сопоставима лишь с ролью Г. Зейлера. Они дополняют друг друга в силу различия эпох и дарований, в силу различия характеров и связанных с ними индивидуальных судеб. При всем трагическом звучании отдельных стихотворений Зейлера его поэзия – поэзия приятия мира как прекрасного создания Творца, в ней широко разливается свет, тепло, спокойствие и радость, в ней царит божественный миропорядок, определяемый национальными традициями и непоколебимыми устоями крестьянской жизни. Общепризнанное и индивидуальное мироощущения слиты у Зейлера нераздельно. Барт-Чишинский по натуре – поэт глубоко индивидуального мироощущения, по своей основной тональности трагического. Внешний успех и признание были необходимы ему, они поддерживали его, вырывали из замкнутого круга личных проблем, – в то время как Зейлеру широкое признание было по сути безразлично. Зейлер пел, как пела его душа, Барт-Чишинский, напротив, тщательно работал над формой, ориентируясь прежде всего на славянских классиков: польских, русских и чешских. То, что Зейлер был протестантом, а Барт-Чишинский католиком, очевидно, сказалось и на их творчестве (но эта проблема еще никем не исследована), но еще очевиднее это сказалось на истории восприятия и интерпретации их творчества католиками и протестантами (не только лужицкими), на что достаточно убедительно указал уже Рудольф Енч². Но все же Барта-Чишинского читали и читают сегодня и католики и протестанты, читают как поэта, который оставался прежде всего поэтом даже в той части своей поздней лирики, которую традиционно принято считать религиозной:

Все еще скребет и колет
В сердце боль утрат моих,
Но в душе слабеют боли, –
Дух вознесся выше них.
И волнует, и трепещет,
И мерещится покой:
С каждой болью к цели вечной
Я все ближе, Боже мой!
Эгоге. ("Свет с вышины", 1908)

Из протестантских поэтов периода в верхнелужицкой литературе наиболее оригинальным было творчество Матяя Урбана (1846–1931), внесшего заметный вклад как в религиозную, так и в светскую лирику. Окончив теологический факультет в Галле, Урбан до 1902 г. был священником лютеранской церкви в Вукранчицах и одновременно обучал детей верхнелужицкому языку в местной школе, где преподавали одни немцы. В результате затяжного конфликта со школьными и церковными властями Урбан был досрочно отправлен на пенсию. В 1903 г. он переехал в Будишин и до конца жизни занимался в основном литературной деятельностью.

В 1904 г. отдельной книжкой вышла поэма Урбана "Королевская игра, или Шахматы. Трилогия о сущности, ценности и цели игры, ее теоретическая и практическая характеристика в дистихах на латинском, немецком и серболужицком языках". Витиевато-пышное название и поставленные автором цели – все это напоминает о самом начальном этапе национального возрождения в Сербской Лужице, когда Ю. Мень в 1767 г. перевел "Мессиаду" Клопштока и написал поэму "Лужицкого языка возможности и восхваление в поэтической песне". Очевидные успехи, достигнутые несколькими поколениями деятелей национального возрождения, создавшими национальную литературу и разветвленную национальную прессу, отнюдь не принесли уверенности в том, что достигнут главный результат: устранена угроза существованию национального этноса. С конца XIX в. процессы германизации снова усилились, и в этот период ничто не могло повернуть их вспять. Урбан, сам переживший сужение ареала функционирования живых лужицких языков и диалектов, стремился хотя бы в сфере литературного языка закрепить и развить достигнутое его предшественниками. Его поэтическое творчество с начала XX в. развивается по трем направлениям. Во-первых, он стал одним из самых плодотворных и крупных религиозных поэтов: в общей сложности им написано около 400 поэтических текстов религиозного содержания (псалмы и другие стихотворения на религиозные сюжеты), публиковавшихся в журналах, газетах, календарях и отдельными книгами (с 1904 г.). Специфика религиозной лирики Урбана в том, что, являясь таковой по содержанию, она была свободной и разнообразной по форме: акростих, сапфическая ода, алкеева строфа, но также и формы, близкие к народной песне. Все это Урбан использовал, опираясь на богатую национальную традицию религиозной поэзии, но также и на лучшие образцы немецкой религиозной лирики (прежде всего П. Герхардт, М. Клаудиус и Ф. Г. Клопшток). Во-вторых, Урбан был одним из крупнейших переводчиков мировой поэзии на верхнелужицкий язык – прежде всего античной, затем немецкой и славянской. Важнейшее его достижение в этой области – перевод "Илиады" и "Одиссеи" Гомера. Работу он начал в 1908 г., с 1911 г. в журнале "Лужица" печатаются отдельные песни "Одиссеи", в 1916 г. там же началась публикация "Илиады". Отдельной книгой "Одиссея" вышла в 1921 г., "Илиада" – в 1923 г. Объявляя своим читателям о завершении своего титанического труда, Урбан опубликовал в газете "Сербске новины" дистих:

Библия – дар человечеству божий и вечный,
Рядом бессмертно стоит непревзойденный Гомер.

И, наконец, в-третьих, Урбан был оригинальным поэтом, написавшим немало светских стихотворений, в основном национально-патриотического содержания. Эти стихи были собраны в сборниках "Отечественные стихотворения" (1904) и "Освежающий букет цветов" (1907), в подзаголовке которого стояло обозначение жанра: "отечественные сонеты". Используя сложные античные размеры и сонетную форму, Урбан стремится к простоте и общедоступности содержания. Если в первом сборнике преобладает окрашенная юмором житейская дидактика, своеобразно оттеняющая основную, патриотическую, тему, то во втором лейтмотивом является зарифмованная патриотическая проповедь, облеченная в форму сонета. Поклонники Барта-Чишинского увидели в этих сборниках вызов непререкаемому авторитету, завязалась довольно резкая полемика, в которую вмешался сам Барт-Чишинский, посоветовавший Урбану продолжать писать стихотворения и духовные песни, но оставить сонеты³. Основным упрек, наиболее резко сформулированный молодым писателем-католиком **Михалом Навкой** (1885–1968), сводился к отсутствию у Урбана новых идей в раскрытии национально-патриотической тематики и к превалированию дидактики над художественной образностью. Рецензент был во многом прав, и все же резкость этой полемики сегодня трудно объяснить иначе, как не изжитыми еще внутренними противоречиями между католиками и протестантами, которые дополнительным бременем ложились на и без того сложную общественную и литературную ситуацию в Сербской Лунице. Большую материальную и духовную поддержку Урбану оказывал Арношт Мука, всегда высоко оценивавший творчество поэта. Не скупился на похвалы и **Ота Вичаз** (1874–1952), крупный филолог, переводчик, публицист и издатель, называвший Урбана "знаменитым серболужицким Гомером, лучшим переводчиком Гомера во всей мировой литературе"⁴.

Традиции народно-песенной лирики Г. Зейлера продолжали в этот период **Ян Хайнца** (1852–1926), **Ян Цыж** (1883–1948, выступал также под всевдонимом Душан), **Йозеф Якубаш** (1890–1958), а также словак по происхождению **Ян Эмануэл Добруцкий** (1854–1921), родившийся в том же местечке, что и Ян Коллар (Мошовцы, недалеко от Мартина), учившийся в Вене и в Лейпциге, где после прочтения книги сонетов своего знаменитого земляка ("Дочь Славы", 1824) загорелся идеей посвятить свою жизнь служению родственному славянскому народу. В 1881–1921 гг. он жил в Верхней Лунице, где дослужился до архидиакона, и — главное — с 1882 г. регулярно публиковался в журнале "Луница". В стихотворениях (но еще более отчетливо в прозе) Добруцкого переплетаются словацкие и лужицкие сюжеты и мотивы, они органично вписываются

в исторически обусловленный славяно-германский контекст (историческая повесть "Даниэль", 1902 г., и т. д.) и до определенной степени предваряют проблематику, получившую свое художественное завершение уже после второй мировой войны в творчестве немецкого писателя **Йоханнеса Бобровского** (1917–1965).

Для углубления духовного содержания и развития языка верхнелужицкой поэзии, ее сближения с европейскими стилевыми течениями рубежа XIX–XX вв. огромное значение имела лирическая проза **Миклаваши Андрицкого**, который в 1892–1895 гг. возглавлял "Сербовку" в Праге и там же, в рукописном журнале "Кветки", публиковал свои первые литературные опыты. Для развития поэзии наиболее важное значение имели его лирические циклы "Лето", "Весна", "Зимние картинки", в которых оформился новый для серболужицкой литературы жанр "стихотворения в прозе". Андрицкий, человек со сложной и во многом изломанной судьбой, обладал незаурядным лирическим талантом, острой наблюдательностью, большим общественным темпераментом. В его лирических миниатюрах импрессионистские зарисовки природы сплавляются с лейтмотивом трагической неустроенности собственной судьбы, которая становится символом трагической ситуации всего серболужицкого народа. Развивая субъективно-трагическую интонацию лирики Барта-Чишинского, Андрицкий углублял ее, смело вводя натуралистически-экспрессивные образы, примеры которых он находил в творчестве Ярослава Врхлицкого и Яна Неруды.

Дружба с Андрицким сыграла заметную роль в становлении творчества Я. Лоренца-Залесского, самого талантливого верхнелужицкого прозаика первой половины XX в. В самой же поэзии новаторские приемы Андрицкого были актуализированы в творчестве поэтов, вступивших в литературу в годы первой мировой войны или незадолго до нее: **Ян Кружа** (1880–1918), **Йозеф Новак** (1895–1978), **Ян Лайнерт** (1892–1974). Огромную роль в популяризации поэзии сыграл композитор, ученый и писатель **Юрий Пилк** (1858–1926), который собирал, обрабатывал и популяризировал не только народные легенды и песни (ему принадлежат в том числе первые опубликованные записи народных легенд о Крабате, "серболужицком Фаусте"), но и "озвучивал" стихотворения Барта-Чишинского и других поэтов. В содружестве с Я. Велей-Радысербом он написал либретто первой лужицкой оперетты "Смертница", а затем и музыку к ней. Но попытки поставить "Смертницу" на сцене в этот период не увенчались успехом: она исполнялась лишь в отрывках (1903, 1904), либо в виде оратории (1912).

Заметно расширились в рассматриваемый период горизонты верхнелужицкой **прозы**. Под влиянием Г. Сенкевича сформирова-

лись жанры исторической повести и романа – прежде всего в творчестве **Матая Хандрика** (1864–1945), **Юрия Вингера** (1872–1918), **Яна Вели-Радысерба** (1822–1907), **Яна Вальтара** (1860–1921), **Эмануэла Добруцкого** (1854–1921) и раннего **Якуба Лоренца-Залеского** (1874–1939). Из социально-критической реалистической прозы, обращенной к проблемам современности, стал постепенно вытесняться характерный для нее прежде элемент дидактизма. Дидактическое начало, еще столь очевидное в притчеобразных народнических рассказах и повестях Я. Вели-Радысерба и **Миклава Бедриха-Радлюбина** (1859–1930), заметно ослабевает или исчезает вовсе в прозе М. Андрицкого и **Михала Навки** (1885–1968). Андрицкого иногда сравнивают с Бартом-Чишинским: "Чишинский создал классический язык серболужицкой поэзии, Андрицкий сделал то же самое в серболужицкой прозе"⁵. "Классический" в данном случае не означает ничто иное, как достижение нового художественного качества прозы с помощью усиления субъективного начала, развития психологизма, освоения некоторых художественных приемов импрессионизма и символизма.

Личная судьба Андрицкого была трагичной с самого детства. Семья была переселена из Лужицы в Эльзас, когда ему не было еще и полугода, и в детстве он чаще слышал на улицах французскую и немецкую, но не родную речь. Через два года умерла мать, и эту утрату Андрицкий пронес через всю свою недолгую жизнь: "Самое большое лишение для меня на этом свете – то, что у меня нет матери и я не могу погоревать, прислонившись к ее плечу" (из письма Я. Лоренцу-Залескому от 19 апреля 1892 г.)⁶. В 1877 г. отец вернулся на родину, в село Пончицы, женился вторично. У мальчика рано обнаружились способности к учебе, но прошло время, пока отцу и мачехе стало ясно, что тяжелый крестьянский труд – явно не для него. С 1883 г. Андрицкий учится в монастырской школе в Будишине, в 1886 г. он попадает в Прагу, где обучается сначала в гимназии, а затем – в 1891–1895 гг. – на теологическом факультете Пражского университета. Он возглавляет пражскую "Сербовку", публикует свои первые сочинения и переводы в "Кветках"; активно изучает верхнелужицкий и чешский языки, преподает их, но литература (верхнелужицкая и чешская) все больше притягивает его. Андрицкий увлекается идеалами и творчеством "младосербов", чувствует себя призванным продолжать их традиции: "Писать по-сербски – мое самое любимое занятие. Я серб и сербом останусь"⁷. С большими колебаниями (уйдя на несколько месяцев в монастырь) Андрицкий решается принять духовное звание, убеждая себя в том, что именно в качестве духовного пастыря сможет "самым лучшим и непосредственным

образом служить народу" (из письма брату от 21 июня 1901 г.)⁸. Восемь лет (1895–1903) он работает капланом в Ральбицах, "самом бедном приходе под лужицким солнцем" (слова Андрицкого), пытаясь подчинить свою темпераментную и болезненно-чувствительную натуру строгому католическому уставу и убеждаясь, что "наша церковь прежде всего — церковь догматов и формальных церемоний" (в письме А. Муке от 24 июля 1899 г.). Уже в Ральбицах он начал пить и залезать в долги, что никак не вязалось с положением священнослужителя. Андрицкий осознавал это и терзался угрызениями совести; после 1903 г. он сменил четыре места, но так и не выбрался из физического и духовного кризиса — судьба, не очень типичная для стойких к превратностям жизни лужичан, но весьма показательная для европейской ситуации рубежа веков, связанной с декадансом, богемой и пышным расцветом модернистских течений в искусстве.

Но Андрицкий не стал модернистом по сути, его удерживала беспредельная любовь к своему народу, которая заставляла его через все неурядицы жизни и психические травмы не поддаваться соблазнам крайнего субъективизма, но вырабатывать ясный, точный и в конечном итоге доступный стиль. Утонченность и напряженная чувствительность соединялись в его натуре с огромным общественным темпераментом. В 1896–1904 гг. он был редактором журнала "Лужица", а в 1903–1904 гг. редактировал к тому же и газету "Католический вестник" ("Katolskij Pósof"). В 1900 г., как раз в пору общего кризиса и наступления реакции, он организовал Союз серболужицких писателей, который, хотя и распался в 1906 г. организационно, но после первой мировой войны снова возобновил свою активную деятельность под руководством Я. Лоренца-Залеского. Из своего деревенского прихода Андрицкий вел обширную переписку со многими крупнейшими писателями и учеными, но главное — писал свои произведения: лирическую прозу, пьесы, публицистику, литературно-критические статьи и много переводил (Ян Неруда, А. Ирасек, Г. Сенкевич, М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов, Шатобриан и др.).

Как прозаик, публицист и литературный критик Андрицкий выступал с 1889 г., долгое время под многочисленными псевдонимами (около двадцати), стремясь избежать конфликта с церковными властями, ибо ярко выраженное в его фельетонах и прозе социально-критическое начало вызывало очевидное неодобрение. Когда же ему передали редактирование "Лужицы" и "Католического вестника" (из-за недостатка свежих литературных сил журнал и газета переживали далеко не лучшую пору), то Андрицкий, спасая лужицкую прессу, порой почти половину номера писал сам, подпи-

сывая разные материалы разными псевдонимами. Андрицкий был, по-видимому, лучшим и наиболее осведомленным лужицким журналистом и литературным критиком рубежа веков: статьи и рецензии о К. Гавличеке-Боровском, Я. Врхлицком, Г. Сенкевиче, Л. Толстом и т. д.; ему же принадлежит и первая монографическая работа о творчестве Барта-Чишинского. Стремясь улучшить репертуар самодельного лужицкого театра, он написал семь пьес. Некоторые из них исполнялись при его жизни, четыре были опубликованы уже посмертно. В 1906 г. он перевел историческую драму А. Ирасека "Геро", которая затем неоднократно ставилась в Лужице на студенческих сходках. Его проза, разнообразная по тематике и проблематике, публиковалась в газетах и журналах, но впервые отдельной книгой ее частично собрал и издал Миклавш Кречмар (1891–1967) в 1937 г. Он назвал эту подборку "Божественный огонь и другие картинки". "Божественный огонь" – название одного из ранних рассказов Андрицкого, опубликованного в Праге в 1891 г. в рукописном студенческом журнале "Кветки" под псевдонимом Хандрий.

В сфере публицистики и издательского дела традиции Андрицкого в рассматриваемый период продолжали **Юрий Деленк** (1882–1918), редактировавший "Католический вестник" в 1910–1914 гг., затем высланный за пределы Сербской Лужицы и погибший как солдат рейхсвера в конце войны, и **Франц Краль-Рахловц** (1886–1915), тоже погибший на войне. Ф. Краль, избравший себе псевдоним Рахловц, талантливый писатель, журналист и переводчик, вписал свое имя в историю лужицкой литературы как издатель первого детского журнала "Рай" ("Raj", 1906–1912) и литературного приложения для детей в газете "Сербске новины" "Захродка" ("Sachrodka", с 1905 г.), а также литературных календарей для детей и школьников (1911, 1912, 1913).

Наряду с Ю. Вингером и М. Андрицким в число крупнейших прозаиков этого периода выдвинулся **Михал Навка** (1885–1968). В 1906–1914 гг. он опубликовал в журнале "Лужица" 10 рассказов, в которых выступил продолжателем социально-критической прозы Андрицкого. Но если Андрицкий почти всегда субъективен и экспрессивен, то есть в его прозе художественный эффект достигается по сути лирическими средствами, то Навка – критический реалист в прямом смысле слова. Он создает максимально определенные, объективизированные картины действительности накануне первой мировой войны: расслоение деревни, противоречия крестьянского быта, положение женщины, отходной промысел. Его точные зарисовки разговоров женщин во время работы в поле или мужчин в корчме близки к натуралистическим, но элементы юмора,

иронии и социальной сатиры, точный отбор характерных деталей – все это свидетельствует о том, что и в верхнелужицкой прозе успешно шло преодоление романтических традиций, так или иначе господствовавших и на завершающем этапе национального возрождения.

Более сложными путями развивалось творчество **Якуба Лоренца-Залеского**, первые рассказы которого были опубликованы в пражских "Кветках" в 1889–1891 гг. В его прозе с самого начала отчетливо чувствовалась реалистическая, социально-критическая направленность. Но не менее заметным было и неоромантическое начало, которое позднее, в романе "Остров забытых", подтолкнуло его к символизму. Обе эти существенные черты его дарования то воплощаются по отдельности, как, например, в реалистической повести "Картины военных маневров" (1896) или в неоромантическом цикле рассказов и очерков о таинственной жизни леса ("Среди дремучих лесов", 1892; "Лес и его речь", 1896; "Старый леший", 1898, и т. д.), то причудливо переплетаются с фольклорными и сказочными мотивами, как, например, в повести "Восташан" (1898) и в историко-мифологической повести "Сербские богатыри" (начата в 1891 г., опубликована в 1900 г. в шести номерах журнала "Лужица", отдельной книгой вышла в 1922 г.⁹. Действие повести отнесено ко времени правления баварского короля Генриха I (Птицелова), который в 921–929 гг. вел войны с полабскими славянами. Изучив доступные источники и стремясь к правдоподобию, объективизации и индивидуализации характеров и психологизму, Лоренц-Залеский тем не менее по существу создал неоромантический эпос, подхватывающий традиции национального возрождения и трансформирующий их в современный общественный и литературный контекст.

Лужицкая драматургия, при всей активизации ее в этот период, в целом все же отставала от поэзии и прозы – подлинным талантом драматурга не обладал никто из крупнейших писателей этого периода, хотя почти все пробовали свои силы в этой области, прекрасно осознавая важное значение национального театра для консолидации патриотического сознания народа. Отсутствие профессионального театра тоже не могло не сказываться на развитии драмы: пьесы писались с расчетом на постановку любительскими (чаще всего студенческими) коллективами и исполнялись, как правило, во время студенческих сходок и собраний. В общей сложности в этот период было написано около 100 пьес и почти столько же было переведено (в основном со славянских языков. А. Мука, приложивший немало усилий к тому, чтобы создать национальный театр, сам написал пять пьес, которые ставились на сцене, и издал

в 1879–1930-х гг. 35 сборников для любительских театров, в которых были опубликованы некоторые одноактные пьесы М. Андрицкого, пьесы Ю. Вингера, Я. Барта-Чишинского. Й. Новака и др. В 1900–1914 гг. было поставлено около 250 любительских спектаклей. Из переводных пьес стоит отметить "Ревизор" Гоголя в переводе М. Навки (1909), "Геро" А. Ирасека в переводе М. Андрицкого (1906).

Развитие нижнелужицкой литературы в XIX–XX вв. требует особого рассмотрения. В самом общем виде можно констатировать отставание историко-литературного процесса в Нижней Лужице и его меньшую интенсивность, что не исключало появления отдельных крупных талантов, как, например, **Мато Косык** (1853–1940) и **Фриццо Роха** (1863–1942), благодаря творчеству которых нижнелужицкая литература тоже достигла своей "классической фазы"¹⁰.

В 1880 г. было создано нижнелужицкое отделение Матицы серболужицкой, на нижнелужицком языке регулярно издавался еженедельник "Брамборски сербски часник" ("Bramborski Serbski Casnik"), редакторами которого в этот период были Кито Швеля (1836–1922, редактировал газету в 1864–1915 гг. и опубликовал в ней немало своих сочинений, и его сын Богумил Швеля (1873–1948, редактировал газету в 1916–1918 гг.). В 1914 г. выходил ежемесячник "Звезда" ("Gwězda") под редакцией Б. Швели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Sorbisches Lesebuch – Serbska čitanka. Leipzig, 1981. S. 675.
2. Jenč R. Čišinski abo Zejler? // Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. Zđ. 2. Budyšin, 1960. S. 271–282.
3. Jenč R. Tež tam. S. 305–306.
4. "Nowa Doba". Budyšin, 1951, с. 59. Примечательно, что все трое (А. Мука, М. Урбан, О. Вичаз) были протестантами. Из филологов-католиков наиболее высокую оценку переводам Урбана дал чех Йозеф Пата (1886–1942), завершивший восторженными словами об "Илиаде" и "Одиссее" Урбана свой великолепный труд "Введение в изучение серболужицкой письменности" (1925).
5. Malink P. Serbska literatura po Čišinskim // "Serbšćina". 16. studijny list. Budyšin, 1957, s. 1664.
6. Tež tam, S. 1657.
7. Tež tam, S. 1658.
8. Tež tam, S. 1659.
9. Scholze D. Jacub Lorenc-Zalěski // "Lětopis". Budyšin, 1995, № 42, S. 108–109.
10. Nowotny P. Dolnoserbske pismojstwo. 1918–1945. Budyšin, 1983, S. 8–9.

МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ (1919–1937)

Первая мировая война 1914–1918 гг. окончилась для Германии трагически: она потеряла 6 млн. человек убитыми и ранеными, лишилась заметной части своих территорий, должна была выплачивать унижительные контрибуции. Отречение императора Вильгельма II и провозглашение Германии республикой 9 ноября 1918 г. было не столько началом нового этапа в истории этой страны, сколько началом внутреннего кризиса, который должен был последовать за военным поражением и распадом могущественной империи. Вся история Веймарской Республики (1919–1933) – это история агонии великой нации, утратившей концепцию своего дальнейшего развития и раздираемой внутренними противоречиями из-за возникшего "комплекса неполноценности". Этот психологический (но и экономический, и политический) "комплекс неполноценности" был полностью изжит, хотя и уродливым образом, в годы "третьего рейха" (1933–1945), когда немцы, с предельной остротой испытав национальный "взлет и падение", навсегда или по крайней мере надолго были лишены дальнейших возможностей продолжать поиски национальной идентичности с помощью оружия.

Буржуазная демократия Веймарской Республики, пытавшаяся восстановить нормальную жизнь в стране, должна была утверждать себя в экстремально-сложных условиях: экономически это был груз послевоенной разрухи и постоянной гражданской войны до 1923 г., внешнеполитически это была унижительная изоляция Германии от мирового сообщества, внутривнутриполитически это была не прекращавшаяся до 1933 г. борьба нескольких непримиримых общественно-политических и идеологических ориентаций, прежде всего интернационально-коммунистической, социал-демократической (буржуазно-демократической) и национально-авторитарной, в рамках которой национал-социализм являлся поначалу лишь одним из течений, наиболее активно использовавшим проблематику "комплекса неполноценности" в идеологических и пропагандистских целях. В означенных условиях должна быть понятна непрочность, эфемерность Веймарской Республики с ее постоянной внутривнутрипарламентской борьбой и сменами правительств. С одной стороны, здесь господствовала почти беспримерная демократия (на поверхности), с другой стороны, здесь же шла непримиримая война интересов, выплеснувшаяся на поверхность в кровавых событиях 1933–1934 гг.

Ситуацию поражения Германии в первой мировой войне попытались использовать наиболее радикальные представители серболужицкой интеллигенции, объединившиеся вокруг Арношта Барта, сыгравшего в свое время выдающуюся роль в организации Домовины. А. Барт, внимательно следивший за революционными событиями в России и Германии, поддерживал обширные международные контакты. В 1918 г. он возглавил Серболужицкий народный комитет, в котором разрабатывались планы провозглашения автономного серболужицкого государства, самостоятельного или под протекторатом Чехословакии. Один из таких проектов рассматривался даже в ходе подготовки Версальских соглашений в 1919 г., Барт сам ездил в Париж, хотя визит его не увенчался успехом¹. Проекты автономизации были утопичны в том числе и потому, что немцев на территории Сербской Лужицы проживало значительно больше, чем собственно серболужичан, особенно в городах. Кроме того проекты Барта не были поддержаны каким-либо широким общественным движением самого серболужицкого народа. В годы Веймарской Республики требования лужичан ориентировались на конституцию и сводились по сути к стремлению добиться устранения все еще сохранявшейся национальной дискриминации. Но даже и в демократической Веймарской Республике этого в полной мере осуществить не удалось. Образованный в 1920 г. и просуществовавший до 1945 г. "Вендский отдел" ("венды" – одно из немецких обозначений серболужичан), хотя и располагался в Будишине, был не только немецким правительственным органом по форме, но и по сути предназначался для "поощрения растворения вендов в германстве", как гласят инструкции в его сохранившихся архивах, где в частности предлагалось "всякое проявление вендского национального самосознания рассматривать и разоблачать как враждебное немецкому государству"². Католическая церковь тоже внесла свою лепту в укрепление "германства": в 1921 г. была закрыта Серболужицкая семинария в Праге, бывшая с 1706 г. основной кузницей католических священников для Сербской Лужицы; в том же 1921 г. было восстановлено епископство в Майсене, в задачу которого входило усиление немецко-католического влияния среди католиков Сербской Лужицы.

И все же – несмотря на вышеназванные тенденции в общественной жизни – демократическая Веймарская Республика оставляла немало возможностей для отстаивания национальных интересов и развития национальной культуры. Так, на верхнелужицком и нижнелужицком языках выходило свыше десяти газет и журналов, наиболее популярная еженедельная газета "Сербске новины" выходила в 1919–1936 гг. ежедневно, предоставляя свои страницы в

том числе и для публикации художественных произведений. Регулярно издавался и литературный журнал "Лужица", который с 1921 г. редактировал Арношт Мука, в 1926 г. его сменил Ота Вичаз (1874–1952), один из крупнейших историков серболужицкой литературы, известный переводчик, регулярно выступавший также как поэт и прозаик. Продолжал издаваться и "Часопис Матицы серболужицкой" (1848–1937), публиковавший литературные произведения, но прежде всего – многочисленные труды лингвистического, историко-литературного, этнографического, историографического и биобиблиографического характера, и до сего дня остающиеся важнейшим источником по истории серболужицкой науки и культуры. С 1923 г. возобновил свою деятельность Союз серболужицких писателей, став под руководством Якуба Лоренца-Залеского одним из центров духовного противостояния онемечиванию.

Важным очагом борьбы за национальное равноправие стал основанный в 1924 г. Союз национальных меньшинств Германии, в который вошли представители проживавших в Германии датчан, фриз, литовцев, поляков и серболужичан. Особую активность в рамках этого Союза развил Ян Скала (1889–1945), выступавший как поэт и журналист с 1910 г., а с 1919 г. еще и как редактор различных газет и журналов на верхнелужицком и немецком языках в Будишине, Праге и Берлине. В 1925–1936 гг. он редактировал на немецком языке в Берлине ежемесячник Союза национальных меньшинств Германии "Культурвилле" ("Культурвер"), участвуя в международных форумах по проблемам национальных меньшинств и поддерживая активные контакты с демократической интеллигенцией в Польше, Чехословакии и самой Германии (в частности с Карлом фон Оссецким, возглавлявшим широко известный журнал "Вельтбюне"). Помимо многочисленных газетных и журнальных публикаций Скала успел выпустить два сборника стихотворений (1920; 1923), несколько брошюр по национальным проблемам. Заметным событием в серболужицкой литературе стал его рассказ "Старый Шимко" (1924), в котором реалистическая точность деталей сочетается с психологической глубиной и панорамностью социального анализа. Несколько скупо набросанных эпизодов из жизни разбогатевшего лужицкого крестьянина-патриота наглядно и без дидактики представляют типично национальный характер серболужичанина, показывают социальное расслоение лужицкой деревни, вторжение капиталистической цивилизации, безоглядно разрушающей традиционные народные ценности.

Реваншистские и шовинистские силы в Германии стремились не только к восстановлению немецкого государства в границах 1914 г., но и к созданию "Великой Германии" ("Grossdeutschland"),

которая включила бы в себя территории Польши, Чехословакии, а также в Прибалтике и на Балканах, где немцы проживали как национальные меньшинства. Для идеологического и политического обоснования своих геополитических притязаний они стремились использовать Конгрессы европейских национальных меньшинств, которые с 1925 г. ежегодно собирались по инициативе проживавших вне Германии немцев. На этих конгрессах разгорались острые и даже непримиримые дискуссии, в которых представители зарубежных немцев по-своему поддерживали геополитические притязания германских шовинистов. Активное участие в этих дискуссиях принимали и серболужицане: Я. Поренц-Залеский, Я. Скала и др. Но уже в 1927 г. делегация Союза национальных меньшинств Германии покинула заседание конгресса, не желая служить инструментом для далеко идущих шовинистских и империалистических замыслов³. В то же время даже национал-социалисты должны были в первые годы удерживать свою репрессивную политику по отношению к национальным меньшинствам в Германии в определенных рамках, поскольку она могла вызвать соответствующую реакцию в сопредельных государствах, где проживали немцы. Так, Я. Скала, которому уже в 1935 г. запретили журналистскую деятельность, был в 1938 г. арестован нацистами, но под давлением международной общественности через год выпущен из нацистских застенков. Унижения и издевательства в тюрьме подорвали физическое и духовное здоровье писателя. Лишенный возможности публиковаться, он живет то в Берлине, то в Будишине; в 1943 г. перебирается к своей семье, жившей в Польше, и погибает в начале 1945 г. Судьба Я. Скалы – лишь один из многих примеров искалеченных войной и фашизмом жизней серболужицкой интеллигенции.

В то же время нельзя недооценивать и новые тенденции в общественной и литературной жизни, которые противостояли скрытому и откровенному национализму как внутри самой Германии, так и за ее пределами. В 1919 г. – впервые в истории Германии – возникли два печатных органа, обращенных к немецким и серболужицким читателям одновременно (статьи и заметки публиковались в них сразу на двух языках): еженедельник "Сербске слово" ("Serbske slovo" 1919–1920) и ежедневная газета "Сербски дженик" ("Serbski Dženik", 1919–1921), что означало не только попытку "удержать" в родном языке онемечивающихся серболужицан, но и стремление найти общий язык с немецким населением Сербской Лужицы. Значительное расширение с 1920-х годов серболужицкой газетной и журнальной прессы и книгоиздания привело к тому, что серболужицкие читатели – впервые в своей истории – получили в

свои руки многие крупнейшие шедевры мировой литературы: "Илиада" и "Одиссея" Гомера, "Братья Карамазовы" и "Игрок" Ф. Достоевского, "Отцы и дети" И. С. Тургенева, "Камо грядеши?" Г. Сенкевича и др. Литература на серболужицком языке активно издавалась также пражской секцией Союза серболужицких писателей, где возникла серия "Книговня дом а свет" ("Knihownja Dom a swět"), в которой в 1921–1937 гг. было выпущено 30 томов с целью "культивирования и формирования серболужицкого романа", чему можно было помочь "изданием лучших произведений серболужицкой словесности, а также переводами лучших произведений из славянских литератур"⁴. Первым номером в этой серии вышла "Философская история" А. Ирасека, затем последовали издания Я. Барта-Чишинского, М. Косыка, М. Андрицкого; в 1931 г. здесь же был впервые издан символистский роман Я. Лоренца-Залеского "Остров забытых" – художественная вершина серболужицкой прозы межвоенного периода. Наиболее интенсивно и плодотворно в этот период проблемами серболужицкой литературы и культуры в Праге занимался чех Йозеф Пата (1886–1942), издавший в 1920 г. на серболужицких языках самую обширную на то время "Серболужицкую хрестоматию" ("Serbska čitanka"), включавшую не только произведения 50 верхнелужицких и нижнелужицких писателей, но и переводы на верхнелужицкий язык других славянских писателей, особенно чешских, а также статьи славянских ученых о серболужичанах. В 1925 г. Й. Пата издал по-чешски образцовое "Введение в изучение серболужицкой письменности", которое в 1929 г. было опубликовано на верхнелужицком языке в значительно доработанном и расширенном варианте. Всего же Пата издал около 10 книг о серболужицкой письменности и культуре на чешском, верхнелужицком и французском языках. Когда в 1933 г. в Сербской Лужице началась первая волна фашистских репрессий, чехи активно участвовали в организации международных акций протеста, что, по-видимому, и заставило национал-социалистов приостановить репрессии до 1937 г. Осенью 1934 г. в Пражском Карловом университете была открыта первая в мире кафедра серболужицкого языка, литературы и истории культуры, которую возглавил профессор Йозеф Пата, расстрелянный фашистами в 1942 г. по делу Гейдриха. Крупнейшим достижением польской сорабистики межвоенного периода стала "Серболужицкая литература" (1938) Йозефа Голамбека (1889–1939), по своей фактической и историко-культурной насыщенности и до сих пор не превзойденная. И в самой Германии – несмотря на все запреты и репрессии – профессор славистики берлинского университета Макс Фасмер (1886–1962) продолжал поощрять и публиковать сорабисти-

ческие исследования, в том числе и в издававшемся им журнале. В университете в Галле продолжал вести нелегальные сорабистические исследования профессор Д. Чижевский⁵. Весь этот международный контекст необычайно важен для понимания специфики развития серболужицкой культуры, помощь извне до определенной степени компенсировала отсутствие собственных автономных политических и культурных учреждений, давала новые импульсы для борьбы за национальное выживание, приводила к тому, что постоянно уменьшавшийся в количественном отношении этнос продолжал не только сохранять достигнутый уровень культуры, но и наращивать ее качество, ориентируясь как на богатые собственные традиции, так и на разнообразный международный культурный контекст.

Серболужицкая поэзия, как вся литература, искала в рассматриваемый период возможности новых эстетических ориентаций. Всплеск модернистских течений в искусстве, характерный в первые десятилетия XX в. не только для западноевропейских стран, но и для России и для славянских стран, здесь практически отсутствовал — для него не было ни материальных, ни духовных предпосылок. И в то же время нельзя сказать, что серболужицкая поэзия и проза совершенно не "модернизировались": изменялась сама жизнь и вместе с ней изменялась как тематика, так и форма литературных произведений. Но эти изменения в серболужицкой литературе не носят характера формального экспериментаторства, эстетических игр, столь очевидных в западноевропейских (и в русской) культурах этого периода. Наряду с обращением к национальным традициям (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский) серболужицкие поэты особенно внимательно приглядывались к тому, что делалось в соседних — славянских — литературах. К примеру, "Силезские песни" (1909, при последующих изданиях сборник заметно дополнялся) чеха П. Безруча, переведившие национально-романтические мотивы в социально-реалистическую проблематику, стали настольной книгой многих серболужицких поэтов этого периода. Их интерес к П. Безручу сказался не только на собственном творчестве (очевиднее всего у Йозефа Новака, 1895–1978), но и увенчался изданием в 1935 г. полного текста "Силезских песен" на верхнелужицком языке в переводах Ота Вичаза (1874–1952), Мерчина Новака-Нехорнского (1900–1990) и Мины Виткойц (1893–1975), а также целого ряда других поэтов. Это было второе — после словенского — заграничное издание "Силезских песен", правда, вскоре конфискованное национал-социалистами.

Йозеф Новак, обучавшийся в 1910–1919 гг. в Серболужицкой семинарии в Праге, опубликовал в пражском литературном журнале "Týn" эссе "Серболужицкая литература после Чишинского", в которой, сетуя по поводу "затишья на Лужицком Парнасе", напоминает о национально-патриотических традициях "младосербов" и, цитируя П. Безруча, призывает к оживлению и обновлению общественной и литературной жизни в Лужице⁶. В сложных условиях войны и послевоенной разрухи он возобновляет традицию ежегодных встреч серболужицких студентов, для чего уже в 1916 г. пишет национально-патриотическую историческую драму "Последний король" (поставлена на студенческой сходке и напечатана в 1921 г.). В 1919 г. он публикует сборник стихотворений "С духом свободы", ставший своеобразным поэтическим манифестом послевоенного возрождения серболужицкой литературы. Сборник, написанный под непосредственным впечатлением образования независимой Чехословакии и активных усилий А. Барта и его группы по достижению национальной автономии серболужичанами, исполнен оптимизма, национально-патриотического пафоса, отчетливо прослеживаются и социальные мотивы. По форме многие стихотворения написаны патетическими свободными ритмами, переполненный чувствами автор не скупится на экспрессивные выражения.

Сербы, вперед – к свободе и славе!
Вверх взметните
Кровавокрасное наше знамя –
Свободу народу!

("Восстаньте, сербы!", 1919)

Патетическая лирика Й. Новака часто декламировалась на студенческих сходках 1920-х годов – она хорошо отвечала настроениям национального подъема в первые годы Веймарской Республики. Для декламации и исполнения на студенческих собраниях были предназначены национально-патриотические по духу и исторически-мифологические по сюжетной канве стихотворные поэмы-диалоги Й. Новака "Невеста свободы" (поставлена в 1919 г., опубл. в 1922 г.) и "Любин и Spreva", написанная к съезду Домовины в 1928 г. Непосредственно продолжая традиции ранних драм Барта-Чишинского ("В крепости"), Новак насыщает свои произведения национально-аллегорической символикой. Немало патетических стихотворений и в первом поэтическом сборнике Яна Скалы "Крошки" (1920), в то время как в его дальнейшей поэзии начинает преобладать реалистическая интимная лирика, иногда окрашенная ностальгически-романтическими интонациями (сборник "Искры", 1923, а также стихотворения из рукописного наследия). Широкой

популярностью в этот период пользовались стихотворения Михала Навки (1885–1968), которые нередко становились народными песнями – известно около 100 песен, музыку к которым отчасти написал сам М. Навка, а также крупнейший лужицкий композитор этого периода Бьярнат Кравц (1861–1948).

Первооткрывателем новых художественных пространств для серболужицкой поэзии этого периода стал Ян Лайнерт (1892–1974), дебютировавший в 1923 г. путевым очерком "Серболужицкая вересковая пустошь" в журнале "Лужица", отчетливо напоминающем о лирических миниатюрах М. Андрицкого. Отказавшись от риторического пафоса Й. Новака и Я. Скалы, Лайнерт – с опорой на традиции Барта-Чишинского, но и на немецкую лирику А. Дросте-Хюльсхоф, Т. Шторма и Д. Лиленкрона – создал яркие образцы импрессионистически насыщенного, музыкально организованного стиха, передающего красоту родной природы, интимные переживания, но – главное – трагедию сотрясаемого катаклизмами общественного бытия, окончательно разрушающего лужицкий патриархальный быт. Все эти качества отчетливо проявились в сборнике "Пыл ликований и капли слез" (1928). Преобразуя мистические и символистские тенденции, отчетливо проявлявшие себя в европейской поэзии со времен поздних романтиков, Лайнерт никогда не покидает серболужицкую почву; он создает органический сплав серболужицкой тематики с ее фольклорно-мифологическими и современными сюжетными разновидностями с символической многозначностью и формальной изощренностью, характерной для большой европейской поэзии этого периода, но еще никем не привитой к скромному стволу серболужицкой словесности. Например, в стихотворении "Печаль" мистический и символический художественный эффект достигается фактической несовместимостью двух вполне реалистически изображенных сюжетных планов: безмятежного сна юноши на летнем лугу, грезящего о мирном труде и о поцелуях любимой девушки, и нависающей над этим сном неумолимой реальности войны, в которой юноше суждено погибнуть, хотя он сам об этом и не догадывается. Юноше во сне кажется, что он слышит радостный звон серпа на созревшем поле ржи, где склонились к обочине дороги спелые маки, на самом же деле это старуха Смерть, ласково присев рядом, точит над ним свою косу. В оригинале в обоих случаях использовано одно и то же слово "серб", что создает дополнительную и достаточно зловещую символику: наивное романтическое сознание, погруженное в счастливые грезы, не способно различать реальность и собственную фантазию, оно "отодвигает" реальность, более того, – оно готово даже звон "серпа Смерти" принимать за мирный звон крестьянско-

го серпа. Большинство произведений Лайнерта осталось в неопубликованных рукописях, уничтоженных во время второй мировой войны, после которой ему пришлось начинать свое творчество словно бы заново.

Традиции Я. Лайнерта во многом продолжил и углубил **Юрий Хежка** (1917–1944), чье творчество при жизни практически оставалось недоступным читателям в Сербской Лунице. Ю. Хежка с 1929 г. учился в Праге, оставаясь лужицким патриотом, но постепенно все больше укореняясь также и в чешской культуре. Закончив в Праге гимназию, он поступил в Пражский университет, изучал богемистику, сорабистику и германистику, знакомясь с чешской интеллигенцией и став домашним учителем и другом в семье известного чешского социалистического поэта **С. К. Неймана**. С 1935 г. он писал статьи и стихотворения, некоторые из них были опубликованы в будишинских и пражских газетах и журналах (в том числе и переводы К. Г. Махи на верхнелужицкий язык). В 1937 г. он стал издавать рукописную газету "Гмейска гейя"⁷, которая стала своеобразной хроникой фашистского террора в Сербской Лунице, начавшегося в марте этого года запретом Домовины и всех ее печатных органов. "Наш ежемесечник – единственный серболужицкий журнал, где можно писать свободно, и он сохранит на долгие годы образ жизни единственного серболужицкого товарищества в столь тяжелое время", – писал в предисловии к первому номеру Ю. Хежка⁸. Всего вышло 9 номеров журнала, сохранивших для потомков документы антифашистского характера и некоторые из последних стихотворений Хежки. 15 марта 1939 г. фашисты оккупировали Чехословакию, Хежку неоднократно вызывали на допросы в гестапо, в июне того же года арестовали, отправили в дрезденскую тюрьму, а осенью мобилизовали в вермахт. Он побывал как солдат во Франции, в Болгарии и Греции, посылая в Прагу своему другу **Миклавшу Кречмару** (издавшему в 1961 г. его сохранившееся стихотворное наследие) написанные по-верхнелужицки и к тому же еще зашифрованные иносказаниями письма. Известно, что между 13 и 17 октября 1944 г. Хежка пытался дезертировать из фашистской армии и добраться до югославских партизан. С этого момента о его жизни больше ничего не известно.

Поскольку созревание поэтического таланта Хежки проходило в Праге, то и импульсы, полученные им в 1930-е годы от чешской поэзии, были особенно значительны: известны не только его переводы чешской поэзии, но и его собственные стихи, написанные по-чешски. Помимо С. К. Неймана он внимательно читал **В. Незвала**, особенно впечатлила его теоретическая работа "Современные поэтические направления" (1937). К. Лоренц считает, что именно

благодаря В. Незвалу усилилось увлечение Хежки поэзией Св. Чеха и К. Г. Махи⁹. Но все освоенное в чешской и немецкой поэзии накладывалось у Хежки на национальную проблематику; в его поэзии, наконец, окончательно был преодолен романтически-патетический пафос, в который порой впадали даже лучшие лужицкие поэты.

Над бездной отчаяния

На краю у мрачной бездны,
Бездны моего отчаянья
Поджидает дева Жива¹⁰,
Спать ночами не дает.
А утрами-вечерами
О любви красиво врет.

Долго ждали лучшей доли,
Боле верить невозможно,
Все, что с лужицкого поля
Пожинаешь, ненадежно.

По пути крутому, мысли,
Пролетите, день вчерашний
Разыщите, расспросите,
Как же проклятому люду
Злую долю расхлебать.
Без пути ходить в долины –
Как над бездной веселиться...

(1938, перевод К. Бакбергена)

Помимо публиковавшихся разрозненно стихотворений Хежка подготовил два рукописных собрания, одно из которых сохранилось в тетради, носящей заглавие "На пути к другой родине" (1937, 23 стихотворения); второй сборник – "Поэзия малой каморки" – крупнейший современный серболужицкий поэт Кито Лоренц собрал и опубликовал в 1971 г. Эти два заголовка символизируют духовное пространство поэзии Хежки, основные тенденции его лирики, которая утверждала себя между крайним отчаянием, "горьким плачем об утрате родины... и робкой надеждой, терзалась предчувствием войны и разрушения, – но даже в приступах пессимизма и безропотного смирения была и остается одним из потрясающих обвинений фашизму" (К. Лоренц). Символика "другой родины" тоже многозначна: это и Чехия, ставшая для поэта действительно второй родиной (в 1938 г. он подал прошение о предоставлении ему чешского гражданства, но его не успели рассмотреть), но это и обращение к будущей родине, к будущей Европе, свободной от фашизма, в которой должно найтись место и для Сербской Лужицы, для ее подлинного возрождения и процветания. Почти чистый лирик по складу своего дарования, Хежка не мог оставаться только

поэтом "малой каморки" в столь суровое время. Свое стихотворение "Конец поэзии малой каморки" (1937) он завершил словами:

Но меня неведомая сила
Вдаль влечет, и жизнь мою пронзила
Жуткая тоска по маленькой каморке
И Поэзии. Еще не время...
(Перевод К. Бакбергенава)

В поэтическом творчестве Й. Новака, Я. Скалы, Я. Лайнерта и Ю. Хежки отражены основные тенденции верхнелужицкой поэзии межвоенного периода, хотя этими именами далеко не исчерпывается вся палитра серболужицкой поэзии этих лет. К примеру, в газете "Гмейска гейя" до нас дошли стихотворения **Яна Хейдушки** (1915–1944), соратника и современника Ю. Хежки. В 1929 г. **Павол Кречмар** (1898–1979), учитель и друг Ю. Хежки, с начала 1920-х годов регулярно выступавший в лужицкой и чешской прессе, опубликовал в 1929 г. стихотворный сборник "Рай снов и былин из лужицких долин". В 1926–1932 гг. регулярно публиковал свои стихи в газетах и журналах **Павол Вичаз-Хросчанский** (1901–1933). Целых восемь тематически сгруппированных рукописных стихотворных сборников осталось в архивах "одного из последних младосербов"¹¹ **Ота Вичаза** (1874–1952), который при жизни смог опубликовать крохотным тиражом лишь сборник "Годжийские идиллии" (1934).

Для нижнелужицкой поэзии, начиная с 1920-х годов, особое значение имело поэтическое творчество **Мины Виткойц** (1893–1975), крестьянки, рано оставшейся сиротой, с трудом окончившей деревенскую школу, а далее обучавшейся в "университетах" жизни (в том числе 10 лет в Берлине). Ее первые стихотворения на нижнелужицком языке были опубликованы в 1922 г. в журнале "Лужица". В 1925 г. вышел сборник "Нижнелужицкие стихотворения", имевший успех и переизданный в 1931 г. Необходимо упомянуть и сборник "Венок цветов из Блот" (1934), утвердивший за Виткойц славу живого классика. Особая черта лирики Виткойц состоит прежде всего в органическом сплаве фольклорной и литературной традиции, причем как верхнелужицкой (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский), так и нижнелужицкой, наиболее заметно в то время представленной в творчестве **Мато Косыка** (1853–1940) и **Фрицо Рохи** (1873–1942). М. Косык, хотя и эмигрировал в США, но поддерживал регулярные контакты с родиной, что сказалось, в частности, в нескольких переизданиях его произведений в межвоенные годы и в изданных в 1929–1930-х гг. **Богумилом Швелей** (1873–1948) первых томах его собрания сочинений, оставшегося до сих пор незавер-

шенным. Позднее творчество М. Косыка отражает тяжелую жизнь серболужицких эмигрантов в США, затрагивает судьбы американских индейцев, насыщено социально-религиозными мотивами.

Незаурядные способности М. Виткойц сказались в самых различных сферах: в 1923–1931 гг. она редактировала ежедневную нижнелужицкую газету "Сербски часник" ("Serbski Casnik"), регулярно выступая с яркими политическими статьями и репортажами; много сделала она и как переводчица с верхнелужицкого, русского, чешского и словацкого языков; принимала участие в работе международных форумов (в том числе в Конгрессе европейских национальных меньшинств в Женеве в 1926 г.). Уже в годы Веймарской Республики Виткойц привлекалась к суду за "антинемецкую деятельность", в 1933 г. ей было запрещено заниматься журналистикой и писательской деятельностью. М. Виткойц принадлежит также заслуга открытия и введения в литературу нижнелужицких народных писательниц **Лизы Домашкойц** (1869–1935) и **Марьяны Домашкойц** (1872–1946), стихотворения которых регулярно печатались в серболужицких газетах и журналах с 1925 г. Особую популярность М. Домашкойц принесла социально-критическая пьеса "Из жизни бедноты" (1929), переведенная также на чешский язык и с 1932 г. неоднократно исполнявшаяся в Праге и в других чешских городах.

Значительным этапом стал межвоенный период для развития серболужицкой **прозы** и художественной публицистики. Художественная публицистика заметно расширила свой тематический и проблемный диапазон, обращаясь теперь уже и к вопросам общеевропейского масштаба (Я. Скала, М. Новак-Нехорнский и др.). Да и в освещении самой внутрилужицкой проблематики заметно усилилась и конкретизировалась реалистическая социально-критическая тенденция, ярким примером которой была статья Я. Лоренца-Залеского "Социализм у серболужичан" (1921), трезво анализирувавшая различные тенденции политической, экономической и психологической атмосферы в Сербской Лужице, заявившие о себе на начальном этапе Веймарской Республики. Подобных материалов немало появлялось в немецко-лужицкой газете "Сербски дженик", которую редактировал Ян Скала, они публиковались и в других серболужицких изданиях. Свыше 600 очерков и статей опубликовал в 1923–1937 гг. в газете "Сербске новины" писатель и композитор **Юрий Слоденк** (1873–1945).

Особая роль в развитии жанра художественных путевых очерков и международных репортажей принадлежит художнику и писателю **Мерчину Новаку-Нехорнскому** (1900–1990), чье творчество как художника и очеркиста составило целую эпоху в серболужиц-

кой культуре. Рано распознав опасности буржуазной невилировки культуры, которая в условиях быстрого распространения средств массовой коммуникации и информации грозила поглотить самобытные традиции серболужицкой культуры, он с начала 1920-х годов развернул поистине неутомимую деятельность в самых различных направлениях, стремясь всеми художественными и литературными средствами сохранить национальный образ и облик культуры. Как фельетонист и очеркист, прошедший школу К. Чапека (целый ряд произведений которого он перевел), и овладевший разнообразными средствами юмора, иронии и сатиры, Новак-Нехорнский опубликовал в этот период в текущей прессе свыше 200 фельетонов и очерков, развенчивающих германский национализм и великодержавный шовинизм, высмеивающих идею "расового превосходства" и "расовой неполноценности". С другой стороны, он столь же активно стремился поддержать чувство национального достоинства у серболужичан, обращаясь к романтическим идеям славянского единства и славянской взаимности. Для этого он переводил многих русских писателей. Одной из первых больших работ подобного рода была книга "Русские былины" (1927), в которой он прозой пересказал русские былинные сюжеты и собственноручно проиллюстрировал их, создав один из шедевров серболужицкого книгоиздания. Как художник, график и книжный иллюстратор, он выработал свой неповторимый стиль, в котором наивно-фольклорные, мифически-фантастические и сказочные элементы выступали в едва заметных или нарочито подчеркиваемых сочетаниях и комбинациях с современными и даже вполне злободневными мотивами, что обеспечивало его рисункам популярность и художественную долговечность. Развечивая нацистскую идеологию еще задолго до 1933 г., он использовал самые различные жанровые формы: большой резонанс, например, вызвала его аллегорическая сказка "Аист, король лягушек" (1929), опубликованная в самой массовой верхнелужицкой газете "Сербские новости" (в эти годы тираж ее достигал 3500 экземпляров). В ней, хотя и сказочно-фольклорными средствами, недвусмысленно проводилась мысль о том, что лужицкий народ не станет безвольной жертвой грядущего тоталитарного фашистского государства, но найдет в себе силы, мужество и волю для духовного сопротивления и самосохранения, не превращаясь в растоптанного страхом и отчаянием раба. Как взвесить, какую роль сыграла подобная литература в поведении лужичан в годы нацистского террора? К примеру, летом 1939 г., когда при переписи населения необходимо было ответить на вопрос о родном языке (из чувства страха и самосохранения, конечно, многие предпочли тогда написать "немецкий"), достаточно боль-

шое количество жителей Сербской Лужицы называли своим родным языком "серболужицкий", что в секретных отчетах гестапо совершенно однозначно – и справедливо – было расценено как антифашистская политическая позиция¹².

С 1933 г., когда цензурные условия ужесточились, Новак-Нехорнский, чей репортаж уже в начале этого года вызвал временное закрытие газеты, стал выступать под псевдонимом "Бобак" (пугало, чучело), усовершенствовал свой "эзопов язык" и особенно искусно пользовался им в жанре путешествий, путевых заметок и репортажей. Ему удалось издать книги "В царстве Душана Сильного" (1936, о Югославии) и "По лужицким дорогам" (1937), которые, правда, были быстро распознаны, запрещены и конфискованы нацистами. Свои дальнейшие репортажи "Мазурские картины", "Пруссия вдоль и поперек" писатель размножал на гектографе и распространял нелегально вплоть до ареста в 1939 г.

Социально-критическую прозу в верхнелужицкой литературе этого периода наряду с Я. Скалой, создавшим образцовую повесть "Старый Шимко", и Новаком-Нехорнским ярко представлял Якуб Лоренц-Залеский в разнообразной эссеистике и прозе 1921–1937 гг. и в автобиографическом романе "В тисках судьбы", при жизни, правда, не публиковавшемся. В том же русле писала и **Марья Кубашец** (1890–1976) – первая учительница-серболужичанка, публиковавшая с 1922 г. свои очерки и рассказы в газетах и в журнале "Лужица". Сюда же можно отнести и позднюю прозу Миклава Бедриха-Радлюбина, написавшего в целом около 150 повестей и рассказов и ставшего наиболее последовательным продолжателем традиций Яна Вели-Радысерба в верхнелужицкой литературе XX в. Но уже творчество самого плодovitого и весьма популярного верхнелужицкого прозаика этого периода **Ромуальда Домашки** (1869–1945) не укладывается в эту традицию: социально-критическое и реалистическое начало в его романах и повестях заметно ослаблено, зато значительно усилен момент занимательности. "Он был хорошим, одаренным рассказчиком, каких серболужицкая литература до него не знала"¹³. Еще до первой мировой войны углубившись в изучение истории и мифологии, народных поверий и легенд, связанных с топографией родных мест (Домашка долгое время был католическим священником и администратором в монастыре св. Марии, недалеко от Будишина), он сумел в своих многочисленных романах и повестях достаточно органично переплавить все эти знания в столь же правдоподобные, сколь и невероятные национальные сюжеты, в целом охватывающие историю Сербской Лужицы от языческих времен и до XX века. Принесший первый заметный читательский успех роман "Ведьмы"

(1926, опубликован под псевдонимом Ильсан) сюжетно и тематически завязан на процессах над ведьмами в начале XVII в., имевших место и в Сербской Лужице. В повести "Саксонский кавалер" (1928) уроженец Сербской Лужицы (правда, немец) оказывается любовником Екатерины II, но любовником необлагодарным, за что его долго преследуют по всей Европе, пока наконец справедливое возмездие не настигает его. В романе "Наполеон и серболужицкий солдат" (1931) служивший в саксонской армии лужичанин становится пожизненным (с 1796 г. и до смерти Наполеона на острове св. Елены) ординарцем Наполеона, и глазами этого лужичанина Домашка рассматривает и судьбу Наполеона и всю европейскую историю. При всей тривиальности названных и сходных с ними дальнейших сюжетов в глазах читателя их спасает некая наивная неприязнательность добротного повествования, достоверность многих деталей, умелая привязка сюжетов к хорошо знакомым и родным топографическим приметам. Большинство романов, повестей и рассказов Домашки печатались (с продолжениями) в газете "Сербские новости", что заметно увеличило на рубеже 1920–1930-х годов тираж газеты¹⁴. Домашка пытался осваивать и более сложные сюжеты, обращаясь к античной мифологии и стремясь использовать элементы мистической символики, как, например, в романе "Кассандра" (1932–1933), в котором современный серболужицкий литературовед Д. Шольце усматривает некоторые параллели к мистически-символическому роману Я. Лоренца-Залеского "Остров забытых", опубликованному в 1931 г.¹⁵

Самым крупным верхнелужицким прозаиком, действительно осваивавшим новые художественные пространства для серболужицкой прозы XX века, приобщавшим ее к новейшим философским и литературным европейским течениям был **Якуб Лоренц-Залеский** (1874–1939), чье творчество особенно ярко раскрылось в рассматриваемый период. О социально-критической зоркости и реалистической струе его творчества было сказано выше. Наряду с этим в его творчестве отчетливо проявилась и неоромантическая струя, в этот период отраженная в историко-мифологическом повести "Сербские богатыри", доработанной для расширенного книжного издания 1922 г., и в повести "Кифко", опубликованной в 1926 г. в журнале "Лужица" и в 1936 г. отдельной книгой. Здесь своеобразно сочетаются исторически-мифологические и фольклорно-сказочные сюжеты. Но духовным завещанием и важнейшим произведением Лоренца-Залеского по праву считается роман "Остров забытых", над которым автор работал в 1918–1924 гг. Роман, по своему ритму напоминающий поэму в прозе (а еще точнее роман "Кубок метелей. Четвертая симфония" (1908) А. Белого),

насыщен философской и нравственной проблематикой; в сюжете и языке неожиданно сочетаются наивно-повествовательный стиль и сложнейшая абстрактно-символическая философская метафорика.

Начнем с интерпретации названия романа. Понятие "край забытых" (Богом) встречается уже в Библии (88-й псалм); страна блаженных (Элизиум) есть в древнегреческой мифологии. В романе Лоренца-Залеского образы "острова забытых" и "рая забытых" варьируются. Понятие "острова" как места между земным и небесным бытием встречается в представлениях католической теологии, а также в тяготеющих к мистицизму трудах философов-идеалистов – от Плотина до Рудольфа Штайнера (1861–1925), произведения которых Лоренц-Залеский читал, как читал "Божественную комедию" Данте и "Метаморфозы растений" Гёте, "Парцифаль" Вольфрама фон Эшенбаха и "Гиперион" Гёльдерлина, труды Фихте и Шопенгауэра – вкрапленные в текст романа реминисценции современное литературоведение постепенно обнаруживает и описывает¹⁶. Небезынтересна также и очевидная связь названия романа – "Остров забытых" – с названием и сюжетом картины швейцарского художника-символиста **Арнольда Бёклина** (1827–1901) "Остров мертвых" (различные варианты картины создавались в 1880–1896 гг.). На картине изображен небольшой скалистый остров, на котором есть признаки прежней жизни в виде вписанных в скалы строений с окнами. Но краски сгущены и положены так символически зловеще, что и без названия картины можно догадаться, что остров – мертвый. На переднем плане – вода и лодка, на которой размещены три человеческие фигуры, и, судя по положению весел в руках одного из сидящих, лодка отплывает от мертвого острова. Несомненным представляется, что Лоренц-Залеский знал картину Бёклина и по-своему использовал этот сюжет в романе. Среди вариантов интерпретации начала романа представляется возможным и такой: автобиографический герой (ja или Лоренц-Залеский; Залеский – псевдоним, то есть живущий за лесами) в положении безвыходного отчаяния покидает "остров мертвых", чтобы плыть на "остров забытых" – понятие, в дальнейшем получающее в романе самую различную расшифровку (край, где живут серболужичане; "рай забытых"; Элизиум и т. д.). Многие реальные приметы того места, от которого герой начинает свой исход (поездку, путешествие) напоминают "Остров мертвых" Бёклина: два окна; лестница, по которой герой спускается к воде; наконец, *čótmik* (челн), на котором он отправляется в свое путешествие. Момент сходства экспозиции романа с картиной Бёклина существенно углубляет символику романа: "остров" мертвых" и "остров забытых" зеркально отражают друг друга – их связывает

не только герой, переплывающий за год и шесть дней с одного острова на другой, но и проблемы, вообще встающие перед человеком, пытающимся найти свое место в божественном мироздании (роман написан человеком глубоко верующим).

Основной конфликт романа определяется полем напряжения между тремя величинами: "Я" (ищущий свою идентичность главный герой Якуб Залеский), "Бог" (отдаленная, независимая и истолковываемая в трансцендентальном плане величина) и "Сербство" (находящееся под угрозой уничтожения своего национального бытия). Духовному созреванию "Я" во время пребывания на "острове забытых" способствуют встречи со Смертницей, олицетворяющей Мудрость, Любовь и Смерть, и с представителями серболужицкой духовности (М. Далиборский, М. Горник, М. Андрицкий и др.). Поиски героя постепенно приводят к интеграции в его душе трех вышеназванных величин: герой избирает себе путь духовборца, решившего отдать все свои силы спасению национального этноса. И все же это — лишь самая приблизительная канва трактовки содержания романа. Большинство образов произведения — гораздо многозначнее. Так, Смертница — не только олицетворяет мудрость, любовь и смерть, не только "проводница" героя к "острову забытых", но герой узнает в ней свою бывшую возлюбленную и жену, она же на некоторое время принимает на себя роль лужицкой Беатриче, указывающей своему поэту пути и смертельные опасности на "острове забытых". Но еще больше моментов, роднящих Смертницу с женскими персонажами серболужицкой мифологии и фольклора. Во всех эпизодах "романа ищущей сербской души" (таков подзаголовок "Острова забытых") сразу же можно увидеть по крайней мере два яруса или уровня: уровень отражения реальной действительности, которая заставляет героя страдать и радоваться, и уровень условно говоря мифологически-эстетический, на котором разворачиваются многочисленные варианты поисков духовно-практического выхода из жизненного тупика, поисков, где автор в произвольной последовательности привлекает на помощь, или на помеху своему герою всю доступную ему историю духовных исканий человечества. Понять произведение можно лишь постоянно сопоставляя оба этих уровня — только так устраняются противоречия и несогласованности отдельных эпизодов, поскольку "душа" героя организует романную действительность, произвольно формирует ее, вызывая к жизни необходимые ей конфликты и эпизоды¹⁷. Место "Острова забытых" в серболужицкой литературе первой половины XX в. по-своему уникально, потому что рядом с ним пока, кажется, просто нечего поставить — ни по глубине экзистенциального освоения проблемы жизни и смерти, ни по

уровню философско-эстетического подхода, ни по оригинальности формы. Но представляется, что дальнейшие исследования позволят восстановить связи этого романа с национальной философской, мистической и литературной традицией (Ханзо Непила, Кито Фриццо Стемпель, Герта Вичаец, Миклавш Андрицкий и др.) и европейскими символистами.

Драматургия в межвоенный период развивалась достаточно интенсивно, но в литературном отношении продолжала заметно уступать поэзии и прозе. Объясняется это не только отсутствием профессионального театра, но еще и отсутствием профессионального национального зрителя: представители национального возрождения и развивавшие их традиции "младосербы" приучали своих слушателей и зрителей к массовой зрелищности, массовая зрелищность требовала плакатности, простоты и общедоступности сюжета и содержания. Все это в рассматриваемый период было достигнуто: серболужицкие крестьяне и пролетарии полюбили массовые зрелища под открытым небом: в 1928 г. таким образом трижды ставилась драма Р. Домашки "Рожанчанские находки", варьирующая на местном материале общедоступные мотивы превосходства христианской веры над языческой; пьесу смотрели **тысячи** жителей, приходившие нередко из отдаленных деревень. Особой популярностью пользовалась историческая и социальная тематика, особенно если она укладывалась в местные предания и отражала лужицкую историю и современность. Социальной проблематике были посвящены несколько пьес М. Домашкойц и **Юрия Вели** (1892–1969), пользовавшиеся особой популярностью любительских театральных коллективов и собираемых ими на свои представления зрителей. На студенческих и молодежных сходках, напротив, гораздо больший энтузиазм вызывали национально-патриотические сюжеты, где исторические и мифологические темы истолковывались в дидактически осовремененном и патетическом стиле – яркий пример этого типа "студенческих" драм являет собой сценическое творчество Йозефа Новака, когда драматургу чаще всего приходилось становиться и режиссером собственных пьес. В 1921 г. отдельной книгой в Будишине была издана драма Юрия Слodenка "Наполеон", но какого-нибудь резонанса она не вызвала.

В то же время при всех эстетических слабостях этой массовой драматургии она сыграла в рассматриваемый период очень важную консолидирующую роль, поддерживая столь необходимый серболужичанам дух коллективной солидарности, который только и мог сохранить единство народа в годы фашистского террора. Выразителем этих тенденций народной солидарности стала в 1930-е годы драматургия **Юрия Вели**. Ю. Веля, выступивший как прозаик еще до первой мировой войны, вошел в историю сербо-

лужицкой литературы прежде всего как автор социально-критических и антифашистских пьес "Хозяин и работник" (1931), "Дракон" (1936), а также пьес на народно-мифологические ("Загубленная невеста", 1935) и исторические ("Наш дом", 1937) сюжеты. Событием общенационального характера стала пьеса "Дракон", в которой Веля, используя христианскую легенду о Георгии Победоносце, заложил в подоплеку сюжета весьма злободневную аллгорию о необходимости сопротивления фашизму и о его неизбежном крушении. В условиях ужесточавшегося террора пьеса разучивалась любительскими коллективами Домовины и служила духовным ориентиром и важным средством народного сплочения, даже если сама постановка властями не разрешалась. Одна из самых последних постановок "Дракона" состоялась в августе 1936 г. на традиционной встрече лужицких студентов, ей не смогли помешать и посланные туда специально группы нацистов¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Названные события подробно, с использованием открывшихся архивных документов, освещены в опубликованной диссертации: Remes F. W. Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung. Bautzen, 1992.
2. Цит. по: Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch. Hrsg. von K. Lorenz. Leipzig, 1981. S. 709.
3. Geschichte der Sorben. Bd. 3. Von 1917 bis 1945. Bautzen, 1976. S. 89–91.
4. Serbska čitanka. S. 710.
5. Огромный материал по истории мировой сорабистики представлен в книге: Zeil W. Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschafts-geschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten. Bautzen/Budyšin. 1996.
6. Serbska čitanka. S. 398.
7. Gmejska heja – палка определенной формы, которую по старинному лужицкому обычаю передавали из дома в дом и посредством которой извещали о смерти и несчастьях.
8. Цит. по предисловию К. Лоренца в издании: Хэ жка Ю. Поэзия малой каморки. Алма-Ата, 1985. С. 8.
9. Там же. С. 7.
10. Дева Жива – в серболужицкой мифологии – богиня, воплощение жизненных сил, противостоящих смерти.
11. Д. Шольце. Ота Вичаз (Рукопись на верхнелужицком языке). С. 11. О. Вичазу посвящена также диссертация Франца Шёна, к сожалению, тоже пока не опубликованная.
12. Geschichte der Sorben. Bd. 3. Von 1917 bis 1945. Bautzen, 1976. S. 178.
13. Д. Шольце. Ромуальд Домашка (Рукопись на верхнелужицком языке). С. 13.
14. Там же.
15. Там же. С. 9–10.
16. См. новейшую работу: Scholze D. Jacob Lorenz-Zaléski // "Lětopis" 42 (1995) 1. S. 106–118.
17. Более подробный литературоведческий анализ романа см.: Гугнин А. А. Концепция личности в серболужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 158–164.
18. Geschichte der Sorben. Bd. 3. S. 89–91.

В ТИСКАХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

В дискриминационной политике национал-социалистов по отношению к серболужичанам отчетливо различаются два этапа: с 1933 г. до марта 1937 г. и с 18 марта 1937 г. до мая 1945 г. В первый период — при всей жесткости в отдельных конкретных случаях — национал-социалисты стремились и надеялись ассимилировать серболужичан постепенно и мирными средствами. 12 апреля 1933 г. на неделю была запрещена газета "Сербские новости" — нацистам не понравился один из репортажей Мерчина Новака-Нехорнского. Из редакции газеты были удалены неугодные лица, а из единственного серболужицкого издательства, где публиковались все лужицкие газеты, журналы и большинство книг, — наиболее неугодные члены редакционного и попечительского совета: Новак-Нехорнский, Лоренц-Залеский, Мина Виткойц и др. Одновременно всем им запретили писать и печататься. 21 апреля того же года были произведены домашние обыски у 21 деятеля серболужицкой культуры, несколько человек (в том числе и Новак-Нехорнский) были арестованы. Но тут же последовали международные протесты, особенно из Чехословакии (Академия наук, Союз писателей и т. д.). Такая ситуация в этот период была невыгодна нацистскому руководству, и репрессии временно прекратились, серболужицкая пресса и книгопечатание продолжали функционировать. Запреты и изъятия книг (как случилось, например, с изданием "Силезских песен" П. Безруча в 1935 г.) стали носить не систематический, а "профилактический" характер. В 1936 г. Ян Скала получил запрет на редактирование журнала Союза национальных меньшинств Германии "Культурвер" ("Kulturwehr"), одновременно его исключили и из Имперской палаты письменности. В 1934 г. была арестована талантливая журналистка Марья Грольмусец (1896–1944), обвиненная в нелегальной антифашистской деятельности; после десятилетнего заключения она умерла в концлагере Равенсбрюк¹. Для достижения своих целей фашисты использовали также испытанный прием принудительного переселения наиболее активных представителей серболужицкой интеллигенции за пределы Сербской Лужицы.

По планам нацистского руководства "Вендского отдела" Домовина должна была из национальной организации превратиться в территориальную, то есть открыть доступ немцам, которые, превосходя серболужичан численностью, довольно быстро бы заняли ведущие позиции, превратив Домовину в безвредную для них

националистическую организацию и подавив тем самым всякую возможность массового национального сопротивления. Четыре года нацисты вели массированную психологическую обработку Домовины, сопровождавшуюся шантажом и выборочными репрессиями; в начале 1937 г. руководству Домовины был представлен ультимативный проект устава "Союза говорящих по-вендски немцев", при условии принятия которого должна была сохраниться и Домовина и лужицкая пресса. Но за это серболужичане должны были добровольно признать себя "немцами", хотя и говорящими "по-вендски", то есть по-серболужицки. Момент, казалось бы почти формальный, но тем не менее подводящий еще более мощное основание под и без того ускорявшиеся ассимиляционные процессы. Руководство Домовины во главе с молодым и энергичным патриотом, ученым-филологом и писателем Паволом Недо (1908–1984), отказалось признать этот ультимативный устав, унижавший национальное достоинство. Это решение Домовины отразило волю и энергию народа, так и не сломленного за многие века экономической правовой и культурной дискриминации и сохранившего волю к жизни.

18 марта 1937 г. Домовина (не запрещенная формально) была упразднена фактически: запрет на публичное употребление серболужицких языков, ликвидация всех печатных органов Домовины, роспуск Матицы серболужицкой, закрытие издательства и типографии, арест архива и библиотеки, приказ об изъятии серболужицких книг из всех публичных библиотек. Но еще в апреле 1937 г. лужичанам удалось осуществить крупную антифашистскую акцию, ставшую последней публичной антифашистской демонстрацией в Сербской Лужице. В Хохкирхе и при большом стечении народа из прилежащих к нему местностей состоялось постановка пьесы Юрия Вели "Наш дом", хотя сам автор уже был выслан за пределы Лужицы, а всякие публичные театральные представления запрещены. Историческая драма на сюжеты Тридцатилетней войны 1618–1648 годов с аллегорической антифашистской подоплекой была разыграна как пантомима (власти растерялись, поскольку на пантомимы прямого запрета не было), по ходу которой ведущий разъяснял зрителям смысл происходящих на сцене событий². То, что фашистам даже в условиях легализованного террора не удалось сломить Домовину, свидетельствует не только о духовной стойкости ее руководства, но и о ее действительно тесной связи с народом, об исторической ответственности перед ним. В воспитании чувства национального достоинства, ответственности за будущее огромную роль сыграла серболужицкая литература, непрерывно поддерживавшая и обновлявшая традиции, сложившиеся в эпоху национального возрождения.

Запрещение Домовины сопровождалось и негласным предписанием немецкой прессе: избегать каких бы то ни было сообщений и заметок о серболужичанах, запрещалось даже употреблять сам этноним "серболужичане" (Sorben, Wenden)³. Сумевшие сохранить контакты и оставшиеся на свободе члены Домовины приступили к организации антифашистского сопротивления, которое в условиях Сербской Лужицы выражалось в распространении нелегально публикуемых антифашистских материалов и в их распространении. Новак-Нехорнский в своих очерках, нелегально отпечатанных на гектографе, сообщал об акциях антифашистского сопротивления со стороны представителей польского национального меньшинства в Германии, молодой историк и филолог **Фридо Метшк** (1916–1990) публиковал и распространял нелегально свои антифашистские стихи, то же делал и Ота Вичаз, изобразивший в стихотворении "В помощь" (1941) переход от состояния полного отчаяния, вызванного первыми успехами фашистских войск в Советском Союзе, к надежде, которая, по мнению поэта, должна подкрепляться и активными действиями. Уже сам факт продолжающейся жизни запрещенного серболужицкого языка был актом сопротивления, актом поддержания национального самосознания. Подобным же актом было и распространение правдивой информации о положении на фронтах второй мировой войны, об акциях антифашистского сопротивления в сопредельных славянских странах. Активное участие в подобной работе принимали ученые и писатели Павол Недо, Ян Скала, Мина Виткойц, **Ян Цыж** (1898–1985), **Курт Кренц** (1907–1978), **Юрий Кубаш-Ворклевчан** (1902–1983), Фридо Метшк, Лоренц-Залеский, молодой **Юрий Брезан** (род. в 1916 г.) и др. Целый ряд писателей подвергался долгосрочным или кратковременным арестам, что нередко подрывало психику и здоровье (Я. Скала, Лоренц-Залеский). В 1944 г. гестапо арестовало восемь участников серболужицкой группы антифашистского сопротивления, среди них были Ян Цыж и Павол Недо, Председатель Домовины. Я. Цыж сумел сбежать из дрезденской тюрьмы во время одной из бомбардировок Дрездена. Павол Недо был освобожден из потсдамской тюрьмы Советской Армией.

После объединения Германии в 1990 г. стал возникать вопрос о том, что репрессии по отношению к серболужичанам были не столь уж велики: погибли в концлагерях единицы, в тюрьмы тоже попадали не столь уж многие, переселения за пределы Сербской Лужицы хотя и были, но все же это не тюрьма и не концлагерь. Отчасти это так, но все же удар по серболужицкому этносу за годы фашизма был нанесен колоссальный. Тотальный запрет на родной язык в

годы фашизма не поддается сравнению со всеми предшествовавшими запретами в истории Сербской Лужицы. При всем мужестве, какое проявили серболужичане при переписи 1939 г., когда необходимо было в специальной графе указать родной язык, размывание этноса все же ускорилося. Современный немецкий писатель **Йоахим Новотный**, имеющий в своем роду серболужицкие и польские корни и в раннем детстве слышавший вокруг себя славянскую речь, свидетельствовал, что его дед, желавший обеспечить нормальное выживание семьи в годы нацизма, запретил даже дома разговаривать "по-славянски" (потому что бабушка была полькой и была единственной, кто осмеливался нарушать этот запрет), и в результате мы имеем интересного немецкого писателя, не говорящего, однако, ни на одном из славянских языков. Подобного рода утраты, может быть, и не имеющие серьезного значения для большого, многочисленного этноса (но серболужичан-то сегодня осталось всего 60.000 человек), еще никто не догадался подсчитать... Но все же в данном контексте совершенно понятно, почему и в годы фашизма серболужичане не столько занимались подрывными антифашистскими акциями, а по-прежнему решали свою важнейшую национальную задачу: сохраняли национальный этнос и родной язык, ибо именно в этом состоял их специфически национальный антифашизм и интернациональный патриотизм (что далеко не всегда понимают исследователи, стремящиеся ко всем явлениям применять одни и те же масштабы и мерки).

Несмотря на все виды давления и террора, которые использовали национал-социалисты по отношению к серболужичанам, им не удалось окончательно прервать преемственность литературного и культурного развития и погасить веру в неизбежный разгром фашизма, запечатленную в подпольных стихотворениях Ф. Метшка, О. Вичаза, в пражских стихотворениях Ю. Хежки и др. В 1943–1945 гг. известный серболужицкий композитор **Бьярнат Кравц** (1861–1948) создал на слова поэта-антифашиста Михала Навки ораторию "Война и мир", где тоже звучит несокрушимая вера в разгром фашизма, в победу справедливости и в светлое мирное будущее народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробному анализу ее жизни и деятельности посвящена монография: Daňmšowa-Meškankec W. Marja Grólmusec. 1896–1944. Budyšin, 1996.
2. Geschichte der Sorben. Bd. 3. Bautzen, 1976. S. 173–174.
3. Serbska čitanka. Hrsg. von K. Lorenz. Leipzig, 1981. S. 713.

ОТ РАЗГРОМА НЕМЕЦКОГО ФАШИЗМА ДО КОНЦА 1960-Х ГОДОВ

Годы нацистского режима были самыми трагичными во всей многострадальной истории серболужицкого народа. Сначала фашисты с помощью угроз и уговоров хотели добиться того, чтобы лужичане признали себя "немцами, говорящими по-вендски"* . Когда же Домовина отказалась подчиниться унижительным требованиям, превращавшим эту национально-просветительскую организацию в антинародный придаток национал-социалистского политического механизма, она была в 1937 г. фактически запрещена и начались настоящие репрессии. Атмосфера угроз и арестов надломилась здоровье и психику и ускорила смерть Якуба Лоренца-Залесского и Яна Склалы, погибли Юрий Хежка и Марья Грольмусец. Руководитель Домовины крупный ученый и писатель Павол Недо был освобожден из тюрьмы наступавшими советскими войсками.

Уже в мае 1945 г. Домовина возобновила свою деятельность как национальная антифашистская организация, ее ячейки вскоре распространились по всей Сербской Лужице. В то же время сербы-антифашисты, проживавшие в Праге, а также лужичане, освобожденные из концлагеря Дахау, основали в Праге Лужицкосербский национальный комитет. Названный комитет развернул активную агитацию за выход Сербской Лужицы из состава Германии и присоединение ее к Чехословакии. Комитету удалось привлечь на свою сторону часть локальных организаций Домовины, но Съезд Домовины, состоявшийся 30 ноября 1946 г., отказался подчиниться Национальному Комитету, хотя сам вопрос о присоединении к Чехословакии продолжал вставать до 1948 г. Когда к власти в Чехословакии пришла КПЧ, Серболужицкий национальный комитет в Праге был распущен¹.

* Этноним **венды** (венеды), восходящий к античным сочинениям первых веков н. э. (Плиний Старший, Корнелий Тацит, Клавдий Птолемей и др.), в ходе истории закрепился как официальное немецкое обозначение серболужичан, заключающее в себе негативно-пренебрежительный оттенок, см.: Schuster-Sewc H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb // "Lëtöpis". Rjad A. Budyšin, 1983, čo. 30, N 2. S. 138 ("Венд – необразованный и неотесанный деревенский мужик, обремененный негативными чертами характера"). Поэтому после 1945 г. серболужичан в ГДР стали официально называть "Sorben" (ед. ч. Sorbe), что восходит к этнониму "Sorb", употреблявшемуся с VII в. н. э. как самоназвание группы племен, переселявшихся с Балкан. Сами серболужичане уже с эпохи реформации чаще называли себя "Serb" (мн. ч. Serbja).

Активную деятельность, направленную на социальное обновление Верхней и Нижней Лужиц и возрождение национальной серболужицкой культуры, в первые послевоенные годы развернули писатели, прошедшие через антифашистскую борьбу, концлагери, запреты и выселения, тюрьмы и вторую мировую войну: разносторонний литератор, переводчик и талантливый художник Мерчин Новак-Нехорнский, народная нижнелужицкая поэтесса Мина Виткойц, писатель и ученый Ота Вичаз, талантливый поэт и один из крупнейших серболужицких историков Фридо Метшк и другие. В 1946 г. по инициативе молодого писателя Юрия Брезана было воссоздано Объединение серболужицких писателей, позднее получившее статус окружного отделения Союза писателей ГДР; его первым председателем был избран М. Новак-Нехорнский. В 1947 г. Домовина получила от СВАГ лицензию на открытие собственной типографии и издательства; в том же году начинает выходить серболужицкая газета "Нова доба". По закону 1948 г. серболужичане получили возможности свободного изучения родного языка и развития национальной культуры, которое ограничивалось, правда, в формах выражения и в содержательном плане – в соответствии с общей культурной политикой СЕПГ и правительства ГДР. В 1948 г. был основан первый в истории Сербской лужицы профессиональный театр, тогда же начинается и регулярное радиовещание на верхнелужицком и нижнелужицком языках. С 1950 годов начинает выходить культурно-политический ежемесячник "Розгляд". В 1951 г. был основан Институт серболужицкого народоведения, ставший органом Академии наук ГДР и развернувший разностороннюю публикаторскую и исследовательскую деятельность; в университете в Лейпциге – и тоже впервые в серболужицкой истории – был открыт Институт сорабистики, где студенты получили возможность изучать язык, литературу и историю Верхней и Нижней Лужиц. С каждым годом возрастало число книг, учебников, научных исследований и научных периодических изданий на родном языке.

Впервые за свою многовековую историю Сербская Лужица получила самые благоприятные условия для национального культурного возрождения. Редкий исторический шанс был использован. Учитывая, что в Нижней и Верхней Лужицах проживает около 60 000 лужичан*, можно лишь констатировать, что серболужицкая

* Специальных статистических подсчетов серболужицкого населения в условиях ГДР не проводилось – в соответствующих документах стояла постоянная цифра – 110 000 человек. Подсчеты по тщательно разработанной системе анкетирования, которые в последние годы существования ГДР стал осуществлять Институт серболужицкого народоведения (Людвиг Элле и др.), в ГДР так и не были в полном объеме

литература в послевоенных условиях (и при всех недостатках культурной политики в ГДР, распространявшихся и на Сербскую Лужицу)² сумела достичь невиданного прежде расцвета, став не только важной составной частью литературы ГДР, но и выделив из своей среды целую группу первостепенных талантов.

Развитие серболужицкой литературы после 1945 г. отмечено некоторыми специфическими особенностями. Важнейшая из них – двуязычие серболужичан, установившееся с начала XX в. В годы нацистского режима, когда серболужицкий язык был запрещен, постепенно сократилось и число серболужичан, говорящих и пишущих на родном языке. Послевоенные серболужицкие писатели зачастую создавали свои произведения как на немецком, так и на верхнелужицком или нижнелужицком языках. Наиболее характерный пример здесь – творчество Юрия Брезана (род. в 1916 г.), который с равным успехом пишет по-верхнелужицки и по-немецки. Весьма показательно в данном плане и творчество крупнейшего современного серболужицкого поэта Кито Лоренца (род. в 1938), который до 14 лет не писал по-лужицки и лишь в процессе занятий славистикой, а также книгами и рукописями своего великого деда, крупнейшего серболужицкого прозаика первой половины XX в. Якуба Лоренца-Залеского, постепенно стал писать и на родном языке. Двуязычие серболужицких писателей и читателей способствовало углублению творческих контактов с немецкими писателями, значительному увеличению публикаций серболужицкой литературы на немецком языке, вообще активному вовлечению богатого опыта немецкой культуры и литературы в серболужицкую послевоенную литературу. Другая важнейшая особенность развития серболужицкой литературы после 1945 г. – постоянный рост творческих контактов со всеми славянскими литературами и резкое увеличение числа переводов лужицких писателей на различные славянские языки, включая украинский и белорусский. Славянские страны стали не только темой многочисленных путевых очерков серболужицких писателей, но почерпнутые во время поездок и встреч впечатления породили множество стихотворений, поэм, рассказов и повестей как на современные, так и на исторические сюжеты.

Весьма характерная особенность послевоенной серболужицкой литературы связана с тем, что серболужичане – впервые в

опубликованы. Поэтому сейчас практически невозможно точно разграничить, сколько серболужичан было ассимилировано немцами в годы национал-социализма и сколько из них были "онемечены" уже в условиях ГДР. Современные расхождения в статистике (от 50 до 67 тыс. чел.) говорят, по сути, об одном: этнических серболужичан больше, чем серболужичан, говорящих на родных языках.

своей истории — получили конституционное равноправие с немцами, освободившись от национального гнета и различных форм социально-экономической, политической и прочей (в сфере культуры, образования и т. д.) дискриминации. Преимущества, которые серболужицане получили в условиях ГДР, были вплоть до 1970-х годов гораздо более очевидными, чем те новые проблемы и противоречия, которые социализм принес в том числе и на эту древнюю славянскую землю. Трагические ноты, связанные с осознанием сложных внутренних противоречий социалистического общества, активно заявляют о себе в серболужицкой литературе в 1970-е годы в творчестве Юрия Коха, Ангелы Стаховой, Кито Лоренца, Бенедикта Дырлиха и некоторых других писателей.

Заметной чертой первых послевоенных лет была тесная связь лужицкой и чешской интеллигенции, продолжавшая контакты межвоенного двадцатилетия, в которых заметную роль сыграл, например, чешский литератор **Владимир Змешкал** (1902–1966), ставший уже в 1921 г. членом Матицы серболужицкой. В Праге более года (1945–1946) выходил двухнедельный журнал "Наши новины. Лужицкосербский часопис", редактировавшийся выпускником пражской Серболужицкой семинарии **Юрием Мерчинком** (род. в 1919 г.). В 1947–1949 гг. выходил журнал "Наш путь", посвященный проблемам лужицкой молодежи, проживавшей в Чехословакии, выходили и другие издания. Автобиографическая поэма Мины Виткойц "Эрфуртские воспоминания" впервые вышла на чешском языке в Праге в 1947 г. И в последующие годы серболужицко-чешские литературные взаимосвязи оставались наиболее интенсивными. За ними уже шли контакты с Польшей, Словакией, Украиной, Россией, Белоруссией и Югославией.

Поэзия. Как оперативный жанр актуально-политическая лирика уже с 1945 г. стал публиковаться на страницах первых серболужицких послевоенных газет и журналов. Эти стихотворения, как правило, были незамысловаты по форме и содержанию, в зависимости от темы насыщены оптимистическим, сатирическим или дидактическим пафосом, но вполне отвечали массовому самосознанию и коллективному мироощущению освобожденного народа.

После 1945 г. вернулись к общественной и литературной деятельности поэты и переводчики, активно работавшие в годы Веймарской Республики и пережившие нацистский террор: **Ота Вичаз** (1874–1952), **Михал Навка** (1885–1968), **Мина Виткойц** (1893–1975), **Ян Лайнерт** (1892–1974), **Мерчин Новак-Нехорнский** (1900–1990), **Йозеф Новак** (1895–1978), **Юрий Вуйеш** (1905–1968) и др. Их новые произведения в первые послевоенные годы, как правило, публиковались в газетах и журналах; отдельные книги начали выходить

уже в 1950-е годы. Так, в 1947 г. Ота Вичаз, редактор "Новой Лужицы" (литературное приложение к газете "Нова доба") опубликовал подборки стихотворений **Фридо Метшка** (1916–1990) из двух стихотворных сборников (1939, 1944), тайно набранных поэтом на гектографе еще в нацистской Германии.

Наиболее активно как поэт в первое послевоенное десятилетие выступал **Юрий Брезан**, жизненный опыт которого включал в себя нелегальную антифашистскую работу, арест, несколько месяцев тюрьмы, сельскохозяйственные работы в разных местах Германии, службу в вермахте и плен. В 1946–1948 гг. Брезан был одним из руководителей молодежной организации Домовины, организатором самодеятельных агитбригад, для которых он написал многие стихотворения и пьесы, в те годы с успехом исполнявшиеся. Позднее Брезан так определил пафос своей общественной и литературной деятельности в первые послевоенные годы: "Тысячи лет рабства, тысячи лет издевательства просто так не сбросишь, но от наследия тех веков освобожденные могли освободиться только сами... Я стал одновременно учеником и учителем. А по ночам я писал стихи, которые можно было читать, сцены, которые можно было играть..."³ Стихотворения Брезана собраны в трех сборниках на верхнелужицком языке: "В новое время" (1950), "Мир станет прекраснее" (1951), "Наши будни" (1955). В 1951 г. вышла книга стихов и прозы Брезана "На меже растет рожь" на немецком языке, подготовленная самим автором. С этой книги Брезан становится двуязычным писателем. Кроме того в 1954 г. он издал в своих переводах первую антологию серболужицкой поэзии на немецком языке, включавшую в себя как классическую, так и современную поэзию.

Основные чувства и настроения, питающие поэзию Брезана – радость освобождения родного народа из-под многовекового национального и социального гнета, вера в счастливое будущее, в единство славянских народов, единство столь важное для маленького и потому почти беззащитного народа Сербской Лужицы:

В огромном славянском братстве
Самый малый народ – это мы,
Жители сербского края
Дети лужицкой земли...
"Песня сербов", 1950

Постепенно в творчестве поэта все большее место начинает занимать воспевание социалистического строительства, воспринимавшегося в Сербской Лужице действительно с большим энтузиазмом, чем в остальной части советизированной Германии. В цикле стихотворений "Комбинат "Черна Пумпа" (1956), Брезан

раньше других поэтов ГДР обратился к теме строительства огромного коксохимического комбината "Шварце пумпе", которое началось в местах проживания серболужицан и имело достаточно негативные экологические последствия (о чем с 1970-х годов и уже совсем по-другому начали писать Ю. Кох, А. Стахова и другие писатели). Философская и любовная лирика Брезана, как правило, гораздо менее идеологизирована и представляется более совершенной в формальном плане. С середины пятидесятых годов Брезан почти не публиковал стихотворений и сосредоточился на прозе.

Весьма заметное место в поэзии первого послевоенного десятилетия заняла лирика **Юрия Млынка** (1927–1971). Особенно показательна его ранняя автобиографическая поэма "К свету" (1947), достоверно воспроизводящая реалии жизни и психологическую атмосферу в Сербской Лужице в годы нацистского режима, оплакивающая жертвы и передающая радость освобождения в 1945 г., когда в Лужице снова зазвучала славянская речь. И здесь возникает тема славянского единства как общего духовного братства, созданного Дворжаком, Сметаной и Чайковским, Безручем, Пушкиным, Лермонтовым, Толстым и Мицкевичем. В эпилоге поэмы, написанном в 1955 г., Млынк перечисляет преимущества новой жизни и вспоминает о плеяде серболужицких писателей-патриотов, боровшихся словом и делом за лучшее будущее Сербской Лужицы (Мато Косык, Я. Лоренц-Залеский, Я. Барт-Чишинский, Г. Зейлер); "Эпилог" завершается патетическим восклицанием:

Восхищаюсь
И всей душой воспеваю:
омоложенную землю нашу,
чудесных людей наших
и родной язык наш прекрасный!

Сборник стихотворений "Что я люблю" (1959) раскрыл новые возможности поэтического дара Млынка (например, в жанрах философской лирики и баллады), но стал в то же время итоговым: как и Брезан, Млынк не писал больше собственных стихотворений. Но зато исключительно важным был вклад Млынка в серболужицкое литературоведение, издательское дело; весьма плодотворной и разнообразной была и его переводческая деятельность, касавшаяся немецких (Гейне, Рильке, Трактль, Брехт), английских (Шекспир), польских (Мицкевич, Норвид) и чешских (Незвал, Волькер) поэтов.

Новое поколение серболужицких поэтов, вошедшее в литературу в начале 1960-х годов, наиболее ярко представляют **Юрий Кох** (род. в 1936 г.) и **Кито Лоренц**. Но если для первого поэзия была лишь "пробой пера" на пути к серьезной прозе, то второй уже в

шестидесятые годы стал ведущим поэтом обеих Лужиц. Стихотворения Ю. Коха собраны в сборнике "Уличный концерт" (1965) и отражают жизненный опыт незаурядного журналиста, получившего образование, много путешествовавшего и примерявшегося к самым различным темам в поисках главного направления своего таланта, который явно тяготел к прозе.

Кито Лоренц, внук Якуба Лоренца-Залеского, крупнейшего серболужицкого прозаика первой половины XX века, родился в 1938 г., в то самое время, когда его великий дед был арестован фашистами. Впоследствии К. Лоренц вспоминал, с каким любопытством и благоговением он подходил в детстве к хранившимся в доме отца книгам и рукописям деда, мечтая о "чуде, которое произойдет, как только я смогу прочитать бумаги в шкафу, что тогда для меня означало: вообще начать жить другой жизнью в другом языке". Первые литературные опыты К. Лоренца были еще на немецком языке, но очень скоро он перешел к серболужицкому языку, на котором был издан его первый поэтический сборник "Новые времена – новые свадьбы" (1961). В период работы над этой книгой творческий поиск поэта идет по двум основным направлениям: во-первых, осмысление современной действительности, проблем строительства основ социализма в ГДР ("Записки бригадира", 1959) и, во-вторых, осмысление соотношения прошлого и настоящего самой Сербской Лужицы, погружение в стихию народного языка, многовековую народную культурную традицию. Поэт изучает топографию и историю родного края, ездит по отдаленным деревням, слушая и записывая сохранившиеся народные песни, читает произведения лужицких классиков, обнаруживая полузабытые или неизвестные тексты, в том числе рукописи своего деда. Все эти впечатления и интенсивная духовная работа находят отражение в тематике и содержании многочисленных произведений, которые К. Лоренц пишет в эти годы как на нижнелужицком, так и на верхнелужицком языках. Так, в написанном на нижнелужицком языке большом стихотворении "Требин – Слепо – Милораз" (1959–1960) дается эмоциональный образ местности между трех деревень, где прошло раннее детство поэта, но еще более важен здесь второй поэтический слой: осознанное возвращение поэта в родную местность, восприятие ее как одного из важных центров серболужицкой духовности, связанного с Я. Бартом-Чишинским, Я. Лоренцом-Залеским и полузабытым Ханзо Непилой (ок. 1761–1856), сыном крепостного крестьянина, создавшим около тридцати рукописей теологического и автобиографического характера, посмертно лишь частично опубликованных. Эта двойная – эмоциональная и интеллектуальная – оптика становится отличительной чертой поэзии

К. Лоренца. Она чувствуется и в другом нижнелужицком стихотворении "Проповедь" (1960), посвященном нижнелужицкому священнику и писателю Мато Косыку (1853–1940), эмигрировавшему в 1883 г. в Северную Америку и обращавшемуся в своих проповедях и стихотворениях к проблемам американских индейцев, сочувствие и любовь к которым сливались в его творчестве с тоской и любовью к оставленной им и недосыгаемо далекой Сербской Лужице.

Следующий этап развития поэзии К. Лоренца можно до определенной степени связать с воздействием на него творчества **Йоханнеса Бобровского**, сказавшемся в том числе и в попытках Лоренца одновременно писать на немецком и серболужицком языках. Реально-вымышленную "сарматскую равнину" Бобровского, простиравшуюся от Балтийского и до Черного моря, населяют пруссы и полабские славяне, литовцы и белоруссы, русские и украинцы, немцы и евреи, но также и серболужичане (например, в посвященном Я. Барту-Чишинскому стихотворении "Якуб Барт в Ральбцах", 1963). Лоренц публикует в 1965 г. "Эпитафию Йоханнесу Бобровскому" на немецком и верхнелужицком языках, в которой, обыгрывая в том числе славянскую огласовку корня фамилии немецкого писателя ("бобр", то есть "бобер"), говорит о "редкой работе бобров: валить дикорастущие деревья горечи и возводить из них светлые заводы любви..."

В 1967 г. одновременно на немецком и верхнелужицком языках выходит второй поэтический сборник Лоренца "Струга. Образы нашего края". Струга – небольшая речка в Нижней Лужице, превращенная поэтом в символ вечно живого исторического прошлого и противоречивого настоящего, которое поэт пока еще осмысляет в оптимистическом ключе. Весьма показательно в этом плане заглавное стихотворение "Струга", где радость и горечь встречи с любимой речкой несколько раз сменяют друг друга, чтобы в финале найти умиротворение, если не на реальном (Струга тоже стала объектом социалистической индустриализации со всеми вытекающими последствиями), то хотя бы на духовно-философском уровне:

...Струга, те течешь сквозь меня, беспокоен
светлый ток твоей крови в открытых
венах ландшафта, гонят ее
удары моего сердца. Не меркнет воспоминанье:
прыжок форели, высоко
над лугом взметнувшийся, след ее
еще холодит бедро: множество белых рыб
из белой воды, и свечение в бездне
под веками нашими,
как созвездья деревень –

Млечный путь через сенные ночи: Струга.
И в пасхальное утро, прежде чем
солнце трижды блеснет,
молчаливы и прямы,
из березовых звонких ворот
девушки тихо к берегу шли,
голубыми кувшинами черпали
юность и красоту:
только молчите, не оборачивайтесь...
...О родина, бедный обетованный край,
я мог бы бежать оттуда, как некогда
карлики и лилипуты от звона колоколов,
мог попытаться бегством спастись,
скрываясь от запахов Струги зловонной...
...И вот станция. Поезд. Легка,
точно форель, выпрыгивает из вагона
лужицкая танцовщица.
Юность и красота — и ничто
вовсе не рухнуло, так говорю я,
ну, оглянись, обернись: это ж Струга,
та струна в нас, что вечно звучит.
Я иду, чтоб настроить ее,
Я иду к роднику.

Перевод И. Снеговой

Форели, выпрыгивавшие в пору детства из чистой воды Струги, безвозвратно исчезли, они могут ожить разве что в воспоминании, но "лужицкая танцовщица" — тоже часть родного ландшафта и словно бы восполняет собой то, что уже утратила сама природа. Струга, потерявшая в реальности свой идеальный облик становится поэтическим символом, "той струной в нас, что вечно звучит". У какого же "источника" или "родника" эту "струну" можно "настроить", если новая действительность принесла с собой новые противоречия? Все последующее творчество Лоренца по существу представляет собой снова и снова повторяющиеся попытки снять или разрешить это противоречие: с помощью внимательного освоения глубинных слоев серболужицкой народной и книжной культуры, самой лужицкой духовности; с помощью создания нового серболужицко-немецкого, то есть двуязычного, культурного ландшафта, в рамках которого не нужно было бы отвергать или игнорировать сложившиеся исторические реальности, но активно использовать их в национальных интересах.

Проза. Из старшего поколения серболужицких писателей, чье творчество нашло читательский отклик еще в Веймарской Республике, в послевоенной лужицкой литературе успешно продолжали работать **Марья Кубашец** (1890–1976) и Мерчин Новак-Ньехорнский. Марья Кубашец, первая серболужицкая женщина-педагог (преподавала историю в школах, гимназиях и высших учебных за-

ведениях в 1909–1956 гг.), в сборнике рассказов "Могила в лужицком перелеске" (1949) повествует о последних месяцах войны, о первых днях освобождения, о взаимоотношениях серболужичан с советскими солдатами, о трудных шагах к новой жизни. Темы и сюжеты почерпнуты из реальных наблюдений и переживаний автора, сила их воздействия на читателя – в непритязательности аутентичного повествования. Второй прозаический сборник писательницы "Колесо времени" (1950) продолжает означенную тематику. В дальнейшем М. Кубашец много сделала для развития жанра биографической и исторической прозы в серболужицкой литературе. В 1962 г. она издала "Звезды над бездной" – беллетризованную биографию мужественной лужицкой журналистки-антифашистки Марьи Грольмусец, погибшей в концлагере Равенсбрюк. В 1967 г. она продолжила эту тему книгой о лужицком антифашисте Алоисе Андрицком, узнике концлагеря Дахау. Женщинам-антифашисткам посвящена книга "медальонов" и рассказов "Ванда", опубликованная в 1962 г. Для серболужицкой исторической прозы большое значение имела трилогия М. Кубашец "Босний Сербин" (1963–1967), посвященная подвижнической жизни серболужицкого учителя Босция Сербина, жившего в XVIII в. и в неимоверно трудных условиях проводившего в жизнь идеи национального возрождения. М. Кубашец создавала также книги для детей и переводила славянских писателей на серболужицкий язык (Пушкин, И. Тургенев, Л. Толстой, Горький, А. Ирасек и др.).

Мерчин Новак-Ньехорнский, талантливый художник и один из самых плодотворных серболужицких писателей, издавший немало книг и сотни репортажей еще в 1920–1930 годах, успешно продолжал работать как художник и писатель после второй мировой войны; нередко он сам иллюстрировал свои книги. Его творчество всегда отличалось глубинной связью с фольклором, доскональным знанием народного быта и верований, вплоть до мельчайших этнографических подробностей. В книге "Бородатый домовый и другие сказки" (1950) Новак-Ньехорнский собрал свои литературные сказки. В следующей книге "Записки Бобака" (1952, Бобак (пугало, чучело) – один из довоенных псевдонимов писателя) он поместил несколько очерков из затрещенной нацистами книги "По сербским дорогам" (1936), но основной массив ее составили репортажи о послевоенной Лужице; последнюю тему он продолжил в книгах "Бывалый лужичанин" (1954) и "От вчера к завтра" (1960). Особая литературная судьба ожидала литературную обработку М. Новак-Ньехорским народной легенды о Крабате "Магистр Крабат" (1954). Легенды о народном герое-освободителе Крабате,

впервые записанные серболужицким композитором, историком и этнографом Юрием Пилком, были изданы по-немецки и по-верхнелужицки еще в 1896 г., но тогда не привлекли внимания. Юрий Брезан сразу же после выхода "Магистра Крабата" перевел книгу на немецкий язык, затем издал по-серболужицки и по-немецки свою собственную беллетризованную переработку – повесть "Черная мельница" (1968), использовав затем весь известный материал в своем знаменитом философско-фантастическом романе "Крабат, или Преображение мира" (1976).

И все же именно художественный и автобиографический очерк продолжает оставаться ведущим жанром в послевоенном творчестве М. Новака-Нехорнского. Новак-Нехорнский знал русский язык, собрал солидную библиотеку русской литературы и издал свои переводы прозы Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Пришвина, Паустовского и Гайдара.

В число творчески наиболее активных верхнелужицких прозаиков рано вошел и Юрий Брезан. Его сборники "Первая борозда" (1951), "Старуха Янчова" (1952) и роман "52 недели составляют год" (1953) привлекли к себе внимание сочностью отдельных выхваченных из гущи народной жизни образов. Такие рассказы, как "Конь Фридолин" и "Как старуха Янчова с начальством воевала" стали в самом лучшем смысле хрестоматийными. "Марью Янчову Брезана, после того, как его рассказы были переведены на другие языки, называли "Мамаша Кураж западных славян", – отмечала Л. Хайнец. Оба названных рассказа Брезан сразу же издал и на немецком языке. В 1951 г. Брезану (а также М. Новаку-Нехорнскому и Юрию Винару) была вручена – впервые в истории серболужичан – Национальная премия ГДР. Именно Брезан в первые послевоенные десятилетия был наиболее представительным серболужицким писателем в рамках литературы ГДР в целом, издавая на немецком языке собственные произведения и переводя на этот язык многих серболужицких поэтов и прозаиков.

Широкую известность Брезану принесла автобиографическая трилогия о Феликсе Хануше. Три романа эпопеи "Гимназист" (1958), "Семестр потерянного времени" (1960) и "Годы зрелости" (1964) – стали заметными вехами в истории литературы ГДР, искавшей пути к созданию полнокровных реалистических образов. Своеобразие этой трилогии среди других произведений литературы ГДР, относящихся к жанру "романа воспитания", еще и в том, что главный герой ее, Феликс Хануш – не немец, а лужицкий серб. Разоблачение фашизма здесь идет под двойным углом зрения: национальным и социальным. Ведь фашистская теория "расового превосходства" на практике должна была привести если

не к полному физическому уничтожению лужицких сербов, то к их полному онемечиванию.

Хронологические рамки трилогии охватывают период с первой мировой войны до конца 1950-х годов. Действие двух первых томов сфокусировано на жизни и ближайшем окружении Феликса Хануша, который поначалу ищет только личного счастья, а потом, стремясь к материальному благополучию и карьере, невольно "оказывается между двух миров: как инспектор – между помещиком и арендаторами, между владельцем замка и иностранными рабочими, а становясь солдатом – между немецкой армией и советскими партизанами"⁶. Брезан убедительно показывает, что достойный человека выход из жизненного тупика можно найти лишь приняв правильное политическое решение. Следует отметить, что как и в большинстве "романов воспитания" главный герой отличается автобиографическими чертами). Действие третьего тома трилогии происходит в послевоенных условиях, в ГДР, когда герой уже нашел свое место в строительстве новой жизни. Характерно, что единство сюжетной линии здесь нарушается, хотя события по-прежнему развиваются в деревне, где начинаются коренные социальные преобразования. Переход героя с позиции эгоцентрического взгляда на мир на широкие общественные позиции изменяет композицию романа. В "Годах зрелости" появляются новые ветви прежде единой сюжетной линии ("ветвь" Симона, "ветвь" Вильфрида, "ветвь" Румбо) с помощью подобных "разветвлений" автору удается воссоздать сложную и многомерную картину послевоенной действительности, показать противоборство различных идей и подходов к жизни.

Помимо завершающего тома трилогии о Феликсе Хануше Брезан создает в шестидесятые годы романы "Роберт и Сабина" (в немецком варианте "История одной любви", 1962) и "Поездка в Краков" (1966). В первом из них писатель в определенном смысле предвзято "Расколотое небо" Кристи Вольф, изображает любовь и духовные разногласия врача из ГДР Роберта Хартунга и славистки из ФРГ Сабины Кёниг; во втором Брезан затрагивает тему преодоления наследия прошлого во взаимоотношениях немцев и поляков после второй мировой войны. В 1968 г., когда вышла повесть "Черная мельница", Брезан отказывается от своих прежних представлений о роли и функциях литературы в обществе: "С каждой книгой я спускался с учительской кафедры ступенькой ниже. Я больше не претендую на роль ментора, а хочу быть ухом, глазами и языком самой жизни"⁷. Постепенный отход от прямолинейного социологического схематизма и дидактизм, расширение философской и нравственной перспективы художественного творчества –

по этому пути шли и немецкая и серболужицкая литература ГДР. Развитие прозы Брезана вполне укладывается в это русло, наиболее показательно демонстрируя в эти годы его серболужицкую "струю".

Из представителей старшего поколения серболужицких прозаиков 1950–60-х годов необходимо упомянуть **Курта Кренца** (1907–1978), рабочего, рано вступившего в КПГ, прошедшего через гитлеровские тюрьмы и возглавившего в 1951 г. Домовину. В автобиографическом романе "Ян. Роман ищущего человека" (1955) изображаются жизнь и раздумья героя в Веймарской Республике, в годы второй мировой войны и постепенное нахождение им своего места в рядах строителей социализма. В юмористическом и сатирическом жанре, активно используя фольклорные приемы, успешно работал **Юрий Винар** (род. в 1919 г.), издавший сборник рассказов "Горшок с деньгами" (1955), юмористический роман "Грешная деревня" (1963) о конце войны и первых послевоенных месяцах в одной из лужицких деревень, а также сборник рассказов "Матильда и священник" (1961), воссоздающих некоторые характерные эпизоды довоенной жизни. Традиции Я. Гашека попытался продолжить **Антон Навка** (род. в 1913) в повестях "С чужой лопатой" (1961) и "С чужой винтовкой" (1964), создавший в образе солдата-лужичанина Гавштына Новотника своеобразного двойника "бравого солдата Швейка". В повести "Ядвига" (1969) А. Навка рассказывает о дружбе польской девушки и двух молодых лужичан в годы второй мировой войны. Навка успешно выступал также как переводчик на верхнелужицкий язык произведений мировой классики (Бальзак, Д. Лондон, Крашевский, Мольер и др.). Из произведений, созданных писателями старшего поколения, необходимо упомянуть еще исторический роман-хронику **Яна Цыжа** (1898–1985) "За хлебом насущным" (1957), автора антивоенных антифашистских рассказов **Юрия Кубаша-Ворклечана** (1902–1983), а также нижнелужицкого прозаика **Велема Бери** (род. в 1902 г.), автора талантливой книги "Деревня над лесом" (1958).

Более молодое поколение прозаиков активно заявляет о себе лишь в шестидесятые годы, когда был опубликован роман **Петра Малинка** (1931–1985) "Две горсти песка" (1964), рассказы "Василек и красный мак", 1965) и роман ("Дни на чужбине", 1967) **Марьи Млынковой** (1934–1971), а также романы, новеллы и повести **Бено Шолты** (1928–1986), **Бено Будара** (род. в 1928 г.), **Юрия Кравжи** (род. в 1934 г.), **Яна Ворнара** (род. в 1934 г.) и **Юрия Коха** (род. в 1936 г.). В творчестве названных прозаиков постепенно преодолевается навязанный дидактизм, обостряется критическое чутье, заметно расширяется круг философских, нравственных и эстетических проблем.

Драма. Специфической особенностью развития серболужицкой драмы до 1945 г. было полное отсутствие национального профессионального театра, хотя в любительских кружках пьесы на серболужицком языке исполнялись с 1862 г. Но приходится констатировать, что серболужицкая литература и в рассматриваемый период не выдвинула ярких драматургов; самые крупные удаchi серболужицкого профессионального театра, открывшегося в 1948 г. в Будишине, связаны, как правило, с авторскими драматургическими обработками собственных прозаических произведений.

Немало пьес в первые послевоенные годы написал **Юрий Брезан**: "Возвращение домой" (1946), "Беглецы" (1947), "Спор из-за невесты" (1948), "Старик Хенчль" (1949), "Сердце на распутье" (1950). Эти пьесы игрались в любительских коллективах и на немецкий язык не переводились. Брезан хотел наглядно изобразить актуальные и еще не стершиеся в памяти общественные события и факты конца войны и послевоенной жизни, а в двух пьесах ("Старик Хенчль" и "Сердце на распутье") развевать легенду о "классово-индифферентных лужичанах", отыскав в народной истории ростки социальной активности, которые, по мнению Брезана, должны были пышно разрастись в условиях социализма⁸.

Пьесу "Ночь в лесу" (1950) Брезан написал по-верхнелужицки и по-немецки и она исполнялась любительскими студенческими коллективами, выезжавшими с шефскими концертами на предприятия, на двух языках. Первый большой театральный успех выпал на долю пьесы Брезана "Марья Янчова" (1959), которую он создал по своей же новелле "Как старуха Янчова с начальством воевала". Пьеса, вышедшая отдельной книгой, игралась не только в Лужице, но и была поставлена в 1960 г. на немецком языке театром имени Максима Горького в Берлине. В разных городах ГДР шла также и пьеса Брезана "Годы возмужания" (1968), написанная им по-немецки и по-верхнелужицки на основе романа "Пора зрелости".

Заметным успехом у зрителей пользовались и пьесы **Петра Малинка**, выступившего в 1957 г. с инсценировкой "Бунтарь Ян Цушка" по рассказу Б. Будара о предводителе восставших серболужицких крестьян. В 1961 г. он выступил с собственной исторической пьесой "Просьба о помиловании", продолжив тему о восстании серболужицких крестьян в 1796 г. Эту пьесу увидели тысячи лужицких и немецких зрителей. Следующая пьеса Малинка "Ночной пациент" (1967) о трагической судьбе лужицкой девушки и польского военнопленного с успехом шла не только в Будишине, но и в Чехословакии и Польше. К пьесам, которые успешно ставились немецко-лужицким театром в Будишине, а также любитель-

скими коллективами, можно отнести и историческую драму **Бено Шолты** "Человек должен много знать" (1960), пьесы для детей и юношества **Ганьжи Беньшовой** (род. в 1911 г.) "Надейся на Макса" (1961), "Как Нитка-Витка справилась с делами" (1965), "Жемчужина Водяного" (1969), и некоторые другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Šolta J. Befreiung vom Hitlerfaschismus und Beginn der revolutionären Erneuerung bei den Sorben. Über einige Voraussetzungen und Besonderheiten // Šolta J. Wirtschaft, Kultur und Nationalität. Bautzen, 1990. S. 142; Schiller K. J. Die Sorben in der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung. 1945–1949. Bautzen, 1976.

2. О культурной политике ГДР см.: Гугнин А. А. Год 1990 – что дальше? // "Вопросы литературы". М., 1990, № 8. С. 150–160; Гугнин А. А. Идеология, культурная политика и культура: на примере истории литературы ГДР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). М., 1992. С. 120–169; Гугнин А. А. Литература ГДР и культурная политика СЕПГ (1949–1990) // Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). М., 1992. С. 78–112. Применительно к Сербской Лужице данный вопрос еще нуждается в специальной разработке, поскольку очень сильные в ГДР тенденции к **унификации** (в школьном оборудовании и т. д.) порой очень болезненно отражались на серболужичанах. Кроме того проблема экологии нигде не была столь болезненной, как в Сербской Лужице, так как уничтожение деревень в районах добычи бурого угля было одновременно и уничтожением последних очагов серболужицкого национального этноса. Эта проблематика многократно отражена в серболужицкой литературе, но литературоведчески еще практически не освоена.

3. Цит. по: Брезан Ю. Черная мельница. Повесть и рассказы. Составл. и предисл. А. Гугнина. М., 1985. С. 16–17.

4. Wajler-Wilke M. Fünf Fragen an Kito Lorenz // Lorenz K. Wortland. Gedichte. Leipzig, 1984. S. 157.

5. История литературы ГДР. М., 1982. С. 442.

6. Писатели Германской Демократической Республики. М., 1984. С. 226.

7. Цит. по предисловию А. Дранова в кн.: Брезан Ю. Избранное. М., 1987. С. 12.

8. Brězan J. Dramy. Budyšin, 1971. S. 15.

С КОНЦА 1960-Х ГОДОВ И ДО СЕРЕДИНЫ 1990-Х ГОДОВ

До середины 1960-х годов в серболужицкой литературе преобладала мажорная тональность – слишком велик был контраст с предшествовавшим периодом, с восьмилетием (1937–1945) тотальной национальной дискриминации в годы нацистского режима. Но и новые противоречия не замедлили заявить о себе уже в первые послевоенные десятилетия, хотя литература откликнулась на них далеко не сразу. Летом 1956 г. в Нижней Лужице началось строительство энергетического гиганта "Шварце пумпе"; этот комбинат должен был обеспечить ежесуточную переработку свыше 100.000 тонн бурого угля, который предполагалось добывать открытым способом. До 1989 г. были полностью скрыты с лица земли 46 лужицких деревень и поселков и 27 поселков и пригородов были уничтожены частично¹. Для 60.000 серболужичан это разрушение традиционного национального уклада жизни имело во многом необратимые последствия: помимо физического уничтожения деревень и расселения выселенных жителей по разным местам (в основном в города) повсеместно строились химические заводы, теплоэлектростанции и другие многочисленные предприятия, что увеличивало приток немцев в Сербскую Лужицу, где серболужичане и так уже давно составляли национальное меньшинство. Отдельные проявления протеста со стороны населения или отдельных представителей интеллигенции (в том числе священников) рассматривались как проявления "национализма", "пессимизма" и "ревизионизма" и те, кто осмеливался аргументировать свои возражения, нередко увольнялись с работы и подвергались репрессиям. С конца 1960-х годов экологическая тема – в различных ее аспектах – становится одной из важнейших в серболужицкой литературе; в Сербской Лужице находился, так сказать, "экологический центр" литературы ГДР, что в 1980-е годы имело уже и заметный международный резонанс. Домовина – где в 1950-е годы была произведена соответствующая "чистка" (например, уже в 1950 г. был снят представлявший национальные интересы Председатель Домовины Павол Недо, а в 1955 г. был снят и прежний заместитель Председателя Домовины Ян Цыж, высказывавший сомнения относительно полезности коллективизации крестьянских хозяйств в Сербской Лужице) – вместо мужественной защиты национальных интересов (что имело место в 1933–1937 гг., когда

Председателем Домовины был Павол Недо, 1908–1984) превратилась в послушное орудие экономической и национальной политики СЕПГ. Председатель Домовины в 1951–1973 гг. рабочий Курт Кренц, занимаясь вопросами социального развития, по существу отмежевываясь от защиты национальных интересов: "Домовина не будет поддерживать ассимиляцию, но она и не будет ей противостоять. Мы поддерживали процесс индустриализации и будет поддерживать его и в дальнейшем – невзирая на то, что объективно это ставит под угрозу серболужицкую национальную субстанцию"².

Параллельно с процессами индустриализации, наносившими огромный ущерб маленькому серболужицкому этносу, постепенно активизировались и процессы вытеснения серболужицкого языка как основного языка в серболужицких школах, что лишь отчасти объясняется заметным увеличением доли немцев в национальной структуре Сербской Лужицы. Из 140 серболужицких школ в начале 1950-х годов к 1974 г. сохранилось лишь 90, а к 1979 г. – 61³. Вытеснение верхнелужицкого и нижнелужицкого языков из школ происходило поэтапно, в рамках реформирования всего школьного образования ГДР, которое преследовало цели четкой унификации по разработанным параметрам и не оставляло места для национальной специфики. Так, для улучшения политехнического образования (Указ от 2 октября 1962 г.) естественнонаучные дисциплины должны были в серболужицких школах преподаваться на немецком языке. В специальном дополнении к закону о народном образовании (1964) изучение серболужицкого языка в серболужицких школах объявлялось "факультативным" – родители должны были подавать специальное заявление, если хотели, чтобы их дети непременно изучали верхнелужицкий или нижнелужицкий языки. В результате этой меры уже на следующий год количество желающих изучать родной язык упало в четыре раза⁴. В том числе и в результате патриотических усилий национальной интеллигенции это число к концу 1980-х годов возросло вдвое. Но объединение Германии поначалу резко усилило процессы ассимиляции: по данным на 1990–1991 гг. в Сербской Лужице около 1400 школьников изучают верхнелужицкий или нижнелужицкий язык в качестве родного языка и около 4000 школьников изучают лужицкие языки в качестве второго языка⁵. Позиция, которую занимали в этом процессе онемечивания партийные руководители Домовины, почти полностью совпадает с аргументами, которые уже в начале XIX в. выдвигали так называемые "ригористы", считавшие, что для обретения национального равноправия в Пруссии и Саксонии (которым принадлежала тогда Сербская Лужица) серболужичанам нужно только одно: забыть родной язык и полностью перейти на немец-

кий⁶: "Чем лучше наши школьники овладеют немецким языком, тем лучше они смогут реализовать свое равноправие в нашем обществе"⁷. Постепенное вытеснение национального серболужицкого элемента не могло не сказаться и в сфере культуры: так, например, открытый в 1948 г. Серболужицкий народный театр был в 1963 г. переименован в Немецко-серболужицкий народный театр и постановки на верхнелужицком языке были постепенно доведены до 30 процентов от всего репертуара (то есть примерно до процентного соотношения доли лужичан и немцев в Будишине).

Все эти процессы, естественно, глубоко переживались серболужицкой интеллигенцией и – не в последнюю очередь – писателями. В качестве важнейшей тенденции всего послевоенного развития серболужицкой литературы необходимо назвать тенденцию к двуязычию (то есть к созданию произведений как на немецком, так и на обоих серболужицких языках), которая, однако, по-разному обосновывалась на разных этапах литературного развития. Лужицким писателям постоянно приходилось считаться с фактором двуязычия и публиковать часть своих произведений – по разным причинам – на немецком языке: от Хандроша Тары (XVII в.) до Яна Скалы (XX в.). Но никогда еще проблема двуязычия не обретала такой принципиальной остроты в истории серболужицкой литературы, как это случилось после 1945 г. и особенно с 1970-х годов, когда двуязычие стало все чаще обосновываться как осознанная нравственная и эстетическая позиция. Не самую последнюю роль сыграло здесь, хотя и привходящее, но весьма важное обстоятельство: из-за запрета на изучение и публичное употребление родного языка в годы нацистского режима целое поколение серболужичан оказалось полностью лишенным возможности нормального овладения письменным и литературным языком и историей родной словесности, что не могло не отразиться и на специфике их вхождения в литературу. Это сказалось даже на творчестве Юрия Брезана, который вплоть до 1970-х годов подавляющее большинство своих произведений написал и опубликовал сначала по-немецки, предпочитая, чтобы на лужицкие языки их переводили профессиональные переводчики (Антон Навка, Цирил Кола и др.). Представители довоенной лужицкой интеллигенции – Мерчин Новак-Нехорнский (1900–1990), Павол Недо (1908–1984) и Фридо Метшк (1916–1990) – в рецензиях на книги Брезана 1950-х годов неодобрительно отзывались о попытках Брезана утвердиться в качестве немецкого писателя и указывали на то, что с немцами Брезан почему-то "говорит яснее, чем со своими серболужичанами"⁸. Но с позиций сегодняшнего дня оказывается, что Брезан действовал в каком-то смысле патриотично, ибо, очень быстро утвердившись в ГДР как

крупнейший серболужицкий писатель социалистического реализма и один из крупнейших писателей ГДР (в 1951 г. он получил Национальную премию ГДР и в 1973–1990 годах был бессменно вице-президентом Союза писателей ГДР) он, как никто другой, много сделал, чтобы вообще пробудить интерес к серболужицкой литературе в среде немецких читателей – по протоптанной им дороге уже легче было идти и другим. Интерес к серболужицкой литературе за рубежами ГДР тоже вплоть до 1970-х годов шел в основном через интерес к Брезану, произведения которого, как правило, переводились с немецкого языка. Постоянно публикуя свои произведения на немецком языке (с 1951 г.), Брезан уже в 1954 г. подготовил и опубликовал на немецком языке антологию "Серболужицкая поэзия" – первую за всю историю Германии антологию серболужицкой литературы на немецком языке. Объективно Брезан (временами оставаясь в некоторой изоляции от определенных групп национальной интеллигенции) прокладывал пути для новой модели выживания серболужицкой литературы в резко изменившихся политических и социально-экономических условиях – он стал признанным немецким писателем, оставаясь в то же время писателем серболужицким. У серболужицкой литературы впервые в истории появилась перспектива резкого увеличения количества читателей и возможность утверждать себя в качестве пускай и небольшой, но равноправной составной части – сначала в рамках литературы ГДР, а затем и в масштабах всей немецкоязычной литературы. Именно этот фактор – желание разговаривать со всей читательской аудиторией в рамках своего государства (в рамках того политического и социального равноправия, которое в ГДР было, несомненно, обеспечено) – заставил наиболее талантливых серболужицких писателей постепенно использовать немецкий язык на равных с серболужицкими языками, учитывая и то, что все население поголовно стало двуязычным. Этот процесс перехода серболужицкой литературы на двуязычие отнюдь нельзя считать завершенным; он проходит достаточно болезненно (в том числе и для самих писателей), в острых дискуссиях и противоречиях. Кито Лоренц (род. в 1938 г.), крупнейший современный серболужицкий поэт и драматург, приступил к разработке и обоснованию своего понимания перспективы развития серболужицкой литературы и культуры в новых условиях еще в начале 1960-х годов и на примере собственного творчества убедительно доказал правомерность предлагаемой им модели, требующей, правда, не только одинаково свободного владения немецким и одним из серболужицких языков, но и владения специфически литературного, позволяющего свободное творчество на обоих языках, свободное использование языкового и

внеязыкового контекста, достижимое лишь с помощью особого психологического настроя на "свою" аудиторию в зависимости от того языка, на котором создается произведение. Лоренц предлагает рассматривать отношение серболужицкой истории к немецкой истории в новейшее время как отношения общего и особенного. Примерно таким же может быть и культурное сознание современного серболужичанина, который может в более общем, государственном смысле чувствовать себя немцем, оставаясь в то же время в частном, особенном смысле лужичанином. "Поэтому он имеет возможность в специфическом смысле смотреть на себя как на серболужичанина, но в более общем смысле видеть в себе немца. И общество признает его в равной степени как серболужичанина и как немца, поскольку он свободно и без всяких помех способен осуществлять коммуникацию в обоих коммуникативных сообществах. Так, есть двуязычные серболужичане, которые акцентируют свою сербскость, но есть и другие двуязычные, которые подчеркивают свою немецкость. Между этими двумя позициями есть еще и целый спектр промежуточных позиций"⁹. Эта оценка реальной психологической ситуации в Сербской Лужице дана Лоренцом уже после объединения Германии. В немецком литературоведении возник даже термин "новая немецкая литература славянских серболужичан"¹⁰, который, по сути, адекватно отражает новую культурную ситуацию, отчетливо обозначившуюся уже в 1970-е годы, но еще более утвердившуюся в дальнейшем, когда на общегерманский книжный рынок, "прорвались" не только Ю. Брезан, К. Лоренц и А. Стахова, но и Юрий Кох, Рожа Домашцына и Бенедикт Дырлих. Причем "прорвались" отнюдь не за счет приспособления к немецкому читателю, а за счет своего таланта, за счет умения писать и на немецком языке о волнующих их проблемах так, что стихи и проза их привлекают немецкие журналы, альманахи и издательства. Их привлекает ярко выраженное в этой литературе "бытие, конституирующее свою идентичность в противоречии и уже сейчас создающее литературу и искусство, обладающие такой огромной коммуникативной интенсивностью, что они легко включаются в общий диалог культур, в котором отчетливо слышатся и серболужицкие интонации"¹¹. Но это отнюдь не означает, что вся серболужицкая литература пошла по пути двуязычия: на сегодняшний день сосуществуют и дискутируются несколько концепций развития национальной культуры, имеющие своих приверженцев как среди творческой интеллигенции, так и среди народа. Заметную роль в формулировании тех или иных позиций среди населения по-прежнему играет церковь — как католическая (за последние десятилетия заметно упрочившая свои позиции), так и протестантская.

В то же время серболужицкая литература на протяжении всего рассматриваемого периода располагала писателями, которые не писали (или почти не писали) своих произведений на немецком языке. В это число входят как представители старшего поколения М. Новак-Нехорнский, Ян Цыж (1898–1985), Мина Виткойц (1893–1975), Марья Кубашец (1890–1976) и др.), писатели среднего поколения (Петр Малинк (1931–1985), Марья Млынкова (1934–1971), Кжесчан Кравц (род. в 1938 г.), Юрий Кравжа (род. в 1934 г.), Герат Либш (род. в 1935 г.) и др.), но и достаточно значительное число молодых авторов (Марья Кравецц (род. в 1948 г.), Томаш Навка (род. в 1949 г.), Петр Тиман (род. в 1964 г.) и др.). У авторов, пишущих на верхнелужицком и нижнелужицком языках остается и в условиях объединенной Германии достаточно возможностей для публикации своих произведений: созданный в 1991 г. "Фонд для серболужицкого народа" располагает достаточными средствами, чтобы оказывать серьезную финансовую помощь издательству "Домовина" (с учетом издаваемых там же журналов и газет), Серболужицкому институту, Немецко-серболужицкому народному театру и т. д.

Поэзия. В 1960–1980-е годы в Сербской Лужице сосуществовали и развивались несколько поэтических традиций, которые, не отделяясь друг от друга непроходными гранями, имели в своем основании различающиеся философские, эстетические (а порой и нравственные) установки. Даже традиционалистская ветвь поэзии, ярче всего представленная поздней лирикой Яна Лайнерта (1892–1974) и Йозефа Новака (1895–1978), окрашена отчетливой индивидуальностью, пропускающей события эпохи сквозь призму личной судьбы. Лайнерт, талантливый сын бедного крестьянина, ставший учителем в деревне и прошедший не по своей воле две мировых войны, изгнанный в 1934 г. национал-социалистами с родины как "опасный" носитель национального сознания и все же поставленный под ружье, чтобы быть убитым в чужой войне; оставшийся после безвременной смерти жены с четырьмя детьми на руках... — весь этот даже для страшного XX века не совсем уже обычный жизненный опыт Лайнерт перерабатывал в добрые и проникнутые любовью стихи: любовью к жизни, к природе, ко всему сущему — вербе и розе, лесным грибам, весне и зиме. Совершенные по форме, объединяющие в себе традиции народно-романтической лирики Г. Зейлера и субъективно-экзистенциальные интонации Я. Барта-Чишинского, стихотворения Лайнерта были абсолютно чужды какому-либо воспеванию социалистическихстроек, уничтожавших тысячелетний ландшафт национального этноса; ни в одном стихотворении Лайнерта нет и прославления "нового человека", возво-

дящего индустриальный мир общества потребления с романтической мечтой о коммунизме. Лайнерт, скупо используя средства экспрессии и приглушая эмоции, умеет органично соединить в стихотворении обостренное ощущение красоты каждого преходящего мгновения жизни (летний дождь, зашевеливший листву порыв ветра, улыбка любимой) с мыслями о вечном, непреходящем. В позднем стихотворении "Любовь не увяла" (1972) он напоминает о разрушениях и утратах, которые несет с собой необратимое время, и о тех бедах, которые сами люди несут друг другу; до последней строфы кажется, что все стихотворение — дань старческому пессимизму и горькому скепсису, но в последней строфе вводится образ умершей возлюбленной, которая в памяти остается неувядающе молодой и прекрасной, и поэт понимает, что раз в душе остался неувядающий образ, значит и сама душа еще не увяла, и пока время и царящее в мире зло не властны над человеческой душой, остается надежда.

Невелико по объему и позднее поэтическое наследие Йозефа Новака, крестьянского сына, мальчиком прислуживавшего в церкви самому Барту-Чишинскому, что сыграло определяющую роль и в дальнейшей судьбе: Новак стал священником и поэтом. Обучаясь в Серболужицкой семинарии и затем в Пражском университете, будущий католический священник с восторгом воспринял провозглашение Чехословацкой Республики и с нетипичным для духовного лица светским темпераментом участвовал в политических и литературных баталиях 1920-х годов в Сербской Лужице. Его патриотические драмы, призывавшие серболужичан к национальному сплочению, и поэтический сборник "С духом свободы" (1919), с романтической патетикой призывавший лужичан последовать примеру братьев-чехов, явились важными факторами национального самосознания между двумя мировыми войнами. Текст популярного стихотворения Новака "К восстанию, сербы!" (1919) неоднократно цитировался в фашистских газетах, чтобы доказать правомерность "окончательного решения" не только еврейского, но и серболужицкого вопросов. В годы фашизма Новак подвергался различным унижениям и арестам. Все его ранние патетически-романтические произведения были переизданы в 1940–1950-х годах, и они вполне органично вписались в оптимистическую атмосферу этих десятилетий. Но накопленный десятилетиями страшного века жизненный опыт не прошел даром ни для священника, ни для поэта. Если в 1945 г. он написал искреннее религиозно-патетическое стихотворение "Освобождение 1945", то в 1960-е и в 1970-е годы его лирика становится все более созерцательной, углубленно-религиозной; поэт старательно избегает касаться проблем совре-

менности, хотя его отношение к индустриализации все же отчетливо прочитывается в стихотворениях о природе ("Бедная мать", 1965, – речь идет о матери-Земле). В поздних стихотворениях поэт воспевает родной язык, родную природу и подводит итоги своим размышлениям о судьбе родного народа ("Серболужицкий псалм", 1975–1977).

Ни религиозно-философская лирика позднего Новака, ни приземляющая бытие как небесную благодать и высшее откровение (несмотря на все испытания, ниспосланные свыше) поэзия Лайнерта не нашли явного продолжения в серболужицкой поэзии рассматриваемого периода. Оба классика несли в современную литературу традиции классики XIX в. – серболужицкой и немецкой, только у Лайнерта сильнее чувствуется немецкая школа (А. Дросте-Хюльсхоф, Т. Шторм, Г. фон Лилиенкрон), а у Новака (раннего) отчетлив пафос левых экспрессионистов и П. Безруча. Новая серболужицкая поэзия в 1960-е годы искала уже иные ориентиры, опираясь на которые она могла отчетливее выразить назревавшие противоречия. Одним из важнейших ориентиров в 1960–1970-х годах стало для молодых серболужицких поэтов творчество немца **Йоханнеса Бобровского** и лужичанина **Юрия Хежки** (1917–1944), поэтическое наследие которого было посмертно опубликовано в двух книгах: "Сочинения" (1961) и "Поэзия малой каморки" (1971). Хежка, живший с 1929 г. в Праге и в 1937–1939 гг. возглавлявший "Сербовку" (организацию серболужицких студентов, живших в Праге), с приходом к власти фашизма в Германии мучительно переживал за судьбу своей родины и своего народа. Он даже подал заявление на получение чешского гражданства и в рукописях оставил незавершенный сборник "На пути к другой родине" (ок. 1937 г.), несколько последних стихотворений которого написаны по-чешски. Как заметил в 1971 г. Кито Лоренц, "эта дошедшая до нас небольшая тетрадка с 23 текстами стала ядром новой лужицкой поэзии"¹². Символика обоих поэтических сборников Хежки как нельзя лучше вписывалась в контекст тех идейно-эстетических поисков, которые с конца 1960-х годов вела литература ГДР. "Поэзия малой каморки" – это поэзия самоопределения, поиска собственного "я" в его взаимоотношениях с миром, то есть именно то, что каждое новое поколение ищет заново, опираясь на близких им по духу предшественников. Но "Поэзия малой каморки" обозначает один полюс – полюс противостояния личности враждебному внешнему миру, это – манифест, противопоставляющий богатство духовного мира отдельной личности бездуховности враждебного окружения (книга создавалась накануне Мюнхенских соглашений, и как только фашисты вошли в Прагу, Хежка был арестован). Незавершенный

сборник "На пути к другой родине" символизирует другой полюс – поиски поэтом "путей" выхода из тупика самоизоляции, нащупывание им возможностей новой коммуникации, нового человеческого сообщества, ради которого он должен выйти из своей "малой каморки", ради которого он уже и сегодня должен трудиться, не страшась опасностей (в 1937 г. Жежка выпускал рукописный журнал "Гмейска гя", в котором в том числе вел хронику преступлений нацистов в Сербской Лужице).

Новый этап в развитии поэтического творчества крупнейшего современного серболужицкого поэта **Кито Лоренца** (род. в 1938 г.), с которым связано и начало новейшего периода в истории всей серболужицкой поэзии, наметился уже во время работы над сборником "Струга" (1967), одной из характерных черт которого было уже то, что в нем соседствовали тексты на немецком и верхнелужицком языках. Лоренц не сомневался, что серболужичанин поймет его на обоих языках, но он хотел разговаривать и с немцами, которых не воспринимал уже как враждебную социальную и культурную среду: и лужичане, и немцы составляли единое государство с единым социальным и духовным климатом – ему не нужно было искать специальные интонации или специальные "подходы" для немцев; общие духовные проблемы в это время уже сблизили его с лучшими представителями "поколения Фолькера Брауна" или "саксонской школы поэтов" (тем более, что Верхняя Лужица находится в Саксонии). С некоторыми из этих поэтов у него установились и прочные дружеские контакты (Р. Кирш, Э. Эрб и др.). Но главное все же состояло не в этом: сборник противоречив изнутри, в нем сосуществуют и полемизируют друг с другом два мирозерцания: созерцание "социалистического" человека, гордящегося возрастанием социально-экономического потенциала своей страны, и мирозерцание "нормального" человека, с ужасом наблюдающего, как уничтожаются родные деревни, пруды и озера. Некоторые стихотворения имеют своих "двойников", отчетливее выражающих именно взгляд "нормального" человека:

... Водяные струи
Струга мчит индустриально
по пейзажу детства, –
были камушки, теперь
ржавые болотца.
утки падают, смотри,
перья их в мазуте.
Ох ты, родина моя, Лужица –
грязный рай красивых мест,
от тебя сбежать бы надо,
будто гномику из сказки
(колокольный звон спугнул),

в глубину нырнуть, как рыба,
от зловоний сточных вод
иль зажечь в Слепянской церкви
все старинные лампадки...

("Струга", второй вариант, перевод В. Левыкина)

Сборник завершает небольшая поэма "Опыт над нами" – крик души, обращенный к друзьям, немцам и лужичанам ("Какой язык я должен изучить / (чтоб вы меня услышали, друзья?"), где поэт демонстративно отказывается от всяких дальнейших попыток поэтизировать вещи, по существу своему лежащие вне поэзии ("Я никакой поэзии не знаю, / знать не хочу, / но о жестоких буднях, / о быте ежедневном я скажу / метафорическим сарказмом обличенья – / двадцатилетним"). Но с памятью не сладить, образы юности наплывают на картины современного индустриального разбоя:

... Все упорней
одну деревню за другой,
включая кладбища,
мы переносим (нет уж Винеты
на дне озер, а раньше был карьер,
где мы с тобой впервые целовались,
родная Анна, где росли березы,
их не увидят уж потомки наши).
Так кто же, кто,
осваивая залежи земные,
забыл открытые карьеры наших судеб,
еще – сердец?..

(Перевод В. Левыкина)

Все последующее творчество Лоренца (после "Струги") видится как осуществление вполне определенной программы с ясно очерченными эстетическими и национально-патриотическими координатами. Осмысляя наследие своего великого деда (Якуба Лоренца-Залеского, 1874–1939), духовный и эстетический опыт Й. Бобровского и Ю. Хежки, он развивает исключительно интенсивную творческую, организаторскую и издательскую деятельность, в основе которой лежат несколько определяющих идей: во-первых, стать в равной мере признанным серболужицким и немецким серболужицким поэтом и проложить тем самым серболужицкий "мост" в большую европейскую литературу (ведь то, что серболужицкие писатели издавались на немецком языке в ГДР, еще не показатель, до возникновения ГДР ни один серболужицкий писатель на немецкий язык не переводился, и в ФРГ никто их печатать не собирался); во-вторых, пробудить в немецкоязычной читающей аудитории настоящий интерес к серболужицкой литературе и, в-третьих, по возможности способствовать повышению эстетического уровня самой серболужицкой литературы, выходу ее за пре-

дела традиционных национальных тем и способов их художественной обработки. По сути, он во многом продолжал дело, уже начатое Юрием Брезаном, только продолжал его на новом историческом этапе и руководствуясь собственными идейно-эстетическими представлениями. В дальнейшем Лоренц опубликовал следующие поэтические сборники: "Ключи и дороги" (1971, на верхнелужицком языке), "Землеустройство" (1973, на немецком языке), "Избранное" (1979, на верхнелужицком языке в серии "Серболужицкая поэзия. 7", расширенное издание в 1982 г.), "Страна слов" (1984, на немецком и верхнелужицком языках), "Ты около меня" (1988, на верхнелужицком языке), "Против большого пугала" (1990, на немецком языке). Его поэтическое развитие в общем плане сочетало как углубление лирического самовыражения в контексте нарастающего кризиса ГДР и связанной с этим специфическо-серболужицкой окраской этого кризиса, так и нарастание сатирических и иронических элементов, эстетически выражавшихся все чаще в экспериментальной поэзии, активно использовавшей постмодернистские приемы и средства. Лоренц не только раздвинул лирические и психологические границы лужицкой поэзии, развивая и обновляя традиции Барта-Чишинского, Лайнерта и Хежки, но, творчески освоив современные формы европейской поэзии, остался по существу глубоко привязанным к коренным проблемам своей малой родины, что придает его поэзии неповторимый колорит и масштабность. Развивая свою модель выживания и развития серболужицкой культуры в условиях современной Европы (и уже с учетом новых условий в объединенной Германии), Лоренц ратует за открытое и плодотворное использование исторически обусловленного славяно-германского контекста, свою роль он видит в том числе и как "миротворящее посредничество"¹³.

С 1973 г. Лоренц является главным редактором серии "Серболужицкая поэзия" (37 книг до 1996 г.), он подготовил, издал и сопроводил своими статьями и комментариями десятки книг серболужицких классиков и своих современников. Особую по своей важности посредническую роль во взаимосближении серболужицкой и немецкой литератур сыграла подготовленная им двуязычная антология "Серболужицкая книга для чтения" (1981), изданная в популярном издательстве "Реклам" и ставшая (по причине глубины и продуманности им всей истории серболужицкой литературы, включая и публикацию забытых или рукописных текстов) сенсацией не только для немцев, но и для самих серболужичан. В 1992 г. он подготовил и издал в популярной серии "Оры" антологию "Из потусторонних деревень. Современная серболужицкая литература" (на немецком языке, но с включением текстов на верхнелужицком

языке), где представлен почти весь цвет современной серболужицкой литературы: Рожа Домашцына, Бенедикт Дырлих, Юрий Кох, Марья Кравецц, Кито Лоренц и Ангела Стахова. Кроме того он с 1970-х годов организовал вокруг себя кружок молодых серболужицких литераторов, откуда, собственно говоря, пошла "новая волна" в серболужицкой поэзии. За рубежами Германии первыми открыли поэзию Лоренца чехи, издавшие уже в 1972 г. отдельную книгу его стихотворений на чешском языке.

Наиболее органично и продуктивно дальнейшее развитие традиций Ю. Хежки и К. Лоренца обнаруживается в творчестве **Рожи Домашцыной** (род. в 1951 г.), успевшей помимо разнообразных публикаций в журналах и антологиях опубликовать три поэтических сборника: "Назад я впереди ты" (1990, стихи 1980–1989 гг., на верхнелужицком языке). "Против всех преград" (1994, на верхнелужицком языке), "Между ногой для хождения и ногой для прыжка" (1995, на немецком языке, но с включением серболужицких текстов; книга издана в элитарной постмодернистской серии Герхарда Вольфа с предисловием немецкой писательницы Зигрид Дамм, очень высоко оценивающей эстетические достоинства и неповторимый серболужицкий колорит поэзии Домашцыной). Домашцына использует серболужицкую, немецкую (Ф. Браун, И. Бахман, Р. Кирш), русскую (Анна Ахматова) поэтические традиции, свободно вовлекая их в необходимый ей интимно-духовный и эстетический диалог. Не уходя от реалий серболужицкой мифологии, истории, быта, обычаев и даже привычек, она органично насыщает свои стихи реалиями других художественных миров (Ф. Гарсиа Лорка, А. Ахматова, украинская поэтесса Антонина Цвид, Ф. Браун, И. Бахман и др.), сохраняя и индивидуальное мироощущение и оригинальные формы самовыражения. Как пишет З. Дамм, "Рожа Домашцына не будет разыгрывать серболужицкого клоуна в среднеевропейской клетке. Ее творческое основание: промежуточное пространство, собственное – чужое. Ее местонахождение: Баутцен, Будишин, восточный Восток Запада..."¹⁴

По пути активного использования двуязычного контекста пошел и **Бенедикт Дырлих** (род. в 1950 г.), вступивший в литературу в 1970-е годы и выпустивший сборники стихотворений "Зеленые поцелуи" (1975, на верхнелужицком языке; 1980, на немецком языке), "Третий глаз" (1978, на верхнелужицком языке), "В капкане. Стихотворения и лирическая проза" (1986, на верхнелужицком языке), "Сжигание ведьм" (1988, на немецком языке), "Избранное" (1990, на верхнелужицком языке в серии "Серболужицкая поэзия. 28"), "Летящая осень. Стихотворения и малая проза" (1994, на немецком языке). Своеобразна уже биография Дырлиха: чемпион

ГДР по велоспорту среди школьников оканчивает католическую семинарию, потом два года работает "медбратом" в госпитале, оставляет мысль о сане священника, женится и с 1973 г. работает литературным сотрудником в Немецко-серболужицком театре в Будишине, оканчивает Высшую театральную школу в Лейпциге, работает драматургом и режиссером... и осенью 1990 г. избирается депутатом ландтага Земли Саксония. Весь этот разнообразный и противоречивый жизненный опыт Дырлих стремится переработать в своей поэзии, по экзистенциальной глубине и яркости дарования уступающей К. Лоренцу и Р. Домашцной и постоянно соскальзывающей из оригинальности в тривиальность:

Я шагами черпал думы творчества.
Городок затих в объятьях сна.
Вдруг заметил –
Чьё-то одиночество
Подает мне знаки из окна.
В темноте
Свое смущенье скрыли мы,
Обоюдной радостью правы.
Ночь одну
Мы все же были с крыльями,
Хоть, наверно,
И без головы?
("Случайность", перевод В. Латынина)

Гораздо более традиционна лирика **Бено Бударя** (род. в 1946 г.) изучавшего славистику в Лейпциге и в Ростове-на-Дону и издающего свои поэтические сборники на верхнелужицком языке. Традиционные в лужицкой поэзии темы природы и родины, которые автор не всегда успешно пытается осовременить, ригористически обозначая свою личную причастность к извечной национальной проблематике; но рядом с этим – живые образы, виртуозное владение классическими формами стиха, игрой слов и рифм; национальная трагедия отступает, уступая место молодости и живой, не прерывающейся радости ежедневного бытия:

Разломилось льдины тело
С хрустом вдоль и поперек.
Солнце на небе запело,
Вспенясь, заиграл поток.
Выпуская льдинок стаю,
Пир свой празднует вода.
И они, на солнце тая,
Исчезают навсегда.
А большая всех чудесней
Кружит, кружит на волне,
Словно душу полнит песней
О воде и о весне.
("Большая вода весны", перевод С. Агальцова)

Более притязательно с точки зрения современной поэтики лирическое творчество **Марьи Кравец** (род. в 1948 г.), издавшей на верхнелужицком языке три поэтических сборника: "Страна перед зеркалом" (1981), "Босиком через стерню" (1986) и "Судный день на дворе" (1993). Здесь глубина субъективных впечатлений и тонко подмеченных деталей органично наслаивается на национальное мироощущение, которое остается, однако, открытым и для широкого мира. То же можно сказать и о лирике **Томаша Навки** (род. в 1949 г.), начавшего публиковаться в 1970-е годы и постепенно ищущего свой путь между реалистической традицией и ее преодолением с помощью субъективного переосмысления новой исторической и духовной ситуации. В текущей литературной жизни достаточно заметную роль играет лирика **Юрия Коха** (в основном прозаика), одного из старейших уже писателей и крупнейшего переводчика **Антоня Навки** (род. в 1913 г.) и изящная, зачастую окрашенная юмором поэзия **Герата Либша** (род. в 1935 г.), публикующегося с 1970 г.

Проза. В интеграционных процессах серболужицкой и немецкой литератур ГДР до середины 1960-х годов почти монопольное место занимал **Юрий Брезан** (род. в 1916 г.). К 1964 г. на немецком языке было издано 30 книг серболужицких авторов, из них 13 принадлежали Брезану (10 авторских книг и 3 составленных им антологии)¹⁵. В первое двадцатилетие литературы ГДР Брезан оставался единственным серболужицким писателем, который полностью шел "в ногу" с развитием немецкой литературы ГДР, его книги входили тогда в число самых популярных и многократно переиздавались, например, повесть "Криста" (1957) переиздавалась на немецком языке в ГДР более тридцати раз. С конца 1960-х годов ситуация в этом плане стала заметно изменяться как в поэзии, так и в прозе: молодые талантливые серболужицкие писатели стали практически без затруднений находить дорогу к немецким издателям (но путь им, по сути, проложил именно Брезан). Единственное серьезное затруднение, которое возникало, было чисто правового характера: и издательство "Домовина" и немецкие издательства претендовали на то, чтобы быть правообладателем произведения. Именно это в наибольшей степени подтолкнуло серболужицких писателей к тому, чтобы самим создавать немецкие версии своих произведений (или даже сначала писать их по-немецки) и давать им по-немецки иные названия, чем по-серболужицки (не в последнюю очередь сюда относится вопрос об авторских гонорарах и о вычетах из них, если книгу отдавали переводить профессиональному переводчику). Так сближение серболужицкой и немецкой литератур ГДР поддерживалось еще и экономически.

Развиваясь синхронно (а порой и опережая) с основными тенденциями всей литературы ГДР и в то же время постоянно держа в центре внимания национальную серболужицкую проблематику, Брезан – в духе интернационального социализма – основной акцент делал не на национальной, а на социальной проблематике. Социальная проблематика лежит и в основе его фантастической повести "Черная мельница" (1968), где лужицкая легенда о находчивом и обладающем волшебными чарами Крабате, возникшая в период тридцатилетней войны (1618–1648), переплетается с другими серболужицкими легендами и мифами и перерастает в грандиозную картину извечного и непримиримого социального противоборства "низов и верхов". Заметный успех этой повести побудил Брезана еще глубже обдумать возможности, предоставляемые обработанным им сюжетом. Жанровая новизна романа "Крабат, или Преображение мира" (1976) заключается прежде всего в смелом и в основном удавшемся соединении трех художественных пластов: фольклорно-мифологического, исторического и научно-фантастического. Каждого из них в отдельности вполне хватило бы для создания серьезного произведения, но лишь соединение их вместе придало роману ту идейно-художественную масштабность, за которую критика тех лет практически единодушно назвала его "эпопеей серболужицкого народа". Очень сложные и разветвленные ходы сюжета объединяются в единое целое благодаря образу Крабата, который, несмотря на различные метаморфозы остается центральным героем во всех названных пластах романа. Крабат в романе – образ, вобравший в себя лучшие черты народа, борющегося за свое социальное освобождение. В то же время, продумывая философскую концепцию романа, Брезан стремился создать некую серболужицкую параллель к Фаусту – в смысле неустанного поиска Истины, постепенно подводящего и гётевского Фауста к неизбежным на Земле социальным проблемам. Временные рамки "Крабата" раздвинуты от библейской эпохи сотворения мира до далекого будущего, когда Ян Сербин (исторически-фантастическое воплощение Крабата) открывает универсальную формулу жизни. Фольклорно-мифологический и исторический пласты романа тесно переплетены, но скупое вводимые Брезаном исторические реалии помогают сориентироваться, происходит ли действие в эпоху средневековья или относится уже к новому времени. Каркасом исторического пласта романа является изображение жизни нескольких поколений лужицкого рода Сербиных, который в миниатюре представляет собой историю всего лужицкого народа. Легендарным родоначальником лужицкого народа (по Брезану) является Крабат, который в незапамятные времена полюбил на лужицкой речке

Саткуле девушку Смялу и здесь же обрел своего лучшего друга Якуба Кушка. Младшим отпрыском рода Сербиных является Ян Сербин, биогенетик с мировым именем, живущий в ГДР. Ян Сербин как очередное перевоплощение Крабата не только прочно связывает исторический и фантастический пласты романа, но завершает также и мифологическую линию сюжета, ибо социально-исторические позиции Яна Сербина и его твердая социалистическая позиция являются продолжением определенных исторических традиций, которые Брезан изображает как обобщение опыта прошедших поколений, всего исторического опыта народа.

Получив за "Крабата" третью Национальную премию ГДР и продолжая оставаться самым известным серболужицким писателем и одним из наиболее известных писателей ГДР, Брезан очень медленно и с трудом уходил с просветительски-дидактических позиций, характерных для литературы ГДР в 1940–1960-х годах. Хотя он неоднократно говорил в эти годы, что с каждым новым произведением он все ниже спускается с кафедры проповедника, как вице-президент Союза писателей ГДР он еще и в 1982 г. (в докладе "Об отражении, о больших и малых переживаниях и о достоинстве писателя", который он произнес на заседании правления Союза писателей ГДР, посвященном проблемам дальнейшего развития литературы страны) считал нужным критиковать молодых писателей за усиленное внимание к внутреннему миру личности, словно не замечая того, что же на самом деле происходило в эти годы в обществе ГДР. В художественную прозу его тем не менее вовлекаются элементы сатирического и иронического изображения некоторых сторон действительности ГДР (сборник рассказов "Мышиная башня", 1970). Но в целом его творчество вплоть до 1990-х годов не порывает связей с просветительскими философско-эстетическими установками, хотя он и стремится к более разностороннему освещению истории и современности: "Подвенечный убор и другие истории" (1979, сборник рассказов), роман "Портрет отца" (1982), автобиографическая книга "Мой жизненный срок" (1989). Философско-эстетическая переориентация писателя, позволяющая говорить о качественно новом этапе его творчества, была вызвана событиями 1989–1990 гг. и отразилась даже в названии второго тома дилогии "Крабат, или Сохранение мира" (1994) и в сборнике житейских анекдотов и притч "Рассказы брашки" (1995, брашка – сват и главный распорядитель на серболужицких свадьбах).

Новые тенденции в развитии серболужицкой прозы рубежа 1960–1970-х годов отчетливее всего выразились в творчестве **Марьи Млынковой** (1934–1971) и **Юрия Коха** (род. в 1936 г.). Млынкова, начавшая литературную деятельность еще в 1950-е годы как

литературный критик, эссеист и издатель, в 1964 г. выпустила повесть "Заботы в девятом классе", сразу же высоко оцененную критикой. Но совершенно очевидным ее новаторство в серболужицкой литературе 1960-х годов проявилось в следующих книгах: в сборнике повестей и рассказов "Синий василек и красный мак" (1965) и в романе "Дни в долине" (1967), а также в посмертно опубликованных произведениях. В масштабах серболужицкой литературы проза Млынковой сопоставима с поисками Б. Райман и К. Вольф того же периода. Для Млынковой тоже характерно переключение внимания на внутренний мир личности, преобладание психологического конфликта, моральный и этический ригоризм, не допускающий "лакировки" изображаемой действительности. Но если К. Вольф и Б. Райман как бы полностью погружаются в переживания своих героинь (используя внутренние монологи, дневниковые записи и письма), то психологизм Млынковой – чаще ситуативный, объективированный в действиях и поступках героев и проистекающих из них последствий (подобно многим рассказам Ю. Нагибина начала 1960-х годов). Переживания ее многочисленных героев и героинь уже никак не связаны с выполнением и перевыполнением планов или социалистических обязательств, конфликты и характеры "заземляются", переходят в сферу ежедневного образа жизни, жизни в буднях, где детали и частности (в том числе и психологические) резко возрастают в своих масштабах и значении. Все свои произведения Млынкова писала по-верхнелужицки и не привлекала внимание немецких издателей и переводчиков, хотя том ее избранной прозы вышел в 1973 г. на чешском языке в Праге. В настоящее время почти все рукописное наследие Млынковой хорошо издано и откомментировано.

Самым крупным серболужицким прозаиком рассматриваемого периода стал **Юрий Кох** (род. в 1936 г.), пишущий на обоих серболужицких языках и на немецком языке (хотя не всегда все три версии создает сам, по-видимому, и из-за трудоемкости переводческой работы). Юрий Кох в этот период сделал для серболужицкой литературы то, что на новом историческом витке развития уже не мог сделать Ю. Брезан: он обновил сюжеты и темы, изменил характер конфликта. Отказавшись с начала 1970-х годов от широких эпических полотен, он одновременно "субъективизировал" свою прозу, усилил ее национальный элемент, который стал превалировать над социальным. Ставшая одной из важнейших для Коха экологическая тема разрабатывалась им в прозе с такой же предельной остротой, как это делал К. Лоренц в своей поэзии. Вообще по направлению и масштабам своей организаторской и творческой деятельности Кох вполне сопоставим с Лоренцем, объективно они

дополняют друг друга (Лоренц живет в Верхней Лужице, около Будишина, Кох – в Нижней Лужице, в Хочебузе), но с некоторыми существенными уточнениями (помимо того, что один в основном поэт, а другой главным образом прозаик). Кох иногда даже нарочито подчеркивает, что он пришел в прозу из журналистики (он постоянно пишет книги репортажей и публицистики) и не собирается ее оставлять, ему постоянно нужны живые впечатления, встречи, люди. Но наличие острой журналистской "жилки" трудно непосредственно связать с высокими художественными достоинствами прозы Коха, этим можно разве что объяснить остроту и разнообразие конфликтов (у всеведущего и всезнающего Коха огромный выбор из реальных жизненных конфликтов, которые он лишь возводит на уровень художественной прозы). Но это, может быть, помогает понять, почему при очень большом таланте и чувстве слова и стиля Кох, предпочитает, как правило, оставаться в границах реализма, хотя и современного (чего никак нельзя сказать о поэзии Лоренца).

В романе "Между семью мостами" (1968) еще чувствуются остатки "панорамности", стремление вовлечь в орбиту действия большое количество персонажей. Но по сравнению с панорамными романами Брезана 1960-х годов здесь уже заметно возрастает критика неувязок "реального социализма", причем возникающие противоречия рассматриваются как недостатки системы и как недостатки самих героев. Действие романа разворачивается в одном из поселков Нижней Лужицы, где по призыву партии становится бургомистром тридцатилетний Вильгельм Косак, который сначала все проблемы хочет разрешить быстро и "по теории", но из этого мало что получается, ибо жизнь в поселке идет по неписаным законам, которые молодой бургомистр медленно, но все же начинает понимать. В 1975 г. Кох опубликовал на немецком, верхнелужицком и нижнелужицком (1976) языках роман "Розамарья", который является продолжением первого романа, но действие разворачивается уже в другом месте Нижней Лужицы, куда перебирается работать главный герой, избранный председателем местного отделения Домовины. Смещение содержательных акцентов по сравнению с первым романом можно понять уже по названию – судьба Косака постепенно уходит на второй план, а на первый план выходит более сложная судьба молодой учительницы с прекрасными задатками и качествами, но остающейся, однако, несчастной: на работе из-за бесконечной рутины, неурядиц и интриг, в личной жизни из-за того, что Косак, с которым она сблизилась, в конечном итоге все же предпочитает соединиться со своей возлюбленной из первого романа Франциской. Симптоматично уже само смещение

в выборе главного героя, это – не победитель, а потерпевший поражение. Эта линия в творчестве Коха в дальнейшем не только сохранится, но еще и заметно усилится. В 1975 г. на немецком и на серболужицких языках была опубликована небольшая повесть "Землеустроители", в которой Кох с невиданной до того в серболужицкой прозе остротой и психологической точностью соединил в единое целое проблему экологии природы с экологией серболужицкого этноса.

Дальнейшую разработку эта тема получила в сборнике рассказов и повестей "Одиноким Непомук" (1978, на лужицких языках; 1980, на немецком языке) и в повести "Вишневое дерево", опубликованной в 1984 г. по-верхнелужицки и по-немецки и в 1987 г. – на нижнелужицком языке. В этих рассказах и повестях Кох с исключительной психологической убедительностью сталкивает два противостоящих мира, два принципиально различающихся мирозерцания: мирозерцание индустриального мира и современной стандартизированной цивилизации (с соответствующим ей стандартизованным мышлением и чувствованием) и мир традиционных народных ценностей, которые прежде всего представлены героями-носителями серболужицкого этноса. Но речь у Коха вовсе не идет о какой-либо патриархальной идиллии, он ставит свои проблемы на нравственно-психологическом уровне, именно здесь герои сталкиваются, побеждают или терпят поражения. Кох тонко показывает и нравственное расслоение в самой серболужицкой среде: соблазны потребительской цивилизации проникают в самые отдаленные деревни, их носители (у Коха это нередко – немцы) чувствуют себя полновластными хозяевами жизни. В повести "Вишневое дерево" возникает любовный треугольник: технократ-немец Зигхарт, традиционалист-лужичанин Матиас, и девушка-лужичанка Эна (невеста Матиаса), выросшая в стабильной народной традиции, но недостаточно устойчивая перед соблазнами чужих, далеких и внешне ослепительных миров. Не случайно оба молодых героя, которых столкнуло вместе чувство к одной и той же девушке, так сильно привязаны к своей "технике": Матиас к своему коню, а Зигхарт – к своему автомобилю. Зигхарт вовсе не лишен таких качеств как нравственность или чувствительность, но он – типичный технократ, и приверженность технократии не могла не наложить отпечаток на весь его нравственный облик: так же, как он абсолютно уверен в превосходстве своего автомобиля над лошадью, так же уверен он и в своем праве "рационально" перекраивать окружающую природу, даже не интересуясь, согласны ли на такой "перестрой" столетиями живущие в данной местности люди. Сама мысль о необходимости такого согласия не приходит технократу в голову – ведь он

руководствуется "высшими" соображениями, общегосударственной "пользой". А если он считает своим естественным правом вторгаться в жизнь чуждой ему природы, то и отношение к живущим здесь людям у него складывается по тому же принципу. Но таким образом можно обозначить лишь самую внешнюю канву конфликта, ибо Кох выступает здесь как художник, далекий от какой-либо нарочитой дидактики: каждый герой (а они не ограничены "треугольником") изображен в его лучших и ярких проявлениях и в его слабостях, никто из героев не идеален, и у всех есть черты, вызывающие как симпатию, так и отталкивание. Художественные идеи Коха всегда лежат гораздо глубже, из них нельзя извлечь "руководство к действию" и даже элементарную дидактику (иное дело публицистика Коха). А на уровне художественной идеи Кох тяготеет к миру дохристианских реликвий, к магическому мирозерцанию, которое видело все вешные элементы мира в неразрывных взаимосвязях и взаимозависимостях: именно эти взаимосвязи и взаимозависимости Кох рассматривает особенно пристально. Когда в роковом, нереально-фантастическом стечении обстоятельств гибнут все три героя повести, то в свои права вступает подлинная, "магическая" реальность, которую современные люди могут лишь смутно предчувствовать, но не могут осознать на рациональном уровне. Представителем этой истинной, магической реальности является в повести древнелужицкая богиня Жива, чей образ, вырезанный в дереве в дохристианские времена, из поколения в поколение тайно сохранялся и передавался в семье из столетия в столетие, и она незримо оберегала род от окончательной гибели. Интерес к магическому и внерациональному так или иначе сказывается на всем позднем творчестве Коха, и при этом он в основных чертах остается реалистом. Оставляя для "магического слоя" своих произведений неразрешимые загадки бытия (о цели и смысле эволюции жизни на Земле, о внеприродной заданности этой эволюции и о месте человека в этом, не зависящем, по сути, от него процессе), Кох во всем остальном остается на конкретной социальной и общественной почве, вникает во все практические подробности развертывания событий на его родной земле и во всем мире. В разнообразном творчестве Коха последнего периода можно выделить великолепную философскую повесть-сказку "Пинтлаш и золотая овца" (1983), где яркие фольклорные образы перерастают в аллегории современного мира, "магический" детектив "Багола. История одного браконьера" (1985, на верхнелужицком; 1988, на немецком языке), роман "Глазная операция" (1988, на немецком языке; 1989, на верхнелужицком языке) и книгу "репортажей из Сербской Лужицы" "Ликование и боль сизоворо-

нок" (1991, на верхнелужицком языке; 1992, на немецком языке). В одном из репортажей, рассказывая о малоуспешных поисках вместе с орнитологом последней птицы из когда-то повсеместно водившейся в Сербской Лужице породы, Кох пишет: "Я очень хочу знать, можно ли еще отыскать двух последних сизоворонок на моей земле. Для моей этнической породы крайне важно знать, что в мое время, перед моими глазами (чтобы меня могли призвать в свидетели, если дело дойдет до Судного дня) что-то пришло к своему концу, что не должно было заканчиваться. Мне очень хотелось бы еще отыскать прекрасную птицу. Именно потому, что я могу представить себе мир **только с моей** этнической породой. Отсутствие этой птицы означает для меня утрату. Ее отсутствие означает обеднение Земли. Возможно, в континентальном или даже планетарном смысле. Одной краской меньше. В пользу серых оттенков. Одним звуком меньше, одним языком меньше. В пользу молчания. Это заблуждение – и оно очень помогает человечеству на путях его ложной эволюции – это заблуждение, думать, что взаимопонимание на Земле значительно продвинется, если станет меньше языков, а посему и не стоит задумываться о потере одного крохотного, самого маленького из славянских языков. Гораздо важнее другое, к примеру, чтобы не прерывалась работа сметающих деревни бульдозеров и чтобы электростанции получали свою жратву, плохо только, что уголь, который они жрут, залегает как раз под теми деревьями, в которых еще говорят на этом языке..."¹⁶.

В том же направлении, но несколько в более камерном ключе, развивалась проза **Ангелы Стаховой** (род. в 1948 г.), опубликовавшей свою первую повесть на верхнелужицком языке в 1974 г. и успевшей издать свыше 10 книг на немецком и верхнелужицком языках, в том числе: "Час между кошкой и собакой" (1976, сборник рассказов, на немецком языке), "Истории для Майки" (1978, сборник рассказов, на немецком языке), "Дома в субботу вечером" (1978, на верхнелужицком языке), "Винета" (1983, повесть, на верхнелужицком языке), "Маленький соблазн" (1983, рассказы, на немецком языке), "Неожиданное похолодание" (1984, рассказы, на верхнелужицком языке), "Восемь дней прощания" (1987, рассказы, на немецком языке) и др. Стахова с первых же рассказов и повестей совершенно естественно вписалась в литературу ГДР 1970-х годов (М. Вандер, Х. Шуберт, Х. Кёнигсдорф, К. Вольтер и др.), где основным испытанием нравственного достоинства человека становятся не большие деяния, а ежедневные будни, с их рутиной, с их обязанностями, но и с тем светлым, что в них тоже есть и уж в любом случае должно быть отыскано героями. Тонкий психоло-

гизм, недоговоренность, полутона, легкая грусть, но и способность к иронии, к взгляду на героев со стороны – вот отличительные качества первых рассказов Стаховой, сразу же привлечших внимание как немецких, так и лужицких читателей. Но в следующих книгах все больше горечи, ирония исчезает, и ее место занимает едва ли не отчаяние, как, например, в повести "Винета", где на фоне разрушаемой деревни герои расстаются с первой любовью. В период потрясений в ГДР Стахова была избрана в ландтаг Саксонии, по истечении срока депутатских полномочий перебралась жить в Берлин.

Среди активно работающих верхнелужицких прозаиков необходимо упомянуть Яна Ворнара (род. в 1934 г.), опубликовавшего в 1967 г. сборник коротких рассказов "Дудка ночного сторожа" (расширенное издание в 1975 г.), привлечшего внимание сочностью народного языка, анекдотической заостренностью содержания и возродившего к новой жизни популярную традицию крестьянского юмора XIX в., очень активно, например, использовавшегося в сатирически-анекдотических рассказах Яна Вели-Радысерба. Ворнар пишет, рассказы, литературные сказки, книги для детей, пьесы. Роман "Распутье" (1986) посвящен проблемам молодежи. С начала 1960 годов выступает Юрий Кравжа (род. в 1934 г.), в основном как автор книг для детей и юношества. Изданный в 1982 г. сборник его избранной прозы "Икар под синим небом" объединяет рассказы 1960–1980-х годов. Очень активно работает Кжесчан Кравц (род. в 1938 г.), выступающий как прозаик, драматург, детский писатель и журналист, издавший несколько книг литературных очерков. Наряду с этими писателями, играющими активную роль в текущем литературном процессе, в рассматриваемый период еще активно работали прозаики старшего поколения Мина Виткойц, Марья Кубашец (1890–1976), Херберт Новак (род. в 1916 г.) Антон Навка (род. в 1913 г.), Ханжа Бьеншова (род. в 1919 г.). Еще по несколько книг (в основном мемуарного характера) успели издать ветеран национального рабочего движения Ян Цыж (1898–1985) и ветеран национального типографского дела Павол Гройлих (1908–1992). Из представителей следующих поколений продолжали публиковать свои произведения Цирил Кола (род. в 1927 г.), Лора Коварёва (род. в 1931 г.; она кроме того является одной из самых активных переводчиц с чешского и словацкого языков), Ингрид Наглова (род. в 1939 г.), Бено Будар (род. в 1928 г.), Альфонс Френцль (род. в 1946 г.), Герат Хайндрих (род. в 1932 г.), Мадлена Насиццына (род. в 1950 г.). В антологии молодой серболужицкой прозы "Дом исвет" (1985), изданной Ю. Кохом, представлено уже новое поколение писателей: Петр Венька, Ева-Марья Чорнакец, Ин-

грид Хустетойц (род. в 1956 г.), **Моника Дырлихова** (род. в 1950 г.), **Хайдрун Ханушец** (род. в 1954 г.), **Хинц Рихтар** (род. в 1951 г.), **Доротей Шолцина** (род. в 1953 г.).

Центром культурной, литературной, издательской, научной и театральной жизни Сербской Лужицы в течение всего послевоенного периода был Будишин, традиционный исторический и культурный центр Верхней Лужицы. Литература на нижнелужицком языке, давшая серболужицкой культуре в прошлом немало ярких имен (Хандрош Тара, Кито Стемпель, Кито Швеля, Мато Косык, Фриццо Роха, Мина Виткойц, Марьяна Домашкойц, Юро Зуровин, Богумил Швеля) развивалась после 1945 г. далеко не столь интенсивно, как верхнелужицкая. Очевидно, сказывалась и культурная разобщенность населения в Нижней Лужице, остающейся сейчас уже совершенно крохотным и все уменьшающимся островком в огромном немецком море. Выдающуюся роль в собирании и изучении нижнелужицкой письменности и литературы в этот период сыграли историк, филолог и писатель **Фридо Метшк** (1916–1990), историк литературы **Рудольф Енч** (1903–1979) и разносторонний филолог **Павол Новотны** (род. в 1912 г.), а также редактор и издатель **Герат Хантшка** (1925–1987). Но именно период после 1945 г. остается практически до сих пор совершенно неисследованным – несмотря на огромные усилия **Юрия Коха**, живущего в Хотчебузе (Котбусе, культурном центре Нижней Лужицы), по поддержанию и сохранению самого нижнелужицкого языка и нижнелужицкой литературы. Не всегда легко отделить то, что непосредственно написано на нижнелужицком языке и что лишь переведено с верхнелужицкого. И тем не менее нижнелужицкая литература тоже продолжает существовать и развиваться. В "Антологии нижнелужицкой литературы", изданной в 1985 г. **Ингрид Нагловой** (род. в 1939 г.) представлены нижнелужицкие писатели **Сабина Дункелойц**, **Уве Гутшмит**, **Маргарита Хайнрихова**, **Ингрид Хустетойц** (род. в 1956 г.), **Юрий Кох**, **Ингрид Наглова**, **Херберт Новак** (род. в 1916 г.), **Хинц Рихтар** (род. в 1961 г.), **Моника Слокова**, **Рожа Шенкарёва**.

Драма. Несмотря на существование с 1948 г. профессионального Серболужицкого народного театра в Будишине, стремившегося популяризировать национальную драматургию и стимулировавшего писателей на создание новых пьес, серболужицкая драматургия выглядит явно бледнее, чем лирика и проза. До обращения к этому жанру **Кито Лоренца** на исходе рассматриваемого периода, она не смогла создать пьес, в рамках литературы ГДР сопоставимых с драматургией **Хайнера Мюллера**, **Петера Хакса**, **Фолькера Брауна** и других крупнейших драматургов. Да и само число написанных драм было невелико – 50 пьес за все послевоенное время,

если положиться на данные знатока серболужицкого театра Д. Шолту¹⁷. В серболужицкой литературе и в рассматриваемый период не появилось писателя с ярким драматическим дарованием. Драмы возникали чаще всего из потребностей театра, который обязан был ежегодно ставить хотя бы одну новую пьесу современного лужицкого автора. Поэтому чаще всего пьесы возникали по романам, повестям и рассказам известных авторов, поскольку можно было надеяться, что зритель (а в Будишине живет всего 50.000 человек) придет посмотреть сценическую версию уже любимшегося произведения. Так зрители шли смотреть "Старуху Янчову" Брезана и его же "Годы зрелости" (1968), так шли смотреть инсценировку романа Ю. Коха "Между семью мостами" (1970). Но содержащийся в романе критический потенциал еще отчетливее обнаружился при постановке, и партийная цензура обвинила пьесу в том, что "пьеса принципиально направлена против нашей успешной социалистической политики в сфере образования"¹⁸, что не могло не иметь последствий и для самой пьесы. Кох попытался учесть критику и написал новую пьесу "Последний экзамен" (1972), где в центре – проблемы и судьбы пятерых выпускников школы, живущих в интернате; у одного из них крадут деньги, и поиски вора становятся драматическим центром разворачивания событий, в ходе которых исследуется моральный облик молодого поколения, готовящегося вступить в большую жизнь. Но дружба и моральные качества ребят выдерживают испытание, социальный и социалистический оптимизм показан в перспективном развитии: пьеса шла как на немецком языке в Дрездене, так и на верхнелужицком в Будишине. Из других сценических адаптаций Коха следует упомянуть пьесу "Землеустроители", поставленную в 1977 г. на немецком языке и в 1978 г. на верхнелужицком. Немецкий текст пьесы был опубликован.

Наиболее интенсивно в жанре драматургии работал **Петр Малинк** (1931–1985), писавший пьесы с 1950-х годов. После драмы "Ночной пациент" (1967), с успехом поставленной на сцене, он создал историческую пьесу "Ответ" (поставлена в 1973, опубликована в 1975), в основе которой лежит драматический эпизод из жизни Якуба Барта-Чишинского, крупнейшего серболужицкого поэта и патриота конца XIX – начала XX вв., подвергавшегося преследованиям и даже высленного из родных мест. Следующие пьесы Малинка: "Дядя Шмитка в Сибири" (поставлена в 1976 г.), "Колдун Чинкослав и его помощник" (поставлена в 1976 г., по мотивам Г. Зейлера) и др. Несколько новых пьес в этот период написал **Цирил Кола** (род. в 1927 г.): "Визит родственников" (поставлена в 1969 г.), "Продать садовый домик" (поставлена в 1979 г.),

"Час перед смертью" (1984). Первая из этих пьес написана в отчетливо социалистическом ключе, и ее ставили на официальных торжествах. Речь идет о "визите родственников" из ФРГ и при этом декларируются преимущества социалистического строя.

С конца 1970-х годов на сцену все настойчивее выходит экологическая проблематика: с успехом ставятся пьесы **Юрия Коха** "Мой вымеренный край" (1978), **Хельмута Рыхтара** (род. в 1942 г.) "Парабола о водяном" (1989), **Ангелы Стаховой** "Винета" (1990). Кох вводит в современный конфликт мифологические мотивы и образы, которые при удачной режиссуре (как, например, на польском языке в 1986 г.) неожиданно находят дорогу к чувствам современных зрителей. Нашла отклик и драма "На конной пасхальной процессии" (поставлена в 1985 г.) **Бено Бударя** (род. в 1946 г.), где на фоне любимого всеми лужичанами традиционного пасхального праздника ставятся серьезные проблемы серболужицкого этноса, в том числе и постепенного отмирания живого разговорного языка. Эту последнюю проблему поставил в центр своей бурлескной комедии **Кито Лоренц**, решивший, наконец, и в этой области литературы сказать свое веское слово. Главным героем написанной в жанре народного фарса комедии "Колбаса" (поставлена в 1988, опубликована в 1994), по словам самого Лоренца, является серболужицкий язык, который автор использует с таким виртуозным изяществом, что зритель, забывая о фабуле пьесы, вслушивается в реплики, в игру слов, в неожиданный смысл пословиц и поговорок, сказанных в непривычном месте и в неподходящей ситуации, в шуточные песни, сопровождающие и комментирующие действия К. Лоренца, по-своему продолжая "Хвалу и прославление серболужицкого языка" (1767) **Юрия Меня**, демонстрирует поистине неограниченные возможности верхнелужицкого языка, когда им владеет настоящий писатель. А само незамысловатое действие разворачивается в середине 1980-х годов в лужицкой деревне, где мать и ее дочь (на выданье) сидя с утра на скамейке перед домом, обсуждают способы приготовления колбасы, а заодно и всякие другие вопросы, касающиеся прошлого, настоящего и будущего – в самом бытовом и заземленном плане, доходящем до пересудов и сплетен (и это, естественно, было в замысле писателя, стремившегося задеть самые живые и разговорные струны языка); подходят разные люди (в том числе и возможные женихи), завязываются разговоры... Пьеса прошла с успехом и получила почти восторженные отзывы критики. Но Лоренц пошел еще дальше – он написал пьесу "Вендское судоходство" (поставленную, правда, уже в 1994 г.), в которой в жанре "трагигротеска" обыгрывает различные эпизоды совместной лужицкой и немецкой истории, реалий тради-

ционного быта и национальных взаимоотношений. Этот "трагигротеск" написан на немецком языке, но с использованием серболужицких песен, реплик, местных диалектов и — что не менее важно — реалий национального быта и мышления. Таков литературный ответ на новую культурную ситуацию и на вызов времени крупнейшего современного серболужицкого писателя, которого западная критика, в целом очень высоко оценивающая его творчество, нередко рассматривает как "парадокс авангардиста, привязанного к своей родине"¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Die Sorben in Deutschland – Serbja w Nemskej. Sieben Kapitel Kulturgeschichte. Hrsg. von D. Scholze. Bautzen, 1993. S. 52.

2. Ibid. S. 51–52.

3. Oschlies W. Die Sorben – slawisches Volk im Osten Deutschlands. 2. überarbeitete Auflage. Bonn, 1991. S. 62.

4. Budar L. Zum sorbischen Schulwesen // Die Sorben in Deutschland. Hrsg. von Maćica Serbska. Budyšin/Bautzen, 1991. S. 61–62.

5. Ibid. S. 62.

6. Споры между протестантами-"ригористами" (настаивавшими на немедленном упразднении лужицких языков) и протестантами-"модератами" (стоявшими за его постепенное отмирание) особенно активно проходили в 1820-е годы.

7. Oschlies W. S. 60.

8. Из рецензии Ф. Метшка на "Старуху Янчову" Брезана, цит. по: Piniekowa Ch. Literarische Zweisprachigkeit bei den Sorben 1949–1989 // "Lětopis". Zeitschrift für Sorabistik. Budyšin/Bautzen, 1992, N 1. S. 93.

9. Lorenz K. Kikulturalität und Selbstverständnis // "Theater der Zeit". Berlin, 1995, N 1. S. 44.

10. Koschmal W. Perspektiven sorbischer Literatur // Perspektiven sorbischer Literatur. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 9–46.

11. Ibid. S. 41.

12. Лоренц К. "Под солнцем настоящего..." // Хэжка Ю. Поэзия малой каморки. Алма-Ата, 1985. С. 7.

13. Kirsch R. Einer aus der Gilde der Dichter // Liebes- und andere Erklärungen. Schriftsteller über Schriftsteller. Berlin und Weimar, 1972. S. 236.

14. Domašcyna R. Zwischen Gangbein und Springbein. Berlin, 1995. S. 1.

15. Hauschke J. Anmerkungen zur deutschsprachig verlegten sorbischen Literatur zwischen 1945 und Anfang der 60er Jahre in der DDR // "Lětopis". Bautzen/Budyšin, 1992, N 1. S. 100.

16. Koch J. Jubel und Schmerz der Mandelkrähe. Bautzen, 1992. S. 42.

17. Scholze D. Sorbisches Berufstheater // Die Sorben in Deutschland. Bautzen, 1993. S. 167.

18. Völkel M. Dramatiska literatura // Přinoški k stawiznam serbskeho pismowstwa lět 1945–1990. Budyšin, 1994. S. 146.

19. Lorenz K. Die wendische Schifffahrt. Tragigroteske in fünf Bildern mit zwei Zwischenspielen und einem Epilog. Budyšin, 1994 (цитата из статьи голландского германиста Э. Ван дер Кнапа, помещенной в конце издания без нумерации страниц).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хочется надеяться, что конспективно изложенная в этой книге история серболужицкой словесности и литературы не противоречит тезисам, сформулированным во введении ("От автора", см. с. 3–10). Тем более, что вводные страницы были написаны после завершения основной работы под рукописью. Что можно добавить в заключение, предполагающем, что читатель освоил содержание книги? Самое важное, видимо, это еще раз кратко сформулировать отправные позиции для написания *современной Истории серболужицкой литературы*. Видимо, для достижения более емкого и дифференцированного представления об объекте исследования придется сначала написать раздельно *Историю верхнелужицкой литературы* и *Историю нижнелужицкой литературы* – в силу общепризнанных исторических различий верхнелужицкого и нижнелужицкого языков и их диалектов, а – главное – из-за чересчур очевидной специфики историко-культурного процесса на территориях Верхней Лужицы и Нижней Лужицы, на что в последние десятилетия уже неоднократно обращалось внимание (Фридо Метшк, Павол Новотны, Павол Недо и др.). Лишь после того, как с достаточной полнотой будет изучена и выявлена специфика этих литератур¹, можно будет снова – но уже на более дифференцированных основаниях – пытаться свести эти литературы воедино. В истории нижнелужицкой литературы пока поражает отсутствие **непрерывности историко-литературного процесса** при очевидном наличии ярких творческих индивидуальностей (священник Хандрош Тара в начале XVII в.; крестьянин Ханзо Непила в конце XVIII в.; учитель Дабит Богувер Глован в начале XIX в.; священник Кито Фрицо Стемпель во второй половине XIX в.; и т. д.). Этот вакуум **общественной культурной** и духовной атмосферы в Нижней Лужице не будет столь заметен, если попытаться по возможности полнее учесть следующие факторы: 1) церковную жизнь и церковную литературу нижнелужицких протестантов; 2) взаимосвязи с Польшей, которые в целом нижнелужичане поддерживали достаточно интенсивно; 3) взаимодействие с Верхней Лужицей, которое – усиливаясь или ослабевая – полностью все же никогда не прерывалось; 4) различные формы взаимосвязей с немцами, в том числе и публикации на немецком языке, к которым и нижнелужичане тоже постоянно прибегали. Для истории культуры Верхней Лужицы особую роль всегда играла Прага, а через нее – чешская культуры и литература.

Учитывая огромную роль, которую играли чешско-верхнелужицкие и польско-нижнелужицкие культурные и литературные кон-

такты, необходимо очень внимательно проработать чешские и польские источники, а также достаточно многочисленные труды чешских, словацких и польских ученых (литературоведов, лингвистов, историков и т. д.), которые в данной книге остались еще в своей основной массе неучтенными. В более глубокой проработке нуждаются и многочисленные немецкие источники, — и не в последнюю очередь разнообразные немецкие газеты и журналы, которые с XVIII в. регулярно издавались на территориях обеих Лужиц и так или иначе отражали проблематику взаимоотношений немцев и славян, а также — при отсутствии постоянной серболужицкой прессы до 1842 г. — содержали нередко уникальную информацию о различных аспектах истории и современной жизни Сербской Лужицы.

Нет смысла перечислять здесь все проблемы и все существующие пока лакуны, разрешение или заполнение которых может предоставить историку литературы новые материалы. Но и без специального привлечения новых источников проблем у современного литературоведа-сорабиста на сегодняшний день вполне достаточно. Немецкий славист Вальтер Кошмаль считает, например, что пока еще отстывают "подробные анализы текстов", "компаративистские исследования", направленные на сопоставления с другими славянскими литературами; попытки определить специфику серболужицкой литературы в системе координат мировой литературы². Дитрих Шольце, литературовед и директор Серболужицкого института в Будишине, в специальной статье "Проблемы написания истории литературы у серболужичан" (1995, название статьи звучит странно, но оно не случайное) называет целый ряд проблем общего и частного характера, вовсе еще не разработанных, что особенно отчетливо выявляется при сопоставлении с литературоведческим освоением истории так называемых "больших литератур", к примеру, французской, английской или немецкой. И дело не только в том, что отсутствуют истории серболужицкой поэзии, прозы, художественной публицистики (несколько лучше обстоит дело с серболужицкой драмой, история которой со второй половины XIX в. хотя бы описана), но и разработки истории отдельных жанров пока еще не продвинулась настолько, чтобы их можно было уже отчетливо обозреть³. Каждая история национальной литературы нуждается для полноты раскрытия своего содержания в разных подходах к ней и в разных моделях ее описания. Но поскольку развитие каждой национальной литературы имеет свою специфику, то должны вестись поиски такой модели истории каждой национальной литературы, которая бы в наибольшей степени могла отразить ее неповторимое своеобразие; а это своеобразие не определяется толь-

только лишь своеобразием литературных фактов и творческих индивидуальностей — речь должна идти о **ведущих тенденциях и закономерностях**, характерных именно для данной литературы и отличающих ее от других, даже во многом родственных литератур. Эти ведущие тенденции серболужицкой литературы пока еще по-настоящему не выявлены и не описаны — а выявлены они могут быть только в процессе сопоставления с другими литературами.

Но одно скромное наблюдение я все же осмелюсь уже обнаружить. Изучение истории серболужицкой словесности и литературы пока дает немного возможностей обнаружить здесь эффект так называемого "ускоренного развития литературы" (если воспользоваться названием широко известной книги Г. Д. Гачева⁴). Все в этой литературе происходило в свое время (безо всякого "замедления" и "ускорения") — в меру потенциальных возможностей небольшого народа и его немногочисленной интеллигенции. Серболужичане ни от кого не отставали и никого не перегоняли, у них всегда было так много собственных, первоочередных и неотложных национальных проблем, что им просто некогда было следить и следовать за сменявшимися в Европе литературно-художественными модами. Малочисленность ли этноса в этом повинна или особое народное самосознание серболужицкой интеллигенции, но серболужицкие писатели создавали только то, что укрепляло национальный этнос, способствовало его выживанию в сложнейших исторических условиях⁵. Поиски ответа на вопрос о роли серболужицкой интеллигенции в развитии народного самосознания пока приводят к ответам, лежащим, как говорится, на самой поверхности: **во-первых**, серболужицкая интеллигенция была, как правило, очень бедна (в ней полностью отсутствовала не только дворянская, но и буржуазная прослойка — ее представители были в основном священниками беднейших приходов, как, например, Миклавш Андрицкий, школьными учителями и — скорее в порядке исключения — представителями других трудоемких профессий), нередко беднее крестьян-середняков, и ей очень трудно было "оторваться от народа". **Во-вторых**, при отсутствии серболужицкой государственности или даже автономии эта интеллигенция не была понуждаема (приказами или подкупом) выполнять политико-идеологические "заказы" верховной власти и перекладывать личную ответственность за судьбу родного этноса и народа на эту самую верховную власть или же, напротив, яростно бороться с ней (как это случилось, например, с частью российской дворянской и разночинской интеллигенции): она воспринимала свою ответственность перед народом всегда прямо и непосредственно. И, наконец, **в-третьих**, в Сербской Лужице почти не было той яростной борьбы политических

течений, идеологических установок и партийных фракций, которые заполняют новейшую историю европейских государств, славянских и не славянских. Поэтому несмотря на малочисленность этой интеллигенции она отнюдь не была слабой, потому что не распыляла свои силы на внутрисубную борьбу, в которой цели самой борьбы (добиться "победы над противником") почти всегда заслоняют то, во имя чего, собственно, и начинается эта борьба⁶. Но вопрос о месте и роли серболужицкой интеллигенции в сохранении народного этноса настолько важен и значителен, что тоже нуждается, разумеется, в самой тщательной научной разработке, включающей в себя системный сопоставительный анализ по названным и не названным здесь позициям с соседними странами и народами.

В серболужицкой литературе все появлялось вовремя: романтизм, реализм, натурализм, символизм... и даже постмодернизм — но все эти (и другие) общеевропейские литературные направления всегда принимали у серболужицких писателей **неповторимо национальный характер, содержание и форму**. Я говорю это с полной ответственностью, но для серьезного литературоведческого доказательства этого утверждения необходимы объемные сопоставления с другими литературами и развернутая по родам и жанрам история самой серболужицкой литературы, которой, как я уже отмечал, пока не существует ни на одном языке. Тем самым я еще раз подтверждаю название данной книги — это действительно **введение**, первый шаг на новом пути, который (в силу объективной необходимости) неизбежно придется пройти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В особом внимании нуждается изучение истории нижнелужицкой литературы, самостоятельное исследование которой пока еще только намечается, см.: Metsk Fr. Chrestomatija dolnosersbskego pismowstwa. Budyšin, 1982; Nowotny P. Dolnosersbske pismojstwo 1918–1945. Bautzen, 1983.

2. Koschmal W. Rezension zu S. Brězan: Deutsche Aufklärung und sorbische nationale Wiedergeburt (Bautzen, 1993) // "Zeitschrift für Slawistik". Berlin, 1995, N 1 (40). S. 116–119.

3. По существу можно назвать лишь диссертацию Люции Хайнец о балладе, которая с сегодняшних научных позиций уже нуждается в значительных уточнениях: Heine L. Die sorbische Balladendichtung. Eine historisch-vergleichende Untersuchung. Leipzig, 1968 (рукопись).

4. Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

5. Во время обсуждения **Введения** ("От автора") и **Заключения** данной книги на заседании Научного центра славяно-германских исследований 3 июня 1997 г. Сергей Сергеевич Скорвид (МГУ) задал мне два вопроса. В данном контексте представляется уместным воспроизвести эти вопросы и ответы (не дословно, но по сути).

1. Возможно ли вообще изучение истории нижнелужицкой литературы в отрыве от

верхнелужицкой? Речь идет не об отрыве, который, хотя и возможен, но вряд ли перспективен. Но для понимания **специфики** истории нижнелужицкой литературы она должна быть поставлена в центр исследования, хотя в сам процесс исследования должен вовлекаться весь необходимый контекст (верхнелужицкий, немецкий, польский и т. д.). 2. А не было ли **"ускоренного развития"** серболужицкой литературы в период 1945–1990 гг.? Да, такое "ускоренное развитие", несомненно, было – со всеми вытекающими из него противоречиями. Государственная финансовая поддержка впервые в истории предоставила возможность публиковать на серболужицких языках **очень много книг** – как никогда в предшествовавшие периоды. И именно в этот период часть серболужицкой интеллигенции стала отрываться от народа, стала обслуживать господствовавшую идеологию, к примеру, воспевать стройки, наносившие непоправимый урон историческому ландшафту и самому этносу. Развитие серболужицкой литературы в период строительства социализма заслуживает специального и пристального анализа – в данной книге вся эта проблематика обозначена лишь пунктирно.

6. В работе "Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава" (Новополоцк, 1995) сделана попытка показать, в **каких формах** протекала идейная борьба в Верхней Лужице и какими способами она решалась. Но и здесь нужны еще серьезные специальные исследования, см., например: Remes F. W. Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung. Bautzen, 1992. Эта серьезная и построенная на многих архивных источниках работа (в которой, на мой взгляд, есть и ошибочные положения) на своем специальном материале подтверждает мои предположения и, в частности, то, что в целях самосохранения серболужичане так или иначе, но "отторгали" от себя слишком уж честолюбивых и тщеславных представителей собственной же интеллигенции, готовых ради охвативших их идейных амбиций "отрываться" от всегда совершенно конкретной народной почвы и предлагать своему народу те или иные "блага", даже не интересуясь толком: а хочет ли этих "благ" сам народ. Вопрос этот очень сложен и многоаспектен, но иначе, например, мне трудно понять, почему Я. П. Йордан так быстро разочаровался в своем народе и стал австрийским бизнесменом... Может ли исторический деятель, действительно любящий свой народ, так далеко оторваться от доподлинного народа в преследовании своих идеологических фантазий (целей), чтобы **обижаться на народ** за то, что народ не хочет "ускоряться", "революционизироваться" и т. д.? Одно дело, когда анархист-романтик М. Бакунин, по условиям своего воспитания оторванный от всякой народной почвы, пытался агитировать лужичан сражаться на германских баррикадах 1848–1849 гг. и недоумевал, почему они не хотят проливать там свою кровь... Но Я. П. Йордан, видимо, пробыв долгое время в Праге, где идеологическая и культурная ситуация все же была совсем иная, хотел внести идею "ускорения" в "рутинную" жизнь Сербской Лужицы. А когда его не поняли, предпочел путь бизнесмена и космополита. Ох уж эта интеллигентская "любовь к народу"... Но в Сербской Лужице подобное, кажется, случалось не часто.

25 мая – 12 июня 1997 г., Москва

БИБЛИОГРАФИЯ

(В каждом разделе соблюдается хронологический принцип)

1. СЕРБОЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.

1. Зейлер А.: Майское воскресное утро. Перевод Н. Гербеля; Моя родина. Перевод Н. Гербеля.

Вела И.: Возвращение домой. Перевод Н. Берга; Полудница. Перевод Н. Берга; Ездок. Перевод Н. Берга; Незнакомец у могилы. Перевод Н. Берга.

Бук Я. Сербская липа. Перевод Н. Гербеля.

Пуль К. Возвращение на родину. Перевод Н. Гербеля.

Горник М. Сербам. Перевод Н. Гербеля.

В кн.: Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов. Изданный под редакцией Ник. Вас. Гербеля. Санкт-Петербург, 1871. С. 529–534.

2. Эпос славянских народов. М.: Художественная литература, 1959.

3. Брезан Ю. Повесть про девушку Трикс, ее друзей и вола Исаю. М.: Молодая гвардия, 1960.

4. Брезан Ю. История одной любви. Повесть // "Иностранная литература". М.: Известия, 1963. № 9.

5. Сказки, пословицы и песни лужицких сербов. Предисловие М. И. Ермаковой. М.: Художественная литература, 1969.

6. Лоренц К. Размышления в деревянном доме. Перевод И. Снеговой. Струга. Перевод И. Снеговой.

В кн.: Поэзия ГДР. Составление и критико-библиографические заметки об авторах Г. Ратгауза. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 425–429.

7. Брезан Ю. Впечатления // "Иностранная литература". М.: Известия, 1974. № 10.

8. Хандрий Зейлер: Сербский край. Перевод Н. Стефановича; Боже седлешко. Перевод Н. Стефановича; Напрасные уговоры. Перевод Н. Стефановича; Солнце, свобода. Перевод Н. Стефановича; Путешествующие чужестранцы. Перевод Н. Стефановича; Высокое дворянство, или Тополь и слива. Перевод Н. Стефановича.

Мато Косик: Сербский король в Блотах. Перевод А. Спаль; Родной язык. Перевод А. Спаль; Индианка. Перевод А. Спаль; Лучший воин. Перевод А. Спаль; Тоска. Перевод А. Сиротинина.

Якуб Барт-Чишинский: Славянам. Перевод Н. Стефановича; Сербской земле. Перевод Н. Стефановича; Поэзия. Перевод Н. Стефановича; Матери. Перевод Н. Стефановича; Утро. Перевод Н. Стефановича; Но не забудь... Перевод Н. Стефановича; Правда и поэзия. Перевод Н. Стефановича; Моей песне. Перевод А. Сиротинина.

В кн.: Европейская поэзия XIX века. М.: Художественная литература, 1977 (БВЛ, т. 85). С. 343–354.

9. Брезан Ю. Крабат, или Преображение мира. Предисловие Е. Книпович. М.: Прогресс, 1979.

10. Брезан Ю. Подвенечный убор.

Стахова А. Краткое сообщение о Хедвиг.

В кн.: Новелла ГДР. 70-е годы. Составление и предисловие А. А. Гугнина. М.: Прогресс, 1980.

11. Стахова А. Зорайя // "Иностранная литература". М.: Известия, 1980. № 1.

12. Стахова А. Повести и рассказы (В сумерках; Краткое сообщение о Хедвиг; и др.)

В кн.: Шюц Х., Кольхаазе В., Хофман Ф., Стахова А. Повести и рассказы. Составление М. Рудницкого. Предисловие Н. Банниковой. М.: Прогресс, 1981.

13. Лоренц К. Струга. Перевод В. Вебера. Раскраска пасхальных яиц. Перевод В. Вебера. Утро любимой. Перевод В. Вебера // Поэзия ГДР (серия "Европейская поэзия"). Послесловие А. Гугнина. М.: Художественная литература, 1983. С. 460–467.

14. Брезан Ю. Портрет отца. Роман // "Иностранная литература". М.: Известия, 1984. № 9.

15. Лоренц К. Ежи в парикмахерской. Пер. Б. Хлебникова // "Иностранная литература". М.: Известия, 1984, № 10.

16. Брезан Ю. Черная мельница. Повесть и рассказы. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Известия, 1985.

17. Брезан Ю. Портрет отца. Роман. М., Радуга, 1985.

18. Хэжка Ю. Поэзия малой каморки. Стихи. Перевод с верхнелужицкого К. Бакбергена. Предисловие Кито Лоренца. Алма-Ата, 1985.

19. Ангела Стахова: Банальная история; Рассказать вам о моей подруге Рези?; Наступление холодов.

В кн.: Неожданный визит. Рассказы и повести писательниц ГДР. Составление И. Щербаковой. М.: Радуга, 1988. С. 386–426.

20. Брезан Ю. Иоганн Себастьян Бах // Магический кристалл. Новеллы, повести, эссе писателей ГДР. Составление, предисловие и примечания Н. Банниковой. М.: Радуга, 1988. С. 475–476.

21. Ангела Стахова: Краткое сообщение о Хедвиг.

Юрий Кох: Вишневое дерево.

В кн.: Неоконченная история: Писатели ГДР о молодежи. Составление А. Гугнина и В. Вебера. Предисловие и справки об авторах А. Гугнина. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 63–78; С. 228–313.

22. Кито Лоренц (в переводах Вячеслава Левыкина): Рассказ о моем отце; По дороге домой через Белоруссию в снегу; Умирающая сойка; Названия нив; Сельские похороны; Наш дедушка; Мой последний день; Романс; Эпитафия Иогану Бобровскому; Река Струга; Воцнение пасхальных яиц; Опыт над нами; Будишин – новый вид с городища.

Бэнедикт Дырлих (в переводах Валерия Латынина): У надгробия Чилинского; Необремененное лето; Поэту; Воспоминание; У смертного одра Ивана Франко; Материнская речь; Два взгляда; Рассветное; Переход в зеленое; Разбуди меня; Случайность; Каменная любовь; Фантазия; Памятник; Летняя картина; Пятый месяц; Соотечественникам; Мгновение; Кто говорит, что...; Желание; Констатация; Ночные позывные.

Бэно Бударь (в переводах Виктора Кирюшина): Передать дальше; Ко всем; Разные люди в нашем народе; Мгновения нашего счастья (на лужицкой свадьбе); В середине жизни; По лестнице жизни; Конец мира; Рука; Кочерыжка. (В переводах Сергея Агальцова): Камни гор; Старушка на городской скамейке; Годы; Моя весна; Большая вода весны; Из материнского клина; Белый

траур; Предосеннее; Перед портретом Пушкина в Третьяковской галерее; Будильник; Каштаны Киева; Матерям лужицким.

Марья Кравец (в переводах Владимира Алейникова): Из прошлого; Ральбичанское воскресение; Встреча; На рынке в Ереване; Ереван 1983; Ultima RATIO; Лесные травы; Навигация и желание по-делански; По дороге с С. к востоку; Ржанные поля колышутся; Перевясло класть; Мой последний вариант весны; В полночь на пастушьей горе; Тишина домашнего угла с поэтом; Запоздалая улыбка; Старый дом 1903 года; Бабушка на улице Спальной номер три; "По листьям продолговатым..."

Томаш Навка (в переводах Раисы Романовой): "Со звуком песни..."; Никакого ожидания Годо; Детям Освенцима; Красивая Луница; После посещения; Маленький принц; Шопен. Соната № 2; Яблоня; Тысяча и одна ночь; Картина.

Ружа Кешкец-Домашцына (в переводах Раисы Романовой): Взгляд в себя; Картины детства; Брату; Родство; Неприкаятность; Fatum Epimetheus; Дом над землей; Сомнения; Пентаграмма Федерико Г. Лорке; Существо бытия; Блуждающие огни.

В кн.: Вкус молока и меда. Поэтический сборник. Переводы с серболужицкого. Предисловие Д. Шольце. М.: Молодая гвардия, 1989.

23. Каспар Пойкер. Идиллия родины. Перевод А. Гугнина.

Ян Бок. Луница. Перевод А. Гугнина.

Хандрош Тара. Автор своему катехизису. Перевод А. Гугнина.

Юрий Лудовица. Хвалебная песнь Михалу Френцелю. Перевод А. Гугнина.

Юрий Рак. Жажда бессмертия. Перевод А. Гугнина.

Гендрих Август Кригар. Сербскому товариществу. Перевод А. Гугнина.

Гандрий Зейлер (в переводах А. Гугнина): Сербской Лунице; Причитание.

В кн.: Гугнин А. А. Серболужицкая литература в эпоху романтизма; Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994. С. 17; С. 21–22; С. 24; С. 37–39.

II. СПРАВОЧНЫЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ.

24. Wjaclaw J. Serbska bibliografija. Berlin, 1952.

25. Létopis Instituta za serbski ludospyt. Budyšin / Bautzen (Reihe A: Sprachforschung und Literatur, 1952–1991; Reihe B: Geschichte und Soziologie, 1953–1991; Reihe C: Volkskunde, 1953–1991; Reihe D: Kultur- und Kunstwissenschaften, 1986–1991).

26. Mlynk J. Serbska bibliografija 1945–1957. Bautzen / Budyšin, 1959.

27. Serbska bibliografija 1958–1965. Bautzen / Budyšin, 1968.

28. Serbski biografiski słownik. Budyšin, 1970.

29. Krautz A. Sorbische bildende Künstler. Bautzen, 1974.

30. Serbska bibliografija 1966–1970. Bautzen / Budyšin, 1974.

31. Žur H. Komuž muza pjero wodźi. Budyšin, 1977.

32. Serbska bibliografija 1971–1975. Bautzen / Budyšin, 1978.

33. Kališmit H. Leksikon awtorow serbskich knihow 1945–1978. Budyšin, 1979.

34. Serbska bibliografija 1976–1980. Bautzen / Budyšin, 1983.

35. Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984.

36. Eichler E. Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neisse. Bautzen, 1987 (2. Auflage).

37. Serbska bibliografija-Sorbische Bibliographie: 1981–1985. Bautzen / Budyšin, 1989.
38. Sorben-Serbja. Ein kleines Lexikon. Bautzen, 1989.
39. Українська та російська сорабістика XIX–XX вв. Бібліографічний покажчик. Харків, 1993.
40. Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon. Hrsg. von E. Eichler u. a. Bautzen, 1993.
41. Serbska bibliografija-Sorbische Bibliographie: 1986–1990. Bautzen / Budyšin, 1994.
42. Лантева Л. П. Российская сорабістика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. – 132 с. (Справочники Научного центра славяно-германских исследований. 1.)

III. МИФОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОР, НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА.

43. Anton K. G. Erste Linien eines Versuchs über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Bd. 1, 1783; Bd. 2, 1789 (Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Paul Nedo. Bautzen, 1976; Bautzen, 1987).
44. Haupt L., Smoler J. A. Volkslieder der Sorben in der Ober- und Niederlausitz. – Pěsnički hornič a delnič Lužickich Serbow. Bd. 1, 1841; Bd. 2, 1843 (Neuausgaben: Bautzen, 1953; Bautzen, 1984).
45. Haupt K. Sagenbuch der Lausitz. Bd. 1. Leipzig, 1862. Bd. 2. Leipzig, 1863. (Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Erich Schneider. Bautzen, 1991).
46. Schulenburg W. v. Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Leipzig, 1880 (2. Auflage, 1930).
47. Veckenstedt E. Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz, 1880.
48. Schulenburg W. v. Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin, 1882 (2. verbesserte Auflage, 1934).
49. Rabenau A. Originalmärchen der Wenden // Kühn E. Der Spreewald und seine Bewohner. Cottbus, 1889. S. 65–143.
50. Černý A. Mythske bytosće lužiskich Serbow. Bd. 1–2. Bautzen, 1988.
51. Nawka M. Baje, baiki a basnički. Serbske narodne. 1. zešlw. Budyšin – Bautzen, 1914.
52. Sorbische Volksmärchen. Systematische Quellenausgabe mit Einführung und Anmerkungen. Bearbeitet von Paul Nedo. Budyšin / Bautzen, 1956 (Spisy Instituta za serbski ludospyt. 4).
53. Raupp J. Sorbische Volksmusikanten und Musikinstrumente. Bautzen, 1963.
54. Nedo P. Grundriss der sorbischen Volksdichtung. Bautzen, 1966.
55. Raupp J. Sorbische Musik. Ein Abriss in Wort und Bild. Bautzen, 1966.
56. Nedo P. Sorbische Kultur. Bautzen, 1975.
57. Rawp J. Serbska hudźba. Budyšin, 1978.
58. Balke L., Lange A. Sorbisches Trachtenbuch. Bautzen, 1985.
59. Sagen aus Heide und Spreewald. Auswahl, Bearbeitung und Nachwort von Erich Schneider. Bautzen, 1987.
60. Musiat S. Volksleben, Volksfrömmigkeit und Volksbrauch in der Lausitz. Bautzen, 1992.

IV. ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

61. Körner G. Philologisch-kritische Abhandlung von der Wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften. Leipzig, 1766. (Fotomechanischer Neudruck von R. Olesch. Köln-Wien. 1–2 Teile. 1979–1980).

62. Новиков Е. П. О важнейших особенностях лужицких наречий. М., 1849.

63. Флоринский Т. Д. Серболужицкий язык // Флоринский Т. Д. Лекции по славянскому языкознанию. (Часть 2, глава 8). Киев, 1897. С. 583–685.

64. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Петроград, 1915. (Перепечатное издание, Bautzen, 1973).

65. Селищев А. М. Лужицкие Сербы (Сербо-лужичане) // Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941. Т. 1. С. 221–270.

66. Серболужицкий лингвистический сборник. Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 1963.

67. Löttsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. N 7).

68. Schuster-Sewc H. Bibliographie der sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1966.

69. Калнынь Л. Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М.: Наука, 1967.

70. Исследования по серболужицким языкам. Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 1970.

71. Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. М.: Наука, 1973.

72. Janaš P. Niedersorbische Grammatik. Bautzen, 1976.

73. Трофимович К. К. Серболужицкий язык // Славянские языки. М., 1977.

74. Трофимович К. К. Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 158–206.

75. Ермакова М. И. Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М.: Наука, 1979.

76. Fasse H. Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.

77. Schuster-Sewc H. Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen // "Lětopis". Rjad A. Čo. 29/2 (1982). Budyšin, 1982. S. 113–140.

78. Schuster-Sewc H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb // "Lětopis". Rjad A. Čo. 30/2 (1983). Budyšin, 1983. S. 138–147.

79. Фасске Х. Формирование серболужицких литературных языков // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. Сборник обзоров. М., 1983. С. 178–203.

80. Ермакова М. И. Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков // Функционирование славянских литературных языков // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М.: Наука, 1988. С. 84–118.

81. Трофимович К. К. Серболужицкий язык. Минск, 1989.

82. Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник научных трудов. Отв. ред. М. И. Ермакова. Ф. Михалк. М.: Наука, 1989.

83. Marti R. Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bänderromanisch. München, 1990 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Hrsg. von P. Thiergen. Band 18).

84. Schuster-Sewc H. Zur Problematik der Entstehung des Niedersorbischen // "Lětopis". Zeitschrift für Sorabistik. Jahrgang 1 (1992). Bautzen/Budyšin, 1992. S. 9–18.

85. Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник статей. Отв. ред. М. И. Ермакова. М., 1995.

86. Norberg M. Sprachwechselprozess in der Niederlausitz. Soziolinguistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen / Hochoza. Uppsala, 1996 (Acta universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 37).

V. СЛОВАРИ.

87. Pfuhl Ch. Tr. Lausitzisch wendisches Wörterbuch. Bautzen, 1866 (Fotomechanischer Neudruck, Bautzen, 1968).

88. Muka A. Słownik dolnosorbskeje rěcy a jeje narěcow. Pjeterburg – Prag, 1911–1928 (Fotomechanischer Neudruck, Bd. 1, Budyšin, 1966; Bd. 2, Budyšin, 1980).

89. Rezak F. Deutsch-wendisches encyklopädisches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache. Bautzen, 1920 (Fotomechanischer Neudruck, Budyšin, 1987).

90. Kral G. Serbsko-němski słownik hornjolužiskeje rěče. Budyšin, 1927–1931 (Fotomechanischer Neudruck. Vorwort von H. Jenč. Budyšin, 1986).

91. Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik. – Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin/Bautzen, 1954.

92. Sorbisches Sprachatlas. Bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch, S. Michalk. Bd., 1–13. Budyšin, 1960–1990.

93. Swjela B. Dolnosorbsko-němski słownik. Budyšin, 1963.

94. Zeman H. Słownik górnołużycko-polski. Warszawa, 1967.

95. Трофимович К. К. Верхнелужицко-русский словарь. Под редакцией Ф. Михалка и П. Фелькеля. Москва – Баутцен, 1974.

96. Schuster-Sewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hefte 1–24. Budyšin, 1981–1991.

97. Wenzel W. Studien zu sorbischen Personennamen. Bd. 1–2. Budyšin, 1987–1992.

98. Jentsch H., Michalk S., Šerak J. Deutsch-obersorbisches Wörterbuch / Němsko-hornjoserbski słownik. Bd. 1–2. Budyšin, 1989–1991.

IV. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ.

99. Knauth Ch. Der alten Sorbenwenden Religionssätze und Lehren. Görlitz, 1754.

100. Knauth Ch. Derer Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte. Görlitz, 1767 (Fotomechanischer Neudruck von R. Olesch, Köln-Wien, 1980).

101. Knauth Ch. Annales Typographici Lusatiae Superioris oder Geschichte der Oberlausitzischen Buchdruckereien. Hrsg. von R. Olesch. Köln-Wien, 1980.

102. Andree R. Wendische Wanderstudien. Stuttgart, 1874.

103. Bogusławski W., Hornik M. Historija serbskeho naroda. Budyšin, 1884.
104. Петухов Е. В. Лужицкие сербы (Лужичане): Из путевых заметок, летом 1897 г. Юрьев, 1898.
105. Сиротинин А. Россия и славяне. СПб., 1913.
106. Дорошенко Д. Лужицкі Серби // Дорошенко Д. Славянський світ в його минулому й сучасному. Берлін, 1922. Т. 1. С. 214–239.
107. Šleca H. Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutkowanje. Preni dźel: hac do konca leta 1847 // Časopis Maćicy Serbskeje. 1924. Budyšin, 1924. Str. 3–63.
108. Schmidt O. E. Die Wenden. Dresden, 1926.
109. Páta J. Josef Dobrovský a Lužice. Praha, 1929.
110. Неуступный Ю. Первобытная история Лужицы. Прага, 1947.
111. Семиряга М. И. Лужичане. М.-Л., 1955.
112. Mětsk Fr. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden (1806). Berlin, 1961.
113. Zmeškal V. Lužičtí Srbové. Praha, 1962.
114. Lehmann R. Geschichte der Niederlausitz. Berlin, 1963.
115. Zell W. Bolzano und die Sorben. Ein Beitrag zur Geschichte des "Wendischen Seminars" in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen / Budyšin, 1967.
116. Zell W. Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben // "Lětopis". Reihe B – Geschichte. Bautzen, 1968. N 15/1. S. 1–17; N 15/2. S. 175–220.
117. Mětsk Fr. Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus. Bautzen, 1968.
118. Mětsk Fr. Verordnungen und Denkschriften gegen die sorbische Sprache und Kultur während der Zeit des Spätfudalismus. Bautzen, 1969.
119. Matyniak A. S. Polsko-lużyckie stosunki kulturalne do wiośny ludów. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1970.
120. Polsko-lužické stosunki literackie: Tom studiów. Wrocław, 1970.
121. Šolta J. Die Lausitzer Sorben und ihre Nachbarn in der Zeit von 1789 bis 1848. Ein Beitrag zur Frage der internationalen Wechselbeziehungen der sorbischen Geschichte. Kraków, 1973.
122. Petr J. Michal Hórník – žiwjenje a skutkowanje serbskeho wótcinca. Budyšin, 1974.
123. Geschichte der Sorben. Bd. 1–4. Bautzen, 1974–1979.
124. Mruškovič V. Slovensko-lužickosrbské literárne vzťahy. Martn, 1980.
125. Mětsk F. Studien zur Geschichte sorbisch-deutschen Kulturbeziehungen. Bautzen, 1980.
126. Шолта Я. О специфике национального развития лужицких сербов // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 344–355.
127. Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI–X вв.) // Развитие этнического самосознания у славян в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 195–212.
128. Lecięjewicz L. Jäger, Sammler, Bauer, Handwerker. Frühe Geschichte der Lausitz bis zum 11. Jahrhundert. Bautzen, 1982.
129. Meine Landsleute. Die Sorben und die Lausitz im Zeugnis deutscher Zeitgenossen. Hrsg. von H. Zwahr. Bautzen, 1984.

130. Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse von 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985.
131. Hartstock E., Kunze P. Die Lausitz Im Prozess der bürgerlichen Umgestaltung 1815–1847 Eine Quellenauswahl. Bautzen, 1985.
132. Ронин В. К. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С. 5–33.
133. Санчук Г. Э. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1987. С. 97–107.
134. Ронин В. К., Иванов Вяч. Вс. Проблемы этнического самосознания полабских славян XI–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С. 297–317.
135. Kunze P. Überblick über die Geschichte der Sorben vom 6. Jahrhundert bis zum Beginn des ersten Weltkrieges. Bautzen, 1990.
136. Solta J. Wirtschaft, Kultur und Nationalität. Ein Studienband zur sorbischen Geschichte. Bautzen, 1990.
137. Schrage G. E. Slaven und Deutsche in der Niederlausitz: Untersuchungen zur Siedlungsgeschichte im Mittelalter. Berlin, 1990.
138. Моторный В. А., Трофимович К. К. Серболужицкая культура (вторая половина XVIII – 70-е годы XIX века) // Становление национальной классики: культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 40-е – 70-е годы XIX века. – М.: Наука, 1991. С. 232–254.
139. Ронин В. К., Флоря Б. Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М.: Наука, 1991. С. 116–137.
140. Brězan S. Deutsche Aufklärung und sorbische nationale Wiedergeburt. Eine literaturgeschichtliche Studie zur deutsch-sorbischen Wechselseitigkeit. Bautzen / Budyšin, 1992.
141. Martl R. Die Sorben-Prüfstein und Experimentierfeld für die Nationalitätenpolitik // "Europa Ethnica". 1 (49). Wien, 1992. S. 13–36.
142. Elle L. Sorbische Kultur und ihre Rezipienten. Bautzen, 1992.
143. Remes F. W. Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung. Bautzen, 1992.
144. Капланов Р. Лужичане // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1992. С. 163–169.
145. Die Sorben in Deutschland. Sieben Kapitel Kulturgeschichte. Hrsg. von D. Scholze. Bautzen, 1993.
146. Лантева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). М., 1993.
147. Шевченко К. В. Чешско-серболужицкие связи с начала XX века до 1938 года (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1993.
148. Förster F. Verschwundene Dörfer. Die Ortsabbrüche des Lausitzer Braunkohlenvereins bis 1993. Bautzen, 1995.
149. Гугнин А. А. Проблемы серболужицкой культуры эпохи Просвещения // "Славяноведение". М., 1995. № 3. С. 60–75.
150. Ронин В. К. Славяне к западу от Одера и в Восточных Альпах в XV веке: проблемы самосознания // Этническое самосознание славян в

XV столетии. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1995. С. 123–138.

151. Malinkowa T. K brjoham nadžije. Wupućowanje Serbow do zamórskich krajow. Budyšin, 1995.

152. Zeil W. Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschaftsgeschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten. Bautzen/Budyšin, 1996. – 216 S.

153. Dahmsowa-Meškankec W. Marja Grólmusec. 1896–1944. Budyšin, 1996.

154. Ермакова М. И. Серболужицкая матица // Славянские матицы. XIX век. Часть первая. М., 1996. С. 159–189.

155. Лаптева Л. П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. – 132 с. (Справочники Научного центра славяно-германских исследований. 1)

VII. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

156. Срезневский И. И. Исторический очерк сербо-лужицкой литературы // "Журнал министерства народного просвещения". СПб., 1844. Ч. 43. № 7. С. 26–66 (Перепечатка с предисловием М. Фёлькиеля: *Létopis. Rjad B.* № 30. Budyšin / Bautzen, 1985. S. 195–210.).

157. Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб., 1881. Т. 2. С. 1064–1092.

158. Pypin A. N. Das serbisch-wendische Schriftthum in der Ober- und Niederlausitz. Aus dem Russischen übertragen sowie mit Berichtigungen und Ergänzungen versehen von Trangott Pech. Leipzig, 1884.

159. Hoffmann L. Die Sprache und Literatur der Wenden. Hamburg, 1899.

160. Černý A. Stawizny basnistwa lužiskich Serbow. Bautzen, 1910.

161. Kwětki. Serbska čitanka. Budyšin, 1921.

162. Vaux-Phalipau M. de. Légendes et contumes de Haut et Bas Lusace. Paris, 1928.

163. Vaux-Phalipau M. de. La littérature des Serbes de Lusace. Paris, 1929.

164. Páta J. Zavod do studija serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1929.

165. Wičaz O. Lipsk jako rodnisćo serbskeje romantiki // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1932. № 161–162.

166. Krječmar M. Jakub Bart-Ćišinski. Budyšin, 1933.

167. Páta J. Les Serbes de Lusace. Littérature et culture après la grande guerre. Genf, 1934.

168. Gołabek J. Literatura serbo-lużycka. Katowice, 1938.

169. Алексеев М. П. Белинский и славянский литератор Я. П. Йордан // Литературное наследство. Т. 56 (2). М.; Л., 1950.

170. Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. Bd. 1–2. Budyšin, 1954–1960.

171. Frinta A. Lužičtí Srbové a jejich písemnictví. Praha, 1955.

172. Hajnec L. Jan Bohuchwał Dejka, załožičel serbskeho nowinarstwa // "Létopis". Rjad A, № 3. Budyšin, 1955. S. 80–144.

173. Wičaz O. Handrij Zeiler a jeho doba. Budyšin / Bautzen, 1955. (Spisy Insituta za serbski ludospyt. 2).

174. Ze slowom a skutkom za serbow byće. Zazberal a zestajal P. Malink. Berlin, 1956.

175. Rauch W. J. Presse und Volkstum der Lausitzer Sorben. Würzburg, 1959.

176. Merlggl B. Storia della letteratura slovena. Con profilo della letteratura serbo-Łuzaziana. Mailand, 1961.
177. Mlynk J. Jakub Lorenc-Zalęski. Budyšin, 1962.
178. Jenč R. Die sorbische Literatur von den Anfängen bis zum Beginn des 18. Jahrhunderts // Geschichte der deutschen Literatur. 1600 bis 1700. Erster Teil. Berlin, 1962. S. 509–539. (Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Hrsg. von K. Gysi, K. Böttcher u. a. Bd. 5).
179. Bręzan J. Zhromadžene spisy w jednotliwych wudačach. Wudawačel P. Völkel. Zwjazk 1–12. Budyšin, 1965–1995.
180. Schuster-Sęw H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16–18. Jahrhundert. Budyšin, 1967.
181. Schuster-Sęw H. Das niedersorbische Testament des Mikławuš Jacubica 1548. Berlin, 1967.
182. Heine L. Die sorbische Balladendichtung. Eine historische-vergleichende Untersuchung (Dissertation). Leipzig, 1968.
183. Bart-Čišinski J. Zhromadžene spisy. Zwjazk 1–14. Budyšin, 1969–1985.
184. Stone G. The Smallest Slavonic Nation. The Sorbs of Lusatia. London, 1972.
185. Zejler H. Zhromadžene spisy. Wudawačel L. Heinec. Zwjazk 1–7. Budyšin, 1972–1997.
186. Stawisny Serbow. Zwjazki 1–4. Budyšin, 1975–1979.
187. Lorenc K. Mina Witkojc, Eine sorbische Dichterin. Cottbus, 1976.
188. Hančka G. Bohumiř Šwjeta. Budyšin, 1977.
189. Petr J. Arnost Muka. Žiwjenja a skutkowanje serbskeho prócowarja. Budyšin, 1978.
190. Lehmann A. Die Entwicklung des sorbischen Journalismus in der DDR vom Mai 1945 bis Ende 1978. Leipzig, 1979.
191. Petr J. Křesčan Bohuřer Pfuhl. Žiwjenje a skutkowanje serbskeho prócowarja. Budyšin, 1979.
192. Serbska Čitanka. – Sorbisches Lesebuch. Hrsg. von K. Lorenc. Leipzig, 1981.
193. Хайне Л. Сербо-лужицкая литература // История литературы ГДР. М., Наука, 1982. С. 441–456.
194. Русакова А. В. Юрий Брезан // История литературы ГДР. М.: Наука, 1982. С. 457–465.
195. Mětsk F. Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa. Budyšin, 1982.
196. Nowotny P. Dolnoserbske pismojstwo 1918–1945. Bautzen, 1983.
197. Völkel M. Serbske nowiny a časopisy w saštosći a w přitomnosći. Budyšin, 1984.
198. Стариков В. Юрий Брезан. Л., 1985.
199. Mětsk F. Mato Kosyk. 1853–1940. Budyšin, 1985.
200. Гүгнин А. А. Юрий Брезан // Гүгнин А. А. Современная литература ГДР. М.: Высшая школа, 1987. С. 46–52.
201. Голионцева В. Н. Юрий Брезан. Пятигорск, 1987.
202. Časopis Mačicy Serbskeje. Eine Auswahl. Hrsg. von J. Petr. Foromechanischer Neudruck. Bd. 1 – Beiträge zur Sprachwissenschaft. Budyšin, 1986; Bd. 2 – Beiträge zur Literatur und Kulturgeschichte. Budyšin, 1987.
203. Моторный В. А., Трофимович К. К. Серболужицкая литература.

История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987.

204. Language and Culture of the Lusatian Sorbs Throughout their History. Berlin, 1987.

205. Petr J. Abraham Frencl. Budyšin, 1989.

206. Tharaeus A. Enchiridion Vandalicum. Hrsg. von H. Schuster-Šewc. Budyšin, 1990.

207. Гугнин А. А. Серболужицкая литература // История всемирной литературы. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 516–518.

208. Гугнин А. А. Становление серболужицкой литературы в славяно-германском контексте // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 55–66.

209. Perspektiven sorbischer Literatur. Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar; Wien, 1993.

210. Гугнин А. А. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор. Новополоцк, 1994.

211. Гугнин А. А. Серболужицкая литература в эпоху романтизма; Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994.

212. Prínoški k stawiznam serbskeho pismowstwa lět 1945–1990. Zbérnik. Redakcija: Merćin Völkel. Budyšin, 1994.

213. Mlynkowa M. Zhromadžene splsy. Wudawačel Franz Šěn. Zwjazk 1–2. Budyšin, 1994.

214. Scholze D. Probleme der Literaturgeschichtsschreibung bei den Sorben // "Zeitschrift für Slawistik". Berlin, 1995, N 2 (40).

215. Гугнин А. А. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава. Новополоцк, 1995.

216. Гугнин А. А. Серболужицкая литература (1945–1967) // История литературы Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. М., 1995. С. 519–532.

217. Гугнин А. А. Концепция личности в серболужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. Отв. ред. И. И. Свирида. М., 1995. С. 158–164.

218. Koschmal W. Grundzüge sorbischer Kultur. Eine typologische Betrachtung. Bautzen, 1995.

219. Kunze P. Jan Arnošt Smoler. Ein Leben für sein Volk. Bautzen / Budyšin, 1995.

220. Gugin A. Die nationale Bewegung der Sorben im slavisch-deutschen Kontext // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1996, N 1 (Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht). S. 267–272.

221. Гугнин А. А. История серболужицкой литературы: Краткий очерк с библиографией. М., 1996. – 32 с. (Обзоры научного центра славяно-германских исследований. 1.)

222. Гугнин А. А. Серболужицкая литература (От истоков до XVIII века) // История литератур западных и южных славян. Т. 1. Отв. ред. А. В. Липатов. М.: Индрик, 1997. С. 695–710.

223. Гугнин А. А. Серболужицкая литература (1750-е–1830-е годы) // История литератур западных и южных славян. Том второй. Отв. редактор С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. С. 201–221.

224. Гугнин А. А. Серболужицкая литература (1840-е–1890-е годы) // История литератур западных и южных славян. Том второй. Отв. редактор С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. С. 472–490.

VIII. НЕКОТОРАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

225. Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 1–2. Варшава, 1886–1888.
226. Любавский М. История западных славян. М., 1918.
227. Páta J. Lužice, Československo a Slovanstvo. Praha, 1935.
228. Marti O. Die Völker West- und Mittel-Europas im Altertum. Baden-Baden, 1947.
229. Pörtlner R. Die Erben Roms. Städte und Stätten des deutschen Früh-Mittelalters. Berlin; Darmstadt; Wien, 1964.
230. Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse der gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968.
231. Ludat H. An Elbe und Oder um das Jahr 1000: Skizzen zur Politik des Ottonreiches und der slavischen Mächte in Mitteleuropa. Köln; Wien, 1971.
232. Ludat H. Slaven und Deutsche im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze zu Fragen ihrer politischen, sozialen und kulturellen Beziehungen. Köln; Wien, 1982 (Mitteldeutsche Forschungen. Hrsg. von R. Olesch u. a. Bd. 86).
233. Lübke Ch. Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Т. 1–5. Berlin, 1984–1988 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 131; Bd. 133; Bd. 134; Bd. 152; Bd. 157).
234. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
235. Zeil W. Slawistik in Deutschland. Forschungen und Informationen über die Sprachen, Literaturen und Volkskulturen slawischer Völker bis 1945. Köln; Weimar; Wien, 1994. – 666 S.
236. Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
237. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
238. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
239. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. – 414 с.
240. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. А – Г. Под редакцией Н. И. Толстого. М., 1995. – 578 с.
241. Zeil W. Slawistik an der deutschen Universität in Prag (1882–1945). München, 1995. – 150 S.
242. Назаренко А. В. Русско-германские связи древнейшей поры (IX–X вв.): состояние проблемы. М., 1995 (Доклады Научного центра славяно-германских исследований. 1). – 61 с.
243. История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том первый. 1945–1960 гг. Отв. редактор В. А. Хорев. М.: Индрик, 1995. – 695 с.
244. Очерки истории культуры славян. Ред. коллегия В. К. Волков, В. Я. Петрухин, А. И. Рогов, С. М. Толстая, Б. Н. Флоря. М.: Индрик, 1996. – 463 с.
245. История литератур западных и южных славян. Том первый. От истоков до середины XVIII в. Отв. редактор А. В. Липатов. М.: Индрик, 1997. – 188 с.
246. История литератур западных и южных славян. Том второй. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века – первые годы XIX века. Отв. редактор С. В. Никольский. М.: Индрик, 1997. – 672 с.

Именной указатель

А

Августин Блаженный Аврелий 25
Агальцов Сергей 182
Александр Македонский 60
Александр VI (папа римский) 24
Андрее Рихард 106
Андрицкий Алоис 166
Андрицкий Миклавш 122, 128, 131,
133, 138, 141, 150, 151, 199
Антон Карл Готлоб фон 62, 63, 65,
71
Арндт Эрнст Мориц 75
Арним Ахим фон 76
Архимед 60
Ахматова Анна Андреевна 181

Б

Бакунин Михаил Александрович 201
Бальзак Оноре де 169
Барт Арношт 120, 135, 140
Барт-Чишинский Якуб 106, 113, 114,
116, 117, 122–125, 128, 129, 131,
133, 138–141, 144, 162–164, 176,
193
Бартко Ян 95, 104, 108, 117, 122
Бахман Ингеборг 181
Бедрих-Радлюбин Миклавш 122, 129,
147
Безруч Петр 115, 139, 140, 153,
162, 177
Бёклин Арнольд 149
Белинский Виссарион Григорьевич 103
Белый Андрей 148
Беньшова Ганьжа 171
Беро Велем 169
Бёттигер Карл Август 66
Бирлинг Захария 37
Благослав Ян (епископ) 27
Бобровский Йоханнес 128, 164, 177,
179
Бобровский Михаил Кириллович 83
Бок Ян 27, 28
Бохорич Адам 30

Болеслав I (Храбрый) 16
Больте Й. 31, 32, 34
Больцано Бернардо 98, 99
Больценталь И. Х. Г. 76
Бороховский Иван 57
Браун Фолькер 178, 181, 192
Брезан Зимон 9, 66
Брезан Юрий 7, 8, 158, 159, 161, 162,
167–174, 183–187, 193, 195
Брентано Клеменс 76
Брехт Бертольд 162
Броккес Бартольд Хинрих 56, 57, 71
Бударь Бено 169, 191
Бударь Бено 182, 194
Бук Михал 102
Бук Якуб 105, 122
Бьеншова Ханжа 191
Бюнау Генрих фон 63
Бюргер Готфрид Август 57

В

Валтар Ян 121, 129
Вальдемар 18, 19
Вандер Макси 190
Варихий Вяцлав 20, 31, 46
Варко Ян Август 108
Вебер Петер 58
Вейзе Кристиан 28, 70
Велан Юлиус Эдуард 117
Веля Юрий 151, 152, 154
Веля-Радисерб Ян 95, 104, 110–112,
116, 122, 129, 147, 191
Венцель Ян 61, 71
Венька Ганс 60
Венька Перар 193
Вернсдорф Готтлиб 40
Винар Юрий 167, 169
Вингер Юрий 117, 122, 129, 131, 133
Виткойц Мина 139, 144, 145, 153,
155, 158, 160, 175, 191
Вичаз Ота 99, 115, 127, 133, 139,
144, 152, 155, 156, 157, 160
Вичаз-Хросчанский Павел 144
Вичазец Герта 111, 114, 151
Вольраб Иоганн 46
Вольраб Михаэль 31, 46

Вольраб Николаус 46
 Волькер Иржи 162
 Вольтер Кристина 190
 Вольф Герхард 181
 Вольф Криста 168, 186
 Вольф Христиан 56
 Ворнар Ян 169, 191
 Врхлицкий Ярослав 123, 128, 131
 Вуйеш Юрий 160

Г

Гавличек-Боровский Карел 131
 Гайдар Аркадий 167
 Ганка Вацлав 79, 83, 108
 Галлер Альбрехт фон 58
 Гарсиа Лорка Федерико 181
 Гаст Симон 46
 Гаташ Корла Бенъямин 90
 Гаттала Мартин 106
 Гачев Георгий Дмитриевич 199, 200
 Гашек Ярослав 138, 169
 Гейдрих 138
 Гейне Генрих 67, 162
 Геллерт Христиан Фюрхтеготт 58
 Гёльдерлин Фридрих 149
 Генрих II(Птицелов) 16, 132
 Гердер Иоганн Готфрид 23, 54, 62, 66, 71, 85, 89, 96, 100, 115
 Герман Иоахим 14
 Геро (маркграф) 115
 Герсдорф Генриетта Катарина фон 41
 Герсдорф Фридрих Каспар фон 41, 55
 Герхардт Пауль 126
 Гёте Иоганн Вольфганг 6, 61, 66, 76, 87, 89, 96, 113, 149
 Гильбенц Михал 68
 Гильфердинг Александр Федорович 101, 117
 Глован Дабит Богувер 74–77, 98, 197
 Гоголь Николай Васильевич 133, 167
 Голамбек Йозеф 138
 Голан Ян Арношт 106, 122
 Гомер 6, 126, 127, 138

Горник Михал 32, 95, 105, 112, 117, 122, 150
 Горчанский Ян 62–64, 66, 78
 Горький Максим 166, 170
 Гримм Якоб 62, 76, 89
 Гриммельсгаузен Кристоф фон 34
 Гройлих Павол 193
 Грольмусец Марья 153, 166
 Гугнин Александр Александрович 47, 100, 101, 152, 171
 Гумбольдт Александр фон 62
 Гус Ян 19
 Гуттен Ульрих фон 24
 Гутшмит Уве 192,
 Гюндерроде Каролина фон 111

Д

Далиборский М. 150
 Дамм Зигрид 181
 Дамсова-Мешканкец Ворша 8
 Данте Алигьери 149
 Дворжак Антонин 162
 Дейка Ян Богухвал 67, 68, 73, 74
 Деленк Юрий 131
 Дерван 12
 Державин Н. С. 45
 Дистервег Фридрих Адольф Вильгельм 77
 Добровский Йозеф 50, 62, 63, 79, 83, 87, 88, 99
 Добруцкий Ян Эмануэл 127, 129
 Домашка Михал 98, 122
 Домашка Ромуальд (псевд. Ильсан) 122, 147, 148, 151, 152
 Домашкойц Лиза 145
 Домашкойц Марьяна 145, 151, 192
 Домашцына Рожа 7, 174, 181, 182
 Достоевский Федор Михайлович 138
 Дранов Александр Васильевич 171
 Дросте-Хюльсхоф Аннете фон 111, 141, 177
 Дубрава Матей 37
 Дуличенко А. Д. 45
 Дункелойц Сабина 193
 Дырлих Бенедикт 7, 174, 181, 182
 Дырлихова Моника 192

Е

Екатерина II 57, 148
Енч Корла Август 84, 114, 122
Енч Рудольф 34, 50, 51, 61, 62, 65, 83,
115, 192
Ермакова Майя Ивановна 45, 101

Ж

Желивский 19
Жуковский Василий Андреевич 57, 93
Жур Якуб 79

З

Зауэрвайн Юрий (Зуровин Юро) 121,
192
Зейлер Гандрий 4, 61, 69, 77, 80, 82,
83, 85–96, 102, 103, 105, 106, 109–
115, 120, 123, 125, 127, 139, 144,
162, 175, 193
Зибелис Карл Готфрид 80, 85
Змешкал Владимир 160

И

Иванов Вячеслав Всеволодович 45
Иероним Блаженный 25
Имиш Яромер Хендрих 97, 98, 122
Ирасек Алоиз 115, 130, 131, 133,
138, 166

Й

Йоахим I (курфюрст) 24
Йордан Ян Петр 52, 95, 98, 102, 103,
105, 201

К

Каверзнев Афанасий 57
Кант Иммануил 99
Карл Великий 15
Катулл 85
Кёнигсдорф Хельга 190
Кёрниг Ян Кжесчиан 84, 85
Кёрнер Георг 59, 61
Кёрнер Теодор 75, 85
Киш Райнер 178, 181
Клаудиус Маттиас 126
Клейст Генрих фон 75

Клин Бедрих Адольф 80, 83, 84, 85
Клицлера Вацлав Климент 113
Клопшток Фридрих Готлиб 58, 59,
84, 85, 126
Кнауте Кристиан 62
Коварёва Лора 191
Кола Цирил 191, 193
Коллар Ян 87, 88, 98, 127
Кольхайм Георг 36
Коник Корла Богувер 94
Константин (Кирилл) 17
Корн С. П. 76
Косык Мато 114, 115, 133, 138, 144,
145, 162, 164
Кох Юрий 7, 8, 162, 163, 169, 174,
181, 183, 185–190, 192–194
Коцор Корла Август 90, 110, 111
Коцор Ян Кжесчан Август 59
Кошмаль Вальтер 9, 115, 198
Кравжа Юрий 169, 175, 191
Кравц Бьярнат 141, 156
Кравц Кжесчан 175, 191
Кравец Марья 175, 181, 183
Краль-Рахловц Франц 131
Крашевский Юзеф Игнаций 169
Кренц Курт 155, 169
Кречмар Миклавш 131, 142
Кречмар Павол 144
Кригар Божидар 53
Кригар Гендрих Август 82, 83, 85–
87, 91, 92, 94, 95
Кригар Юро 40, 53
Кригар Ян 36
Кружа Ян 128
Ксенофон 85
Кубаш-Ворклевач Юрий 155, 169
Кубашец Марья 147, 165, 166, 175,
191
Кунце Потер 98
Кухарский Анджей 87, 88
Кюн Иоганн Готфрид 55

Л

Лагода Ян 85, 86
Лайнерт Ян 128, 141, 142, 144, 160,
175, 176, 180

- Лалтева Людмила Павловна 83, 99, 100, 118
 Левыкин Вячеслав 180, 181
 Лейбниц Готфрид Вильгельм фон 39, 40, 56
 Лермонтов Михаил Юрьевич 130, 162
 Леска Натанаэль Богумер 64, 65
 Лескиен Август 121
 Лессинг Готхольд Эфраим 50, 70, 85
 Либш Герат 175, 183
 Либш Юрий 107, 122
 Лилиенкрон Детлев 141, 177
 Лок Франц Юрий 79, 80, 83, 85, 86, 99
 Лондон Джек 169
 Лоренц Кито 7–9, 33, 34, 70, 142, 143, 152, 159, 162–165, 177–182, 187, 194, 195
 Лоренц-Залеский Якуб 122, 128–130, 132, 137, 138, 145, 147–150, 153, 155, 162, 163, 179
 Лудовицы Юрий 38, 39
 Лупин Ян 36
 Любенский Гандрий 4, 69, 80–86, 88, 92, 94, 95
 Людмила (святая) 13
 Люксембург Ян 19
 Лютер Мартин 19, 25, 26, 32, 58
- М**
 Малинк Петр 169, 170, 177, 193
 Манлий Кристофор 28
 Мартини Грегор 35
 Матяш Корвин 18
 Маха Карел Гинек 142, 143
 Меланхтон Филипп 25, 26, 28, 29, 40
 Мелито (Милитух, Милидух) 15
 Мельда Ян Юрий 102
 Мень Рудольф 59, 68, 69
 Мень Юрий 21, 57–60, 66, 68, 78, 80, 126, 194
 Мерчинк Юрий 160
 Метерлинк Юрис 56
 Метшк Фридо 27, 36, 53, 71, 77, 155, 156, 158, 161, 174, 192, 197
 Миклавш из Дрездена 19
 Милутинович-Сарайлия Сима 88, 89
 Мильде Хайнрих 41, 53
 Михайлов Александр Викторович 9
 Михалк Фридо 45
 Мицкевич Адам 162
 Мичка Ян Бедрих 66
 Млынк Юрий 162
 Млынкова Марья 169, 175, 185, 186
 Можченский-Налез Станислав 66
 Моллер Альбин 20, 30, 46, 48
 Мольер Жан-Батист 169
 Мосак-Клосопольский Корла Август 52, 95, 97, 102, 122
 Моторный Владимир Андреевич 10, 46, 70, 72
 Мука Арношт 19, 50, 70, 106, 107, 110, 120, 121, 123, 124, 127, 130, 132, 133, 136
 Мучинк Ян Богувер 95, 103, 111, 116, 122
 Мюллер Вильгельм 93
 Мюллер Хайнер 192
- Н**
 Навка Антон 169, 183, 191
 Навка Михал 127, 129, 131, 133, 141, 156, 160
 Навка Томаш 175, 184
 Наглова Ингрид 193, 194
 Наполеон Бонапарт 67, 73, 74, 84, 148, 151
 Насицына Мадлена 191
 Недо Павол 21, 71, 154, 155, 171–174, 197
 Незвал Витезслав 142, 143, 162
 Нейман Станислав Костка 142
 Некрасов Николай Алексеевич 93
 Непила Ханзо 69, 151, 163, 197
 Неруда Ян 128, 130
 Неуступный Юрий 43
 Никитин Иван Саввич 93
 Нича Гандрий 66
 Новак Йозеф 128, 133, 139, 140, 144, 151, 160, 175, 176
 Новак Херберт 191, 192

Новак-Нехорнский Мерчин 139, 145–
147, 153, 157, 166, 175
Новотны Павол 192, 197
Новотный Йоахим 156
Норвид Циприан Камиль 162

О

Олеш Райнхольд 47, 62, 71
Оссецкий Карл фон 136

П

Палацкий Франтишек 83, 88
Парчевский Альфонс 121
Пата Йозеф 97, 133, 138
Паустовский Константин Георгиевич 167
Песталоцци Иоганн Генрих 77
Петр I 29, 38, 40, 51
Пилк Юрий 111, 128, 167
Плиний Старший 25, 157
Плотин 149
Пойкер Каспар 25–30, 40
Поних Самуэль Богумер 64
Поп Александр 63, 85
Порембский Ян (архиеп. краковский) 28
Потхоф В. 77
Преторий Павол 41
Пришвин Михаил Михайлович 167
Птолемей Клавдий 157
Пуркине Ян Евангелиста 83, 96
Пушкин Александр Сергеевич 6, 92, 162, 166, 167
Пфуль Жесчан Богумер 99, 102, 105
Пшихонский Франтишек 79, 98, 99
Пыпин Александр Николаевич 5, 6
Пьех Ян Богумер 9

Р

Радищев Александр Николаевич 65
Райман Бригитта 186
Рак Юрий 60, 61, 80
Рак Ян 24, 25, 27, 28
Рильке Райнер Мария 162
Ринч Ян 61
Рихтар Хинц 192,
Рихтар Ян Богумер 29, 46, 52–54, 71

Рыхтар Хельмут 194
Ройхлин Иоганн 25
Ронин В. К. 45
Роте Ханс 47
Роха Фриц 133, 144, 192
Рудольф II (император) 27, 30
Руссо Жан-Жак 84
Рушка Гандрий 66, 78, 80

С

Саакова Тереза 123
Сакс Ганс 33
Само 12, 13
Светлик Юрий Гавштын 20, 21, 42, 48
Седов Валентин Васильевич 11, 14, 43
Семиряга Михаил Иванович 70
Сенкевич Генрик 117, 128, 130, 131, 138
Сервантес 6
Сигизмунд Ян (курфюрст) 32
Скала Ян 136, 137, 140, 141, 144, 145, 147, 153, 155
Скорвид Сергей Сергеевич 200
Славибор 13
Слоденк Юрий 145, 151
Слокова Моника 192
Сметана Бедржих 162
Смолер Ян Арношт 4, 64, 94–97, 99, 100, 102, 105, 107, 108, 120
Снегова Ирина 165
Спасович Владимир 5, 6
Срезневский Измаил Иванович 4–6, 17, 45, 70, 81, 83, 93, 99–101, 103, 117
Стахова Ангела 7, 8, 162, 174, 190, 191, 194
Стемпель Кито Фриц 77, 108, 114, 115, 151, 192, 197
Субботин А. Л. 46
Супрун А. Е. 70

Т

Тамм Андреас 65
Тара Хандрош 7, 31–34, 36, 46, 47, 48, 192

Тацит Корнелий 25, 157
 Тило Адам 35
 Тиман Петр 177
 Тицин Якуб Ксавер 36, 37, 41, 42
 Толстой Лев Николаевич 131, 162, 166

Томазиус Христиан 56
 Тракль Георг 162
 Тройер Готфрид 36
 Тройер Кристоф 36
 Трофимович Константин Константинович 8, 10, 46, 70, 72
 Трубачев Олег Николаевич 11, 43
 Тургенев Иван Сергеевич 138, 166, 167

У

Уланд Людвиг 75, 89, 93, 94
 Урбан Матей 125–127, 133
 Урбих Иоганн Христофор 51

Ф

Фабрициус Ян Богумил 42, 48, 70
 Фасмер Макс 138
 Фасске Хельмут 45
 Федр 108, 114
 Фёлькель Мерчин 8, 61
 Феокрит 77, 114
 Фидлер Корла Август 95
 Фихте Иоганн Готлиб 62, 75, 149
 Флоря Борис Николаевич 45
 Фогель Ян Юрий 65
 Форстер Георг 65
 Франке Август Герман 40
 Фредесгар (Псевдо-Фредегар) 12
 Френцель Абрагам 50–52, 70, 92
 Френцель Михал (младший) 40
 Френцель Михал (старший) 37–41, 48, 50, 70
 Френцель Ян Заломон 61
 Френцель Альфонс 193
 Фридрих Август (курфюрст) 38
 Фридрих Вильгельм (курфюрст) 35, 36, 47
 Фридрих Вильгельм I (прусский король) 39, 52

Фриджельм Кристиан 36
 Фрицо Помгайбог Кристальюб 69
 Фрицо Ян Бедрих 63, 69, 70
 Фульк Миклавш Якуб 79

Х

Хагедорн Фридрих фон 58
 Хаупт Леопольд 64, 96, 97, 108
 Хайнец Люция 8, 167, 200
 Хайнрихова Маргарита 192
 Хайнца Ян 127
 Хакс Петер 192
 Хандрик Матей 129
 Хантшка Герат 192
 Ханушес Хайдрун 192
 Хежка Юрий 142–144, 152, 156, 177–179, 195
 Хейдушка Ян 144
 Хойнан Ян 35
 Хустетойц Ингрид 192

Ц

Цайль Вильгельм 9
 Цвид Антонина 181
 Цельтис Конрад 24
 Цимускло 15
 Цинцендорф Николаус Людвиг фон 41
 Цицерон 25
 Цыж Ян 127, 155, 169, 172, 175, 191

Ч

Чайковский Петр Ильич 162
 Чапек Карел 146
 Челаковский Франтишек Ладислав 83, 88, 89, 96, 98, 108
 Черный Адольф 121
 Чесла Ян 106, 112–114, 122
 Чех Святоплук 143
 Чехов Антон Павлович 130, 167
 Чижевский Дмитрий 139
 Чорнакец Ева-Марья 191

Ш

Шатобриан Франсуа Рене де 130
 Шафарик Павел Йозеф 83, 88
 Швеля Богумил 133, 144, 192

Швеля Кито 133, 192
 Шекспир Вильям 6, 162
 Шен Франц 9, 152
 Шенкарёва Рожа 192
 Шенкендорф Макс фон 75
 Шерах Гадам Богухвал 55–57
 Шерах Гадам Захариас 55
 Шерах Корла Богухвал 65
 Шерах Петр 55
 Шиллер Фридрих 85
 Шимон Мерчин Норберт 41
 Шимон Юрий Йозеф 41
 Шиндляр Ян Зигмунд Бедрих 75, 76
 Шлегель Фридрих 75, 76
 Шмидтец Фридерика 87
 Шолта Бено 169, 170
 Шолта Матей 63
 Шолцина Доротея 192
 Шольце Дитрих (Шолта) 8, 148, 152, 193, 198
 Шопенгауэр Артур 149
 Шпенер Филипп Якоб 37, 40
 Штайнер Рудольф 149
 Шторм Теодор 141, 177

Штур Людовит 83, 98
 Шуберт Хельга 190
 Шустер-Шевц Хайнц 12–14, 23, 44, 70

Э

Элле Людвиг 19, 159
 Эразм Роттердамский 26, 46
 Эрб Эльке 178
 Эрмель Юро 35

Ю

Юнг Ф. В. 84
 Юнгхенель Ян Богумил 65

Я

Якубаш Йозеф 127
 Якубица Миклавш 20
 Ян Лужицкий 28
 Янний Каспар 28
 Янка Ян Август 65
 Яношик Каспер 36
 Янус Якоб 29
 Яцславк Миклавш 112, 117

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
От истоков до начала XVIII века	11
Серболужицкие гуманисты.....	24
Хандрош Тара.....	31
Эпоха Просвещения	48
Сербское проповедническое общество в 1716–1760-х годах.....	54
Верхнелужицкое научное общество	62
Эпоха романтизма	73
Кружок Г. Любенского и Б. А. Клина.....	80
Кружок Г. Зейлера и Г. А. Кригара (1825–1828)	85
Пrensa и литература в период национального возрождения	101
Поэзия	109
Проза.....	116
Драма	117
На рубеже XIX–XX веков	119
Поэзия	123
Проза.....	128
Драма и театр.....	132
Между мировыми войнами (1919–1937)	134
Поэзия	139
Проза.....	145
Драма и театр.....	151
В тисках национал-социализма	153
От разгрома немецкого фашизма до конца 1960-х годов	157
Поэзия	160
Проза.....	165
Драма и театр.....	170
С конца 1960-х годов и до середины 1990-х годов	172
Поэзия	177
Проза.....	185
Драма и театр.....	194
Заключение	198
Библиография	203
Именной указатель	215

Научный центр славяно-германских исследований

**Создан в ноябре 1993 года
в Институте славяноведения и балканистики
Российской академии наук**

Центр ставит своей задачей комплексное изучение взаимодействия славянских и германских народов и государств на протяжении многовековой истории совместного проживания в Европе. Центр проводит регулярные заседания с докладами российских и зарубежных ученых по соответствующей проблематике, организует научные конференции, публикует доклады, обзоры, статьи, рецензии и другие материалы, связанные с историей взаимоотношений славянских и германских народов. Особое внимание уделяется комплексному изучению проблематики взаимосвязей национальных культур.

Центр готовит к выпуску нерегулярное периодическое издание "Славяно-германские исследования", которое будет стремиться к разностороннему освещению названной проблематики.

Руководитель Центра профессор
ГУГНИН
Александр Александрович
938-59-99 (вторник, четверг)
400-18-75 (дом.)

Ученый секретарь центра
ШИРОВА
Людмила Федоровна
938-59-99 (вторник, четверг)

**Факс: (095) 938-00-96
938-17-80**

Адрес: **Россия, 117334,
Москва В-334, Ленинский проспект,
дом 32-А, корпус "В", к. 927, 913**
Институт славяноведения и балканистики РАН
Научный центр славяно-германских исследований

Приглашаем к сотрудничеству

**Труды научного центра
славяно-германских исследований. 1.**

А. А. ГУГНИН

ВВЕДЕНИЕ

**В ИСТОРИЮ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ
ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

Москва, 1997. – 224 с.

Оригинал-макет – З. М. Гирфанова

Обложка и титул – М. И. Леньшина

ЛР 00935 от 9 ноября 1994 г.

